

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8-й год издания

№ 10

Октябрь 1938 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Овладеть теорией, преобразующей мир!

«История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», одобренная ЦК ВКП(б), является выдающимся событием в жизни партии и всей страны. Обсуждение задач, связанных с этим событием, стало в центре внимания всех партийных организаций. Многочисленный партийный актив с энтузиазмом встретил появление сталинской «Истории ВКП(б)», нужду в которой он особенно остро ощущал. Ленинский комсомол, объединяющий миллионы молодежи, для которой овладение большевизмом — вопрос жизни, получил все необходимое для плано-политического воспитания своих кадров. В среде многочисленной советской интеллигенции «История ВКП(б)» вызвала огромный интерес и подъем. Студенчество советских университетов и других вузов требует включения «Истории ВКП(б)» в учебные программы. Значение «Истории ВКП(б)», этого выдающегося документа большевизма, выходит далеко за пределы СССР. Научное обобщение гигантского исторического опыта единственной в мире коммунистической партии, которая своим руководством обеспечила победу диктатуры пролетариата и торжество социализма, вооружает борцов за коммунизм во всем мире.

Личное участие товарища Сталина в работах Комиссии обеспечило этой книге исключительные высокие качества. Создано незаменимое руководство по марксистско-ленинской теории, во всей своей революционной мощи показана философия марксизма, показан марксизм-ленинизм в действии. Устранен имевший место в пролетарской работе отрыв ленинизма от марксизма. Ленин, ученик и последователь Маркса, гениально применил марксизм к новой исторической эпохе. Ленинизм, выросший на гранитной базе марксизма, является его продолжением и дальнейшим развитием. Поэтому нельзя понять ленинизм, нельзя овладеть большевизмом, не усвоив марксистской философии и не изучив основных трудов Маркса и Энгельса, в первую голову таких первоисточников, как «Манифест Коммунистической Партии», «Капитал», «Анти-Дюринг». «История ВКП(б)» устанавливает единство и нераздельность марксизма-ленинизма, а также единство и нераздельность марксистско-ленинской теории и практики революционной борьбы. «История ВКП(б)» — энциклопедия марксизма-ленинизма — отточенное оружие выработки цельного, единого материалистического мировоззрения.

Высокий теоретический уровень «Истории ВКП(б)», ее максимальная четкость и сжатость — весь сталинский стиль — придают ей всепокоряющую силу убедительности, делают ее образцом большевистской научной работы, главной особенностью которой является единство и нераздельность метода, содержания и формы.

Основные моменты истории ВКП(б) освещены с высоты диалектического и исторического материализма. Сжатые, четкие обобщения иллюстрируются фактами живой борьбы классов. Мастерским применением метода диалектического и исторического материализма к новейшему этапу мировой истории сделан ряд новых блестящих обобщений. Все это превращает «Историю ВКП(б)» в могучее, непобедимое идейное оружие борьбы за преобразование мира, за коммунизм.

«История ВКП(б)» ликвидировала недочеты, на которые указывали товарище Сталин, Жданов и Киров в своих «Замечаниях» на конспекты учебников по новой истории и истории СССР и письмо товарища Сталина к составителям учебника «История ВКП(б)»: забвение связи между историей ВКП(б) и всем экономическим и политическим развитием страны, а также недооценка влияния, которое оказывало на все развитие революционного движения России революционное и социалистическое движение Западной Европы.

«История ВКП(б)» не вырывает историю партии из общей истории рабочего движения и из истории народов СССР, а дает ее в нераздельной связи с революционным движением масс и на фоне общей истории страны, на фоне ее экономического и политического развития. С первых страниц «История ВКП(б)» связывает историю партии с историей мирового рабочего движения и с историей марксизма в России.

В книге установлена новая, единственно правильная и четкая периодизация, согласно указаниям товарища Сталина, и этим устранены субъективизм и путаница в периодизации. Новая периодизация ярко и выпукло подчеркивает те особенности и своеобразие каждого периода, те качественные изменения в общей обстановке борьбы и в жизни партии, которые обуславливали переход от одного периода к последующему.

«История ВКП(б)» устраняет ряд других недочетов, существовавших в деле изучения и преподавания богатой истории партии Ленина — Сталина. Нанесен удар недооценке роли сознательности, роли передовых идей, роли теории, роли партии в поступательном революционном движении рабочего класса.

Главная заслуга «Истории ВКП(б)» заключается в том высоком теоретическом уровне, на который подняты все вопросы истории большевизма. «История ВКП(б)» является новым драгоценным вкладом в науку, в частности в историческую науку. Большевизм всегда был резко враждебен всякой недооценке теории, всякой беззаботности в отношении основных принципов, из которых исходит партия во всей своей революционной деятельности. «История ВКП(б)» — образец большевистского отношения к вопросам марксистско-ленинской теории. В ней история партии поставлена на научные большевистские рельсы, вопросы теории поставлены в центре внимания, в марксистско-ленинском учении подчеркнут больше всего его творческий характер.

«Учение Маркса всеильно, потому что оно верно», — говорит Ленин. Ленинизм непобедим, потому что он является «марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций, марксизмом эпохи победы социализма на одной шестой части земли». ВКП(б) осуществляла роль руководителя и организатора борьбы рабочего класса в трех революциях, привела рабочий класс к победе пролетарской революции и к победе социализма не случайно, а потому, что она опиралась в этой борьбе на самую передовую теорию и неустанно двигала ее вперед. «Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу» («История ВКП(б)», гл. IV). Партия Ленина — Сталина не бродила ощупью, а шла уверенным шагом, с настойчивостью преодолевала трудности, которые казались непреодолимыми, и не уклонилась в сторону от единственно верного пути, ибо Ленин и Сталин и их лучшие ученики, овладев в совершенстве диалектическим методом познания действительности, сумели мастерски использовать этот метод для революционного преобразования этой действительности.

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были един-

ственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата» («История ВКП(б)»).

«История ВКП(б)» показывает, как великий основатель большевизма Ленин начал подготовку партии с разработки основ ее идеологии, опираясь на диалектический и исторический материализм, применяя марксистскую диалектику к изучению российской действительности и приходя к бесспорным выводам о перспективах развития и задачах борьбы.

Уже на самых ранних ступенях этой подготовки, в «утробный период» развития партии, Ленин в борьбе против народничества, «легального марксизма» и «экономизма», против ошибок Плеханова и его единомышленников защищает марксистское учение, отвергая догматическое его усвоение и отстаивая живой марксизм, его революционную душу, и использует его как руководство в революционной борьбе. Подвигает читателя уже в первых главах к вопросам теории: к вопросу о роли личности в истории, об идеалистическом и материалистическом объяснении истории, об отношении стихийности и сознательности,— «История ВКП(б)» вскрывает на анализе общей обстановки борьбы и на основе самых вызвоющихся произведений Ленина, как Ленин выковывал идеологическую основу партии.

В лице «экономистов» Ленин видит разновидность международного оппортунизма, который после смерти Энгельса расцвел пышным цветом в западноевропейском рабочем движении. За ширмой официального благополучия и формального оттеснения ревизионизма и реформизма Ленин видит оппортунистическое перерождение Интернационала и несостоятельность социал-демократических партий с точки зрения новых боевых задач, которые выдвигает перед рабочим движением поворот в развитии капитализма к его империалистической стадии. Ленин в «Искре» поднимает знамя борьбы за революционную, пролетарскую, марксистскую партию. В своей книге «Что делать?», а еще раньше в статье «С чего начать?» Ленин излагает ближайшие задачи под углом зрения новой обстановки, новой эпохи. Ленин, защищая марксизм, развивает его и обогащает новыми страницами в борьбе за то, чтобы на основе рабочего движения России в условиях подготовки к буржуазно-демократической революции создать партию социальной революции и диктатуры пролетариата в отличие от партий реформ, партий классового сотрудничества.

На страницах «Искры» и в особенности в своей работе «Что делать?» Ленин развил подробный план построения партии как передового отряда рабочего класса. В книге «Что делать?» Ленин закладывает фундамент программы партии, указывая, что ее конечной целью является свержение капитализма и установление социализма, а ближайшей задачей — свержение царизма и установление демократических порядков, которые облегчат борьбу за конечную цель. Уже в этой работе Ленин предвосхищает авангардную роль рабочего класса России в международном рабочем движении. «История поставила теперь перед нами, — говорил Ленин, — ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (Ленин. Т. IV, стр. 382).

В борьбе против «экономистов» Ленин отстаивает передовую роль пролетариата в буржуазно-демократической революции. В книге «Что делать?» Ленин указывает на первенствующую роль революционной теории для борющегося рабочего класса и его партии. «Без революционной теории не может быть и революционного движения». Обрушиваясь на «экономистов», воспевавших стихийный процесс и принижавших роль социалистического сознания, Ленин вскрывает предательский характер этой философии, ибо эта философия «экономистов» обрекала рабочий класс на «хвостизм», расчищала путь для буржуазного влияния на пролетариат, готовила не партию социальной революции, а партию социальных реформ. Ленин указывает на связь между российскими «экономистами» и оппортунистами в западноевропей-

ских социалистических партиях, ревизующих учение Маркса и отрекающихся от революции, от социализма, от диктатуры пролетариата. Указав на полный идейный разгром Лениным «экономистов», «История ВКП(б)» так оценивает значение работы «Что делать?»:

«Историческое значение «Что делать?» состоит в том, что Ленин в этой своей знаменитой книге:

1) Первый в истории марксистской мысли обнажил до корней плетень истоки оппортунизма, показав, что они заключаются прежде всего в преклонении перед стихийностью рабочего движения и в принижении роли социалистического сознания в рабочем движении;

2) Поднял на высоту значение теории, сознательности партии, как революционизирующей и руководящей силы стихийного рабочего движения;

3) Влекаяще обосновал коренное марксистское положение, гласящее, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом;

4) Дал гениальную разработку идеологических основ марксистской партии.

Теоретические положения, развитые в «Что делать?», легли потом в основу идеологии большевистской партии («История ВКП(б)». Гл. II).

Не удивительно, что ленинская книга «Что делать?», вышедшая 36 лет назад, имеет и теперь актуальнейшее значение не только для ВКП(б), но и для любой секции Коммунистического Интернационала.

На II съезде РСДРП возник большевизм «на самой твердой базе теории марксизма» (Ленин), на идеологической основе, которую дал Ленин в «Что делать?» и в ряде других выступлений. На новом этапе истории партии, когда оппортунизм переродился и принял новую форму, когда меньшевизм занял место «экономизма» и меньшевики стали тащить партию назад от II съезда к организационной раздробленности, к кружковщине и кустарничеству, появляется книга «Шаг вперед, два шага назад», в которой, отстояв партийность против кружковщины и кустарничества, Ленин разгромил оппортунизм меньшевиков в организационном вопросе, заложил организационные основы марксистской партии и «первый в истории марксизма разработал учение о партии, как руководящей организации пролетариата, как основного оружия в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру» («История ВКП(б)». Гл. II).

В самый разгар буржуазно-демократической революции 1905 года, когда организационные разногласия между большевиками и меньшевиками переросли в разногласия тактические, Ленин выступает с книгой «Две тактики социал-демократии в демократической революции», являющейся исключительно ценным вкладом в сокровищницу марксизма.

В этой работе не только научно обоснованы тактические задачи революционной партии пролетариата в буржуазно-демократической революции, но дана новая теория социалистической революции и заложены основы большевистской тактики, обеспечившей победу пролетарской революции в октябре 1917 года. Книга обосновывает учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, роль крестьянства как естественного союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции, задачу изоляции либеральной буржуазии как главной социальной опоры царизма в период буржуазно-демократической революции. В этой книге Ленин защищает необходимость активного участия партии рабочего класса в организации временного революционного правительства и обязанности участия в нем при определенных условиях, во имя доведения революции до конца. Ленин научно обосновывает роль партии в организации вооруженного восстания, тактику «самочинных» революционных действий масс и массовой политической стачки. В этой же работе обоснован лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», которая означала решительную победу революции над царизмом, не дала бы буржуазии отнять у народа плоды победы и была бы шагом по пути к диктатуре пролетариата. Это была теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, теория, исходящая из положений Маркса о непрерывной революции, которые Ленин развил и «переработал

в стройную теорию социалистической революции, вводи в дело новый момент, как обязательный момент социалистической революции, — союз пролетариата и полупролетарских элементов города и деревни, как условие победы пролетарской революции» («История ВКП(б)», Гл. III).

«По этой теории гегемония пролетариата в буржуазной революции при союзе пролетариата и крестьянства должна была перейти в гегемонию пролетариата в социалистической революции при союзе пролетариата и остальных трудящихся и эксплуатируемых масс, а демократическая диктатура пролетариата и крестьянства должна была подготовить почву для социалистической диктатуры пролетариата» («История ВКП(б)», Гл. III).

В этой книге заложены уже элементы позднее развитого Лениным и Сталиным учения о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

В условиях столыпинской реакции разложение и упадочнические настроения в некоторых слоях интеллигенции стали заражать и часть партийной интеллигенции. «Критика» марксизма стала модой. Часть партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твердо на позициях марксизма: Базаров, Богданов, Луначарский (в революции 1905 года примыкавшие к большевикам), Юшкевич, Валентинов (меньшевики), — сделала попытку ревизии теории марксизма. Однако они не объявляли открыто о своем разрыве с марксизмом, а двурушнически продолжали признавать себя «в основном» марксистами и выражали лишь намерение «улучшить» марксизм.

«И чем лицемернее велась эта критика по подрыву теоретических основ марксизма, тем опаснее становилась она для партии, ибо тем теснее она смыкалась с общим походом реакции, против партии, против революции» («История ВКП(б)», Гл. IV).

Эти отошедшие от марксизма интеллигенты восприняли антимарксистскую, идеалистическую философию Маха и Авенарюса. Махисты выбрасывали за борт основное в материалистической философии — первичность материи. Уж этим одним они шли на поклон к идеализму. Некоторые из них договорились до того, что пролетариату нужна религия — «религия социализма», — и стали «богоскаталями» и «богостроителями».

Ленин увидел в теориях эмпириокритиков полный отход от материализма, возврат к идеализму, уступку религии и поповщине.

В атмосфере европейской и российской политической реакции наступление контрреволюции на идеологическом фронте не было случайным. Не было случайным, что на стороне махистов в качестве «инспекторов» материализма был также и «теоретик» эсеров В. Чернов. Не случайным было и то, что журнал Каутского «Нейе цайт» печатал без единой оговорки эмпириокритиков. Это был единый фронт против диалектического и исторического материализма, это была попытка ревизии марксизма со стороны панугающих контрреволюцией попутчиков социализма и начало отхода от марксизма таких теоретиков марксизма, как Каутский.

«Перед марксистами стояла неотложная задача — дать должную отповедь этим перерожденцам в области теории марксизма, сорвать с них маску, разоблачить их до конца и отстоять, таким образом, теоретические основы марксистской партии» («История ВКП(б)», Гл. IV).

Плеханов ограничился случайными замечаниями на Богданова, совершенно замалчивая ошибки Каутского и меньшевиков, и вообще воздержался от генерального боя. Этот генеральный бой дал Ленин в своей классической философской работе «Материализм и эмпириокритицизм». Эта книга вышла далеко за рамки разоблачения махистов. «Книга Ленина является вместе с тем защитой теоретических основ марксизма — диалектического и исторического материализма — и материалистическим обобщением всего важного и существенного из того, что приобретено наукой, и, прежде всего, естествознанием за целый исторический период, за период от смерти Энгельса до появления в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» («История ВКП(б)», Гл. IV). Эта работа Ленина — замечательный образец творческой научной работы, развития и обогащения теории марксизма. Эта работа Ленина была теоретической подготовкой партии нового типа.

В этой книге Ленин показал, что ревизионизм в философии, в политической экономии и в тактике классовой борьбы на тогдашнем этапе характеризовался тонкой фальсификацией марксизма и ползкой под марксизм антиматериалистических учений, что все эти учения, в частности вся «школа» Маха и Авенарнуса, ведут к идеализму и что за этим походом против материализма нельзя не видеть, в конечном счете, классовой борьбы и борьбы враждебных партий, прислужничества в религии и поповщине со стороны «виспревергателей» материализма.

Обобщая достижения науки за период от смерти Энгельса, Ленин указал, что новейшие достижения естествознания подтвердили диалектический материализм и что причиной кризиса в некоторых областях естествознания является то, что метод диалектического материализма еще не занял должного места в науке. Доказав полный отход эмпириокритиков от марксизма, Ленин отстаивал диалектический и исторический материализм и вооружил партию единым и цельным мировоззрением, изложил сущность диалектического и исторического материализма. Ленин в этой работе высоко поднял знамя материалистической философии, поднял знамя воинствующего материализма и воинствующего атеизма, знамя партийности в науке, показал ее мобилизующую силу.

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была теоретической подготовкой партии нового типа.

«История ВКП(б)» уделяет исключительно большое место теоретическим основам большевистской партии — диалектическому и историческому материализму. Четвертая глава заключает в себе важнейший теоретический раздел книги «О диалектическом и историческом материализме». «Диалектический и исторический материализм составляет теоретический фундамент коммунизма, теоретические основы марксистской партии, а знание этих основ и, значит, их усвоение являются обязанностью каждого активного деятеля нашей партии» («История ВКП(б)»).

«Не трудно понять, какое громадное значение имеет распространение положений диалектического метода на изучение общественной жизни» («История ВКП(б)»). Это распространение положений диалектического метода на изучение общественной жизни и есть исторический материализм. В свете исторического материализма каждый общественный строй и каждое общественное явление обусловлены и связаны, имеют свое прошлое и будущее, возникают, развиваются и умирают. К этим явлениям единственно верным подходом является исторический. Исторический материализм исключает «вечность» и «незыблемость» того или иного общественного порядка, признает непрерывность, закономерность и поступательный характер его развития, происхождение этого развития из борьбы противоречий, заключенных в той или иной общественной системе. С железной логикой «История ВКП(б)» формулирует революционные выводы, вытекающие из диалектического и исторического материализма, для рабочего класса, для революционной пролетарской партии, для пролетарской революции.

«Значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем, так же, как капиталистический строй заменил в свое время феодальный строй».

Значит, надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущее, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы.

В восьмидесятых годах прошлого столетия, в эпоху борьбы марксистов с народниками, пролетариат в России представлял незначительное меньшинство в сравнении с единоличным крестьянством, составлявшим громадное большинство населения. Но пролетариат развивался как класс, тогда как крестьянство как класс распадалось. И именно потому, что пролетариат развивался как класс, марксисты ориентировались на пролетариат. И они не ошиблись, ибо, как известно, пролетариат вырос потом из незначительной силы в первостепенную историческую и политическую силу.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад.

Дальше. Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что

революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление.

Значит, переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлено не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом.

Дальше. Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением.

Значит, нужно не замазывать противоречия капиталистических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии, а не сглаживательскую политику «врастания» капитализма в социализм («История ВКП(б)»).

«История ВКП(б)» показала: 1) то новое, что внес в марксистскую теорию Ленин, 2) новое, чем практика социалистического строительства обогатила марксистско-ленинское учение, и 3) что теоретически обобщено товарищем Сталиным.

«История ВКП(б)» показывает марксизм-ленинизм в действии. Она ярко отражает роль марксистско-ленинской теории и роль партии в трех революциях, в борьбе рабочего класса за диктатуру пролетариата и за победу социализма. Она показала громадную мобилизующую, организующую и преобразующую роль, которую сыграла марксистско-ленинская теория — самая передовая и единственно правильная теория — в победе социалистической революции в нашей стране. Читая «Историю ВКП(б)», особенно ясно видишь, что означали для всей истории народов СССР такие выступления Ленина, как «Что делать?», «Две тактики в буржуазно-демократической революции», как «Материализм и эмпириокритицизм» и другие важнейшие работы Ленина, как «Крах II Интернационала», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция». Наша страна, наша революция выглядели бы иначе, если бы не своевременное выступление Ленина с «Апрельскими тезисами», которые повернули партию лицом к новым историческим задачам и лозунги которых, овладев миллионами передовых рабочих и крестьян нашей страны, превратились в громадную материальную силу, обеспечившую победу социалистической революции. В свете пройденного пути мы яснее чем когда бы то ни было раньше видим, что означало своевременное выступление товарища Сталина с классической работой «Об основах ленинизма», его борьба против контрреволюционных реставраторских «теорий» всяких троцких и бухаринских, сеявших распад и разложение, что означало своевременное выступление товарища Сталина с обоснованием ленинской теории возможности построения социализма в одной стране. В свете нынешней международной обстановки, когда уже не только на деле доказана возможность построения социализма в нашей стране, но и ясно видна историческая его необходимость, мы можем по достоинству оценить преобразующую силу сталинских положений, принятых XIV и XV съездами ВКП(б) и VII расширенным пленумом ЦККП.

«История ВКП(б)» является призывом к советской науке, к советской интеллигенции — овладеть марксистско-ленинской теорией.

Докладывая Чрезвычайному VIII всесоюзному съезду советов проект Конституции, товарищ Сталин говорил о советской интеллигенции: «Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция

это — совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством».

И если до революции партия боролась против нездоровых настроений «махавщины», пренебрежительного отношения к интеллигенции, то теперь, когда интеллигенция — наша, партия должна особенно внимательно относиться к интеллигенции и недопустить громадной роли советской интеллигенции в судьбах нашей социалистической родины.

Своевременность появления «Истории ВКП(б)» трудно переоценить. Особенности нового этапа в политической жизни страны, который создан Сталинской Конституцией, является прилив на все фронты социалистического строительства новых, молодых кадров, занятых грандиозной созидательной работой, но нередко отставших теоретически.

ВКП(б), лично Ленин и Сталин уделяли всегда исключительное большое внимание делу политического воспитания кадров. Советские кадры, овладевая техникой, не должны утрачивать общих перспектив борьбы. В условиях советской действительности просто был бы нетерпим нередко встречающийся в Европе тип узкого специалиста, может быть, и выдающегося в своей области, но детски беспомощного в вопросах мировой политики. Тем не менее одностороннее увлечение хозяйственным строительством ценой утраты общеполитического горизонта со стороны партийного и советского актива было отмечено партией. Призыв товарища Сталина к овладению большевизмом мобилизовал партию на исправление этого недостатка. Теперь, имея в руках «Историю ВКП(б)», партия сумеет полностью реализовать призыв товарища Сталина об овладении большевизмом. Трудно переоценить то исключительное значение, которое будет иметь факт овладения большевизмом нашими кадрами — хозяйственными, государственными, научными — всей нашей советской интеллигенцией. Вся наша советская интеллигенция — как уже вступившая на арену общественной работы, так и готовящаяся к ней в сотнях наших вузов — может и должна быть вооружена великим учением марксизма-ленинизма, этой теорией, преобразующей мир. Изучение теоретических основ партии Ленина — Сталина выходит далеко за пределы обычной просветительской задачи. Громадная мобилизующая, организующая и преобразующая сила марксистско-ленинской теории уже проверена в огне борьбы. Победа диктатуры пролетариата и торжество социализма в СССР есть торжество марксистско-ленинского учения, есть результат того, что партия Ленина — Сталина, овладев этим учением, двигала его дальше и пользовалась им не как догмой, а как руководством к действию.

Овладев большевизмом, наша советская интеллигенция превратится в несокрушимую силу нашего дальнейшего продвижения вперед. Но овладеть большевизмом — значит овладеть методом диалектического материализма теоретически, не как догмой, а как руководством к действию. Это значит двинуть марксистско-ленинскую теорию вперед, обогатить ее новыми страницами на основе громадных достижений социализма в нашей стране, на основе новых достижений науки, дать образцы марксистско-ленинско-сталинского предвидения, ибо руководить — значит предвидеть. А наши кадры советской интеллигенции — это кадры руководителей социалистического строительства.

Невозможно переоценить значение подъема теоретической работы у нас в стране для дальнейших судеб социализма, для мировой науки, для судеб всего мира. Наступление фашизма в Европе и активизация его во всем мире ведут к новой мировой империалистической войне. В странах капитала фашистская агрессия ведет к экономической и военной катастрофе. Она ведет также и к глубочайшему кризису в области науки и культуры. Приход Гитлера к власти и фашистская агрессия, с одной стороны, усилили культурную реакцию, с другой — создали поворот налево со стороны лучших представителей буржуазной интеллигенции и людей науки во всем мире. Контрреволюционное наступление фашизма на культурном фронте вызвало громадный интерес к марксизму со стороны представителей не только гуманитарных, но и естественных и точных наук. Одновременно все возрастает интерес к Советскому Союзу, к единственной вика стране, где расцветает наука и культура, где торжествует учение марксизма-ленинизма в социалистическом строитель-

стве. Это означает, что на советскую интеллигенцию история возлагает исключительную ответственность и великие задачи.

На основе исторических побед социализма мы идем к коммунизму. Безграничные возможности нашего роста. Величайший простор создан у нас для развития науки, а следовательно, для ускорения нашего победоносного продвижения вперед, к вершинам коммунизма. Капиталистическое окружение, о котором нельзя забывать ни на минуту, облизывает весь советский народ и прежде всего его многочисленные руководящие кадры с величайшей злобностью. Слабость теоретической подготовки наших кадров была использована злыми врагами народа в их преступлениях против социалистической родины. Этот урок нельзя забыть.

Глубокое изучение «Истории ВКП(б)», изучение наряду с ней первоисточников — гениальных трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — вот единственно верный путь к овладению подлинной наукой, к овладению искусством смотреть вперед, предвидеть, руководить.

Великий пример товарища Сталина, стоящего на вершине современной передовой науки, в совершенстве владеющего диалектическим методом и гениально перерабатывающего марксистско-ленинское учение для завоевания побед социализма в нашей стране, — этот пример должен воодушевлять каждого советского интеллигента.

Боевая задача каждого сознательного советского интеллигента, каждого студента и студентки — овладеть теорией, преобразующей мир.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 года В ГЕРМАНИИ

«Победа пролетарской революции, победа диктатуры пролетариата невозможна без революционной партии пролетариата, свободной от оппортунизма, непримиримой в отношении соглашателей и капитулянтов, революционной в отношении буржуазии и ее государственной власти» («История ВКП(б)»).

Ноябрьская революция в Германии разразилась через год после победы Великой Октябрьской социалистической революции и под ее непосредственным влиянием. Мировая империалистическая война еще не кончилась, но уже агонизировала: выход России из войны нанес войне решающий удар. Полное поражение Германии в войне стало фактом. В странах Западной Европы назревал революционный кризис. Империалисты Антанты, добившись поражения Германии и охваченные страхом перед ростом влияния большевизма, готовились продиктовать свою волю побежденным и сплотить все силы мирового империализма для борьбы против Советской России.

Положение Германии накануне революции характеризовалось полным истощением экономических и военных ресурсов, хозяйственной и продовольственной катастрофой, дезорганизацией правительственного аппарата, разложением армии и революционизированием значительной части ее. В народных массах нарастал подъем революционного движения; все глубже проникали в эти массы лозунги Великой Октябрьской социалистической революции. Измученные войной, «низы» в Германии больше не могли и не хотели жить по-старому, а «верхи» не могли править по-старому.

22 октября 1918 года Ленин писал: «...революция назревает не по дням, а по часам, и это не только говорим мы, — нет, это говорят именно все немцы из военной партии и буржуазии, которые чувствуют, что шатаются министры, что им народ не доверяет, что они продержатся в своем правительстве очень недолго.

Это говорят все знающие положение дел: насколько неизбежна народная революция в Германии, а, может быть, даже пролетарская революция»¹.

Первый этап развития ноябрьской революции, в особенности повсеместное создание советов рабочих и солдатских депутатов, целиком подтверждает эту ленинскую оценку. Однако ноябрьская революция не стала германским Октябрем. «...Революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая...»². В России буржуазно-демократическая февральская революция 1917 г. благодаря ряду благоприятных исторических условий и особенно благодаря наличию сильной, закаленной в боях большевистской партии переросла в победоносную социалистическую революцию. Через девятнадцать лет СССР записал и закрепил в Сталинской Конституции всемирноисторическую победу социализма.

В Германии ноябрьская революция в силу ряда условий, в особенности же в результате глубокого раскола рабочего класса и отсутствия сильной большевистской партии, была загнана силами буржуазии и социал-демократии в тупик Веймарской республики, которая, просуществовав 15 лет, без боя уступила место фашизму. Двухлетние своей ноябрьской революции Германия встречает под сапогом Гитлера, превратившего переловую Германию в очаг мракобесия, в военный концлагерь, в кузницу новой мировой войны. В условиях начала второй империалистической войны международный пролетариат, и в первую голову рабочий класс Германии, использует уроки ноябрьской революции.

1

Великая Октябрьская социалистическая революция возникла в пламени мировой империалистической войны, которая «потрясла всю систему мирового империализма и положила начало его общему кризису» (Программа Коминтерна). Октябрьская социалистическая революция явилась наиболее ярким выражением этого кризиса, а ее победа — решающим фактором его дальнейшего углубления. В 1917 году наиболее слабым звеном в цепи мирового империалистического фронта оказалась царская Россия.

«Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, отняла у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки — в собственность всего народа, в общественную собственность.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 229.

² «История ВКП(б)», стр. 221.

Она установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом.

Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества—эру пролетарских революций»¹.

Германия в 1918 году оказалась вторым слабейшим звеном империализма.

Германия, вступившая на путь капиталистического развития позже чем Англия и Франция, но зато развития более бурного, особенно после франко-прусской войны (1870—1871 годы), в последние два—три десятилетия перед мировой империалистической войной 1914—1918 годов являлась уже типичной, «классической» империалистической страной, страной трестов и картелей, страной, в хозяйственной жизни которой играли решающую роль монополии, банки, финансовый капитал. Вместе с тем Германия была страной крупного землевладения. Монархия Гогенцоллернов, выражая интересы двух классов—империалистической крупной буржуазии и крупных землевладельцев-аграриев,—сосредоточила правительственную власть главным образом в руках последних и сохраняла многие пережитки феодализма в экономике и политическом режиме страны.

Внутри страны неуклонно росли классовые противоречия. Из них основными были противоречия между трудом и капиталом, между растущей армией рабочего класса и монополистической буржуазией.

На мировой арене с каждым днем росли противоречия между Германией и другими, более старыми великими державами. Страна высокоразвитой индустрии, в которой неуклонно росла роль тяжелой промышленности, Германия уже к началу XX века обладала громадным и все растущим производственным аппаратом, позволявшим ей вытеснить на ряде участков мирового рынка Англию и толкавшим Германию к дальнейшей экспансии.

Англо-германское соперничество на мировом рынке и борьба Германии за новые рынки, источники сырья и вообще за сферы влияния («за место под солнцем») были главной (но не единственной) причиной мировой империалистической войны 1914—1918 годов, войны за новый передел мира между капиталистическими союзами и между великими державами.

Рост милитаризма ложился тяжелым бременем на рабочий класс и трудящиеся массы вообще. Несмотря на громадный рост национального дохода процесс обнищания рабочего класса не приостанавливался. Последние два десятилетия перед

войной политическая реакция все возрастала.

Подъем промышленности, сменивший кризис 1900—1902 годов, и буржуазно-демократическая революция 1905 года в России усилили революционные настроения в рабочем классе Германии. Ряд крупных стачек 1903—1906 годов (текстильщиков в Криммичау, углекопов в Руре, металлистов и др.) носил упорный характер. На этой волне подъема рабочего движения усиливается социал-демократия (победа на выборах 1903 года). Борьба рабочих идет под лозунгом демократизации государственного строя, в особенности демократизации допотопного, реакционного избирательного закона в Пруссии, против империализма, милитаризма и политической реакции, за рабочее законодательство. Острые формы выступлений 1905—1910 годов (крупные демонстрации в Дрездене и в Берлине, стачка-протест в Гамбурге, массовые демонстрации в Берлине и во Франкфурте на Майне), сопровождавшиеся кровавыми столкновениями с полицией, знаменуют поворот в рабочем движении. Растет страх буржуазии перед угрозой революции. Открытый поход против стачечников и социал-демократии ускоряет процесс полевения рабочих.

Парламентские партии и парламентская борьба, профсоюзы и другие массовые рабочие организации становятся недостаточными. «Империализм подводит рабочий класс к революции»².

К моменту начала империалистической войны 1914—1918 годов многолетняя политика классового сотрудничества привела германскую социал-демократию в исторической измене 4 августа—к голосованию в рейхстаге за военные кредиты, к оглашению патриотической декларации, к безоговорочной поддержке германского империализма. Оппортунизм перерос в социал-шовинизм. Война, явившись исторической проверкой для всех партий II интернационала, с исключительной силой обнажила предательскую сущность оппортунизма, о чем давно сигнализировал Ленин. Исторической изменой германской социал-демократической партии начался крах II интернационала. «II интернационал перестал существовать. Он распался на деле на отдельные социал-шовинистические партии, воюющие друг с другом»³.

Внутри германской социал-демократии единство давно стало формальным: на деле единства уже не было. Раскол внутри партии выразился в образовании трех течений: крайне правого—социал-патриотического во главе с Шейдеманом, Эбер-

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 3.

³ «История ВКП(б)», стр. 158.

¹ «История ВКП(б)», стр. 214.

том и др., левого, интернационалистского во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург и центристского во главе с Каутским и Гильфердингом.

Таким образом, в период войны, когда силы империалистической Германии объединялись, были сконцентрированы, сплочены и сильнее всего укреплены сотрудничеством с социал-демократией, рабочий класс Германии оказался расколотым, дезорганизованным, дезориентированным. Раскол рабочего класса, социал-демократические предрассудки и демократические иллюзии сказались на всем развитии революционного движения и на исходе ноябрьской революции.

За годы войны произошел глубокий упадок народного хозяйства Германии. Все оно согласно «программе Гинденбурга» было подчинено интересам войны. Отрыв Германии от мирового рынка вызвал уже в начале войны кризис сырья, который несмотря на массовое производство сурrogатов неуклонно обострялся. Полностью военизированное хозяйство испытывало недостаток рабочей силы ввиду массовых мобилизаций кадровых рабочих и возросшей военной промышленности. В мирное время Германия ввозила 30% предметов питания. 4 года войны, затруднившей ввоз предметов питания и разрушившей сельское хозяйство, привели в 1918 году к голоду в тылу и в армии несмотря на грабеж хлеба на Украине и в других оккупированных Германией областях. Ни правительственная регламентация потребления, ни широкое применение сурrogатов питания не могли предотвратить продовольственной катастрофы.

Бедствия войны вызвали в народных массах ненависть к виновникам войны — правительству Вильгельма II и ко всей буржуазии. Бешеный рост военных прибылей капиталистов, военная диктатура, милитаризация труда в форме трудовой повинности, замена мужского труда женским и детским при громадном отставании заработной платы женщин от заработной платы мужчин, рост дороговизны, который сводил на-нет частичное увеличение номинальной заработной платы, вызвали резкое недовольство и сопротивление широких масс, особенно рабочих. После трех лет войны угасла надежда на ее скорый победоносный конец. Массы отрезвлялись от патристического угара, росла их воля к борьбе.

В Германии особенно быстро сказались революционизирующее влияние русской революции. Уже в апреле 1917 года под непосредственным влиянием февральской буржуазно-демократической революции в России крупные стачки на заво-

дах военного снаряжения в Германии сопровождались лозунгами создания советов. В эти же апрельские дни возникло движение во флоте, вылившееся в июле в мятежи на ряде военных кораблей. Расстрел революционных матросов и массовые казни приговоры вызвали волну негодования в народе.

2

Решающий поворот в настроении широких масс на Западе создала Великая Октябрьская Социалистическая революция.

Декрет о мире, первый декрет, принятый II съездом советов, прозвучал для трудящихся всех стран не только как вестник близкого конца войны, но и как призыв к борьбе за ее окончание. «Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных, участвующих в настоящей войне государств, — Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии», — говорилось в декрете.

Громадная революционная сила этого исторического декрета сказалась очень скоро, в частности в возросшем количестве случаев бегства солдат на фронте. Повсюду в Европе — на фронтах и в тылу — усиливалось массовое движение против войны, за немедленный мир. Октябрьская социалистическая революция показала всем народам пример революционного выхода из войны. Трудящиеся массы Германии и Австро-Венгрии с затаенным дыханием следили за переговорами в Брест-Литовске, за их частыми перерывами и возобновлениями, за борьбой вокруг Бреста внутри Советской России.

Подобно тому как организованное правительство Керенского летом 1917 года наступление русских войск на фронте, «задержало развитие революции на западе», — предательские попытки Троцкого и Бухарина сорвать мирное соглашение в период брестских переговоров «на деле и о м о г л и германским империалистам и н о м е м а л и росту и развитию револю-

или в Германии»¹. Тем сильнее было революционизирующее воздействие твердой мирной политики Ленина и Сталина.

В Берлине и в других городах в январе 1918 года в стачках участвовали сотни тысяч рабочих. В это же время (январь 1918 года) разразилась рабочая революция в Финляндии, вспыхнула политическая стачка в Австрия; в феврале в Австрии же произошло восстание матросов (в Катарфе). 4 марта, на следующий день после подписания брестского договора, в Германии и Австро-Венгрии произошли грандиозные массовые демонстрации. Всеобщая политическая стачка в шпоне была предвестием ноябрьской революции в Австрии. Германская армия на Украине и в других оккупированных областях разлагалась, заражалась большевизмом. В сентябре 1918 года произошли волнения среди немецких и австрийских солдат в Могилеве, Ровно и других городах. Части германской армии, переброшенные с восточного на западный фронт, разносили большевистские идеи по всей Европе, по окопам, казармам и концлагерям военнопленных. Брестский договор поворачивался против германского и против всего мирового империализма.

Вступление в войну США (6 ~~июня~~ ^{апреля} 1917 года) и целого ряда других стран на стороне Антанты дало последней такой перевес сил, который исключал победу Германии в войне. Правящим классам Германии было теперь ясно, что большая программа завоеваний, с которой Германия вступила в войну, провалилась. В лагере буржуазных партий начинается борьба двух групп — сторонников скорейшего заключения мира во имя спасения всего, что еще возможно спасти (в первую очередь захваченных позиций на Украине, в Польше и в Прибалтике), и сторонников дальнейшего продолжения войны до победы.

Навязав России грабительский брестский договор, германский империализм решил дать на западном фронте решающее сражение, причем считал начать наступление до того момента, когда войска США успеют прибыть в Европу. 21 марта 1917 года германское командование начало наступление. Неслыханно кровавые, упорные трехмесячные бои закончились полным разгромом германской армии. 18 июля 1918 года началось контрнаступление войск Антанты.

7 сентября союзники прорвали первую германскую оборонительную линию. 29 сентября союзная с Германией Болгария капитулировала и подписала перемирие с

Антантой. Голод, усталость и разложение германской армии призмали чудовищные размеры. 1 октября Людендорф заявил правительству, что при настоящем положении и 48 часов ждать нельзя с предложением перемирия. Капитуляция Болгарии ставила под удар главного союзника Германии — Австро-Венгрию, которая угрожала Германии, что немедленно приступит к мирным переговорам, если Германия не начнет их первая. 31 октября капитулировала союзница Германии — Турция.

Первым ответом германской буржуазии было образование правительства во главе с принцем Максом Баденским, с участием социал-демократов (Шейдемана и Бауэра) и двух представителей буржуазной партии «Центра» (Эрдбергера и Гребера). Этому правительству поручено было предпринять первые шаги к заключению перемирия. Такая «демократизация» преследовала двойную цель — сделать более стоворчивой Антанту, отказавшуюся разговаривать с правительством Вильгельма и обмануть поднимающиеся массы призраком «демократической» власти. Но предотвратить революцию было уже нельзя.

3

Революция 1918 года в Германии, имея много общих и родственных черт с февральской революцией 1917 года в России (возникновение обеих революций в огне мировой империалистической войны, свержение монархий, создание советов и т. д.), имела вместе с тем свои особенности и отличия.

Ленин и Сталин неоднократно предостерегали против упрощенных исторических параллелей, сравнений и аналогий, против забвения особенностей и своеобразия развития каждой страны.

«Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин. И этот момент близок и он неизбежно и неизбежно наступит. Нам легче было начать революцию, но чрезвычайно трудно ее продолжать и завершить. Страшно трудно лается революция в такой выходе развитой, с прекрасно организованной буржуазией стране, как Германия, но тем легче будет закончить победоносно социалистическую революцию после того, как она вспыхнет и зажжется в передовых капиталистических странах Европы»².

Из пяти основных условий обеспечения

¹ В. И. Ленин. Т. XXII, стр. 307.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 147.

пих победу пролетарской революции в России (см. «Историю ВКП(б)», стр. 202—204), в Германии в 1918 году отсутствовало решающее условие: во главе рабочего класса не было сильной, закаленной в боях коммунистической партии, точнее, крайне слаба была политически и организационно молодая коммунистическая партия Германии, которая оформилась как самостоятельная партия лишь в дни ноябрьской революции.

Несомненно, что германская буржуазия была во много раз сильнее российской как своим политическим опытом, так и организованностью. Однако к моменту революции дезорганизация и растерянность буржуазии достигли предела. 3 октября Ленин писал: «В Германии разразился политический кризис. Паническая растерянность и правительства, и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом. Бездальность военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами обнаружены сразу»¹.

Германская буржуазия обратилась к социал-демократии, уже оказавшей ей во время войны серьезные услуги, как к последнему «якорю спасения». «С конца октября 1918 года в Германии всякому стало ясно, что революция неотвратима. Буржуазия трепетала... Но она знала также, что есть одна группа, годная для ее защиты: партия Эбертов-Шейдеманов... Эберты-Шейдеманов... все средства пустили в ход, чтобы снова усыпить умы, и, если гроза разразится, сделать ее неопасной...»².

Для крупной промышленной буржуазии, вынужденной на время похоронить свои империалистические планы ввиду поражения Германии в войне, единственным выходом был блок с социал-демократией на предмет предотвращения социалистической революции хотя бы ценой ряда уступок рабочему классу.

Социал-демократия была, по существу, хозяином положения в стране на первом, решающем этапе революции, но она была уже давно партией не революционной, а реформистской. Она выражала интересы не революционных рабочих масс, а рабочей аристократии и широких слоев мелкой буржуазии, которая до войны отдавала миллионы своих голосов социал-демократии за ее антивоенные лозунги, а к моменту революции не желала ничего другого, кроме скорейшего окончания войны и водворения «порядка». Правое крыло социал-

демократии в перепод войны превратилось в силу контрреволюционную.

Удельный вес и роль рабочего класса в Германии были очень велики. Германский пролетариат уже к началу войны составлял не меньше одной трети населения страны. Но большинство рабочего класса Германии находилось под влиянием протекторской социал-демократии и реформистских профсоюзов. К началу войны «свободные» реформистские профсоюзы насчитывали 2,5 миллиона членов. Германская социал-демократическая партия имела миллион членов, вела за собой и имела 4,5 миллиона избирателей, в парламенте 110 депутатов (выборы 1912 г.), 1,5 миллиона читателей партийной и 3 миллиона читателей профессиональной печати, обладала 220 мандатами в ландтагах (парламенты отдельных государств, входивших в состав Германии), 2886 мест в городских муниципалитетах и 9115 представителей в сельских самоуправлениях. Эти широкие связи с массами и их доверие к партии, завоеванное в довоенные годы, когда германская социал-демократия еще стояла на позициях революционной классовой борьбы, шейдемановцы использовали в интересах сохранения господства германской буржуазии.

Лишь меньшинство рабочего класса видело ясно эту измену. Работа левых во время войны не пропала даром, письма «Спартака», его пламенные революционные лозунги «Война войне!», «Враг в собственной стране!» и другие были широко популярны в массах, однако к моменту ноябрьской революции не спартаковцы оказались во главе широких масс. В течение ряда лет, гоняясь за призраком мнимого единства партии, они не разорвали организационно с оппортунистами. Когда под непосредственным влиянием февральской революции началось быстрое колебание масс в Германии, конференция левоцентристской «оппозиции» в городе Готе 6/8 апреля 1917 года основала «Независимую социал-демократическую партию Германии», этим самым оформив раскол германской социал-демократической партии. В то время «независимцы» вели за собой больше 100 тысяч членов партии. При расколе к ним из 88 партийных газет с тиражом в 870 тысяч перешло 14 газет с тиражом в 124 тысячи. Подпольная группа спартаковцев осталась в рамках этой новой партии, правда, в форме обособленной единицы, но неспособной при таких условиях обладать силой и авторитетом самостоятельной революционной пролетарской партии.

Авторитет «независимых» в массах укреплял только позицию правых социал-демократов, ибо «независимцы» не были революционной партией ни по своей

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 215.

² Из воззвания спартаковцев.

программе, ни по своей политике. Ленин неоднократно указывал, что они «независимы» только от пролетариата, но весьма и весьма зависимы от буржуазии. Имея своими теоретиками Каутского и Гильфердинга, а вождями — таких политических пройдох, как Криспиан и Дитман, «независимцы» не могли сыграть никакой иной роли, кроме той, которую они сыграли в ноябрьской революции, а именно роли **п л о т н ы**, задерживавшей переход рабочих к спартаковцам-коммунистам — единственным вдохновителям пролетарской революции в Германии.

«А действительно революционной партией немецких рабочих во время кризиса не оказалось, вследствие отчуждения с расколом, вследствие гнета проклятой традиции, «единства» с протэжной (Шейдеманны, Легины, Давилы и К°) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К°) **бандой лакеев капитала**»¹.

А между тем развитие событий показало, насколько благоприятна была почва для такой партии. С первых дней ноябрьской революции спартаковские лозунги: «Вооружение пролетариата», «Разоружение буржуазии», «Создание советов», «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов» — находили широкий отклик в массах.

Движение поднялось особенно высоко после освобождения из тюрьмы любимого вождя спартаковцев К. Либкнехта. Рабочие ознаменовали его освобождение 21 октября стотысячной демонстрацией у здания советского посольства. Это была демонстрация не только солидарности с пролетарской революцией в России, но и демонстрация воли к завоеванию власти в Германии.

Правительство Макса Баденского обратилось за посредничеством в деле установления перемирия и начала мирных переговоров с Антантой к Соединенным штатам Америки в лице президента Вильсона. Вильсон в трех ответных нотах, особенно в ноте от 29 октября, намекал на отречение кайзера как на предварительное условие перемирия. Однако ни представители буржуазных партий, ни представители социал-демократии в правительстве Макса Баденского не решались поставить вопрос об отречении Вильгельма.

28 октября возникло движение в военном флоте в связи с провокационной подготовкой нового военного выступления на фронте. За отказом матросов военных кораблей от повиновения и арестами среди них последовала 4 ноября объединенная демонстрация рабочих и моряков в городе Киле. Эта демонстрация переросла в восста-

ние. Восставшие захватили в свои руки порты Любек, Гамбург и Бремен, а 8 ноября — Мюнхен. Они низложили баварского короля и провозгласили Баварскую республику. Успешное наступление «союзников», заставившее 5 ноября германскую армию оставить вторую оборонительную линию окопов, ускорило развязку. В дни 1—9 ноября почти по всей Германии возникли советы рабочих депутатов. Только под напором революции, перед лицом всеобщей стачки в Берлине и восстания всего народа в день 9 ноября, когда сотни тысяч трудящихся вышли на улицу, кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию. В тот же день было образовано новое правительство, получившее название «Совета народных уполномоченных». Дав новому правительству такое название, напомилавшее название Советского правительства в России («Совет народных комиссаров»), социал-демократы начали ту гнусную политическую игру, которая в течение целого года вводила массы в заблуждение. Она заключалась в том, что, не осмеливаясь в первый период революции открыто выступить против ярко выраженных стремлений масс к социалистической, советской революции, шейдемановцы дали возможность «независимцам» болтать о «социалистическом» характере социал-демократического правительства, даже о советской власти, с тем чтобы, усыпив бдительность масс, тем успешнее удержать движение в русле буржуазной революции. Новое правительство было в руках социал-демократии. В него вошли Эберт, Шейдеман и Ландсберг от правого крыла германской социал-демократической партии, т. е. шейдемановцев, и Гаазе, Дитман и Барт от «независимцев».

Правительство «Народных уполномоченных» обратилось с манифестом к германскому народу, в котором оно отменяло военное положение, объявляло свободу коалиций и собраний, политическую амнистию и обещало 8-часовой рабочий день. Вместе с тем оно проклампровало «защиту частной собственности от нарушения частных лиц». Под угрозой немедленного нового наступления союзников Германия 11 ноября подписала условия перемирия. «Так Германия, держава перворазрядная, одним ударом была низвергнута в положение державы второразрядной»².

С этого момента «чисто социалистическое правительство», как его называли для обмана масс социал-демократы, подчинило все свои действия основной задаче — приостановлению дальнейшего развития революции путем быстрого заключения мира и созыва Учредительного собрания.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 485—486.

² «История ВКП(б)», стр. 220.

Эберт сейчас же после манифеста даже объявил, что «революция уже кончилась».

4

Восстание, как и советы, возникло в провинции раньше чем в Берлине, что облегчило победу революции в столице, а следовательно, и во всей стране. Отставание с организацией совета в Берлине объясняется прежде всего тем, что здесь наибольшим влиянием в рабочем классе пользовались «независимцы», которые шли на восстание и на организацию советов лишь под напором революции, лишь как на «неизбежное зло», лишь под страхом, что влияние на массы перейдет к спартаковцам.

«Независимые» не были едины, но единым фронтом оттесняли спартаковцев. Правые «независимцы» действовали под диктовку шейдемановцев, а «левые независимцы» колебались между правыми «независимцами» и спартаковцами. Желая обезвредить спартаковцев, «левые независимцы» сейчас же после освобождения Либкнехта предложили ему войти в состав центрального комитета своей партии. Когда Либкнехт поставил условием своего вхождения в ЦК принятие платформы «Союза Спартак», державшего курс на пролетарскую революцию в Германии, не только правые, но и «левые независимцы» отвергли эти условия.

Утром 2 ноября «независимые» присоединились под давлением «революционных старост» (организация, возникшая накануне революции, возглавляемая «левыми независимцами» во главе с Леденбуром; в этой организации приняли участие и спартаковцы) к предложению о восстании в ближайшие дни. А вечером того же дня, когда представители семидесяти тысяч рабочих крупнейших предприятий Берлина заявили, что рабочие уже готовы к выступлению, правые «независимцы» решительно воспротивились выступлению в ближайшие дни. «Левые» (Леденбур и др.), в начале совещания поддержавшие предложение о выступлении 4 или 5 ноября, метнулись на сторону правых, как только спартаковцы внесли конкретное предложение, гласившее: «Начать восстание всеобщей забастовкой, выставив требования немедленного перемирия, освобождения политических заключенных и снятия осажденного положения, и одновременно с этим призвать рабочих и солдат к созданию рабочих и солдатских советов». Под угрозами правых и благодаря колебаниям «левых» собрание 2 ноября 22 голосами против 19 отклонило решение о выступлении 5 ноября. Начавшиеся аресты революционных старост ускорили события. В ночь на 9 ноября «комитет революционных старост» уже не от своего имени, а от имени еще не родившегося «Исполнительного комитета со-

ветов рабочих и солдатских депутатов» выступил с воззванием к рабочим и солдатам о выступлении 9 ноября под лозунгами: «За мир, хлеб и свободу!» и «Да здравствует социалистическая республика!»

Только под напором всеобщей стачки и победы восстания возник в Берлине на 2-й день после свержения монархии столичный совет рабочих и солдатских депутатов.

Если восстание не было по-настоящему подготовлено, если оно не имело ни плана, ни достаточного руководства, то виной этому было не только сопротивление открытых контрреволюционеров-шейдемановцев, саботаж правых и колебания «левых независимых», но и неизбежные центристские предрассудки спартаковцев: их недооценка роли пролетарской партии, их преклонение перед стихийностью движения.

Еще накануне буржуазно-демократической революции 1905 г. в России в борьбе с «экономистами» Ленин показал, что воспевать стихийный процесс рабочего движения и отрицать руководящую роль партии, сводя ее роль к роли регистратора событий, — значит проповедывать «хвостизм», проповедывать превращение партии в хвост стихийного процесса, в пассивную силу движения, способную лишь созерцать стихийный процесс и полагаться на само-тек»¹.

Возникновение советов в Германии и в других странах Европы само по себе явилось фактом всемирно исторического значения.

Взиреки клеветническим замыслам социал-демократии, будто большевизм и советы — «самобытное русское явление», что это «азиатский социализм», совершенно непригодный как образец для культурного Запада, появление советов в Германии, Австрии и других странах Западной Европы подтвердило, что «большевизм годится, как образец тактики для всех» (Ленин). Возникновение советов в Германии и в ряде других европейских стран знаменовало собой глубокий кризис буржуазной демократии, который Ленин обосновал в целом ряде своих произведений: «Советы — вот что характеризует революцию везде... Значит, исторический крах буржуазной демократии не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью»².

Однако советы могут осуществить свою историческую миссию только при определенных условиях. Германский пролетариат заимствовал идею советов из опыта рабочего класса России. Советы в России победили как органы восстания, как носители революционной власти, как центры вооружения и

¹ «История ВКП(б)», стр. 36.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 312.

«самочинных» революционных действий масс, как руководители разгрома государственной машины буржуазии, как лучшая форма союза рабочего класса с крестьянством и, наконец, как созданная инициативой и творчеством масс историческая форма диктатуры пролетариата и самой последовательной демократии. Но советы в России стали такими не в силу каких-то случайных условий, а в силу того, что их сущность распознали большевики еще в 1905 году и что партия Ленина и Сталина влила боевое содержание в жизнь советов, что она боролась внутри советов за их завоевание и, разоблачив и изолировав мелкобуржуазные партии, добилась этой цели. В Германии рабочий класс, в силу здорового классового инстинкта следуя по пути российских рабочих, создал советы, которые, как и в феврале 1917 года в России, очутились в руках социал-соглашателей. А большевистской партии, которая помогла бы рабочему классу и з о л и р о в а т ь эти мелкобуржуазные партии и освободить от них советы, германский пролетариат еще не создал.

«Мы знаем случаи, когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контр-революцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например, в июле 1917 г., когда советами руководили меньшевики и эс-эры и советы прикрывали контр-революцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контр-революцию против революции»¹.

Теоретик «независимых» К. Каутский, встретивший в штыки победу советской власти в России, страхась растущей популярности лозунга диктатуры пролетариата в Германии и Австрии, опубликовал в августе 1918 года брошюру «Диктатура пролетариата», в которой обрушился на большевиков, на диктатуру пролетариата, на советскую власть, противопоставив им в качестве идеала буржуазную демократию («чистую демократию») как единственный и притом «мирный» путь к социализму. Ленин уже в октябре 1918 года в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский», а позже (накануне ноябрьской революции в Германии) в брошюре того же названия показал, что «Каутский извратил самым неслыханным образом понятие диктатуры пролетариата, превратив Маркса в дюжинного либерала, т. е. локатился сам до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», при-

крашивая и затушевывая классовое содержание буржуазной демократии, чуждаясь всего более революционного напора со стороны угнетенного класса»².

Каутский особенно яростно выступает против того, что большевики превращают советы в «государственную организацию». Ленин, считая, что это рассуждение Каутского есть «гвоздь» всего вопроса», показал, как Каутский извратил учение марксизма о государстве, отрекся от пролетарской революции и диктатуры пролетариата, стал ренегатом марксизма.

«Независимые» в Германии всей своей политикой претворяли в жизнь ренегатскую теорию Каутского.

«Независимцы» на словах неоднократно заявляли о своей верности советам, а на деле они не оказали сопротивления шейдемановцам, когда те, получив большинство на I всегерманском съезде рабочих и солдатских депутатов, вынесли 19 декабря решение о созыве на 16 февраля Учредительного собрания как единственного носителя власти в стране и как высшей инстанции, которая заключит мир. А для утешения рабочих «независимые» создали смехотворную теорию сочетания советов (или, как они выражались, «советской системы») с учредилкой, теорию, которую Ленин высмеял и разоблачил как предательскую.

Самым важным для контрреволюции было разоружить революционных рабочих и солдат. Для этой цели Эберт от имени шейдемановцев заключил сделку с генералами кайзера Гинденбургом и Ренером на предмет вызова в Берлин с фронта войсковых частей и образования из них вооруженного кулака против советов, против рабочего класса.

В армии были восстановлены старые порядки, офицеры получили прежнюю власть и чины. Старый государственный аппарат остался нетронутым. В порядке подготовки общего разоружения революционных рабочих и солдат правительство спровоцировало кровавые стычки на улицах, сваливая вину за разжигание гражданской войны на спартаковцев. 5 декабря подымавшая уже голову контрреволюция расстреляла демонстрацию революционных солдат на улицах Берлина. 6 декабря контрреволюционные банды сделали попытку арестовать исполнительный комитет совета рабочих депутатов. 14 декабря было опубликовано распоряжение правительства народных уполномоченных о разоружении рабочих и революционных солдат. 24 декабря правительственные войска расстреля-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма» стр. 519.

«К. Каутский» *Вопросы ленинизма* Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 345.

ли в Берлине революционную матросскую дивизию.

Наряду с травлей спартаковцев и террором против революционных рабочих шейдемановцы спровоцировали уход из правительства представителей «независимых». Своим выходом из правительства (28 декабря) «независимые» окончательно развязали руки шейдемановцам.

4 января 1919 года правительство сместило с поста начальника берлинской полиции «независимца» Эйхгорна, который пользовался доверием революционных рабочих, помогал им вооружаться и под руководством которого полиция не могла быть надежной опорой контрреволюции. Рабочие Берлина восприняли снятие с поста Эйхгорна как открытый вызов контрреволюции и ответили восстанием против правительства Эберта — Шейдемана. Массы вышли на улицу и после грандиозной демонстрации захватили ряд правительственных зданий и здание газеты германской социал-демократической партии «Форвертс». Однако определенной программы, четких задач это выступление не имело. «Независимцы» своей двойственной политикой, своими колебаниями между революцией и контрреволюцией помогли последней. Спартаковцы, только в эти дни оформившиеся в коммунистическую партию, были единственными, кто ставил в порядок дня пролетарскую революцию. Но они не входили в советы и были еще слабы организационно.

Восстание вспыхнуло стихийно и было потоплено в крови сыгравшим роль германского Кавеньяка социал-демократом Носке, вошедшим в историю под именем «кровавой собаки Носке». Вооруженные отряды контрреволюции из белых офицеров, буржуазных студентов и контрреволюционных солдат набросились на восставших, беспощадно расстреливая сотню рабочих, пленных, арестованных и высылаемых к ним для переговоров парламентариев. 15 января белые офицеры арестовали и зверски убили любимых вождей революционного пролетариата К. Либкнехта и Р. Люксембург. Впоследствии стало точно известно, что к этому убийству приложили руки и шейдемановцы.

Известие об этом злодействе потрясло рабочих всех стран. В своем «Письме к рабочим Европы и Америки», написанном в январе 1919 г. Ленин писал: «Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами. Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости»¹. Теперь, через

двадцать лет после убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта, через четыре года после убийства С. М. Кирова, после вскрытых на московских судебных процессах 1935-1938 годов фактов гнуснейших преступлений банкетов, называвших себя когда-то социалистами и коммунистами, всяких троцких, бухаринных, зиновьевых, каменивых и др. — международный пролетариат обогатился сознанием того, что в эпоху решающих боев между силами капитализма и социализма нет того преступления, перед которым остановились бы враги народа.

Январское восстание было потоплено в крови. Советы были «обезврежены», а наиболее революционные из них разогнаны, рабочие разоружены.

«Независимцы» всей своей политикой поддерживали в массах иллюзии насчет серьезных намерений «Совета народных уполномоченных», использовать демократию как мирный путь к социализму. Они доказывали полную возможность такого бескровного пути и противопоставляли его большевистскому пути, пугая массы «ужасами гражданской войны» и угрозой интервенции. Созданная комиссия по «социализации» промышленности, куда вошли Каутский и Гильфердинг, стала ареной бессмысленных дискуссий об «обобществлении» промышленности без ущемления капиталистической собственности.

Болтовня о «социализации», как и вынужденная временная терпимость к советам, служили главной цели — спустить на тормозах революцию, незаметно для рабочего класса убить все, что могло сделать революцию пролетарской, социалистической.

5

В условиях неслыханного белого террора прошли выборы в Учредительное собрание, давшие большинство (больше 15 миллионов голосов) буржуазным партиям. Буржуазия Германии могла торжествовать! Большое количество голосов, полученное социал-демократией (11,5 миллиона за шейдемановцев и 2 миллиона за «независимцев»), ясно показало, что, с одной стороны, мелкая буржуазия оценила «заслуги» социал-демократии как партии буржуазного «порядка», с другой. — что несмотря на предательство германской социал-демократии значительные массы рабочих еще возлагали на нее надежды.

Созыв Учредительного собрания, принятие веймарской конституции, утверждение версальского договора установили в Германии режим буржуазной республики, который был более приспособлен для империалистических целей германской буржуазии чем волюфеодальная монархия.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 498.

Вместе с тем республика была известным завоеванием для рабочих. «...Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей...»¹.

Версальский договор, обрушившийся на германский народ невыносимым бременем, и ряд неразрешенных и неразрешимых в рамках буржуазного строя противоречий — вся международная и внутренняя обстановка послевоенной Германии — обуславливали неустойчивость положения веймарской республики.

Ноябрьская революция не разрешила острейших внутренних противоречий. Об этом лучше всего говорит то, что революционные рабочие долго еще не складывали оружия. Годы 1920—1923 ознаменовались крупнейшими боями рабочего класса Германии, которые возникли под знаком борьбы за власть.

Очень скоро после январских боев и после созыва Учредительного собрания Базария стала ареной борьбы за советскую власть, ареной ее кратковременного существования (7 апреля — 1 мая 1919 года) и ее кровавого разгрома.

Мартовские дни 1921 года, спровоцированные контрреволюцией в Центральной Германии, показали, что уроки январских дней 1919 года не прошли даром для коммунистического авангарда. Подготовка и организация мартовского восстания стояли на гораздо большей высоте чем в январе 1919 года. В этом смысле был сделан шаг вперед. Но в восстании участвовал только революционный авангард, почти только коммунисты, и оно было подавлено с наименьшей жестокостью чем январское. Его главный урок — невозможность победы восстания без вовлечения в него самых широких масс.

Позже возникшие уже в совершенно новых условиях (оккупация Рура французскими войсками и финансовая катастрофа) бои 1923 года в Германии, ознаменовавшиеся образованием так называемого рабочего правительства в Саксонии и героическим вооруженным восстанием гамбургских рабочих, закончились поражением пролетариата. Опыт «рабочего правительства» в Саксонии выявил угрозу проникновения яла центризма в ряды коммунистов (брандлерянцы).

Эти бои не отгорожены китайской стеной от ноябрьской революции. Наоборот, они могут быть названы в известном смысле ее продолжением.

Поражение пролетариата в Германии в 1923 году стало поворотным пунктом в развитии пролетарской революции в странах Западной Европы и одним из исходных моментов временной стабилизации ка-

питализма. Причины поражения пролетариата в Германии на том этапе надо искать не в объективных условиях, которые были в общем благоприятны, а в отсутствии «субъективного фактора», в отсутствии к моменту революции полновесной большевистской партии.

Запутывание масс интервенцией было одно из самых сильнейших орудий германской буржуазной контрреволюции и ее оруженосца — социал-демократии.

Отрицать угрозу интервенции Антанты в Германии не приходится после опыта трех походов Антанты против Советской России. Трудное международное положение германской революции было в одном отношении гораздо более благоприятным чем положение Советской России: в то время как Советская Россия начала первая и была целый год в полном одиночестве, Германия к моменту революции имела своим соседом уже целый год существовавшую Советскую Россию, ее богатый опыт и поддержку. Мало того, страны Центральной Европы были охвачены революционным пожаром: происходила революция в Австрии, надвигалась революция в Венгрии и Италии. Началось революционное движение в армиях Антанты.

«...История (от которой никто, кроме разве меньшевистских туниц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих шнелленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны»².

Победа диктатуры пролетариата в Германии, возможно, вызвала бы наступление Антанты в форме военной интервенции в Германии. Однако соотношение сил быстро изменилось бы в пользу советских стран. Созданные в Германии революционной армией и объединенные ее сил с Красной Армией создали бы несокрушимую силу против интервентов. Вместо того чтобы держать на Украине, в Польше и на Балканах громадные оккупационные армии и выколачивать насильственно хлеб, пролетарская власть Германии перебросила бы свои силы против интервентов на запад, а советская власть в России и на Украине оказала бы братскую помощь своему союзнику.

¹ «История ВКП(б)», стр. 221.

² В. И. Ленин. Т. XXII, стр. 517.

В 1918 году Советская Россия была еще бесконечно бедна, не то, что в годы Сталинской Конституции, когда она оказалась величайшей опорой для героических народов Китая и Испании в их борьбе против империалистов. Но уже и тогда советская власть могла эту помощь оказывать. В обращении к ВЦИК от 3 октября Ленин писал по поводу приближающейся революции в Германии: «Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма»¹.

Единственным настоящим выходом для германского народа и страны в этот решающий момент была пролетарская революция и немедленный союз с Советской Россией. Только такой поворот мог обуздать Атлantu, сократить ее аппетиты.

Но «чисто социалистическое» правительство боялось больше всего «влияния Москвы». Оно в первые же дни своей жизни совершило два исключительных по своей преступности и политическому цинизму акта. За два дня до своего падения правительство монархии выслало из Берлина советского посла под предлогом, что посольство занимается пропагандой большевизма. Когда был свергнут кайзер, советский посол еще находился в дороге и после первого известия о свержении монархии получил приказ советского правительства возвратиться в Германию. И вот «чисто социалистическое правительство», по предложению «независимцев» (Гаазе), отказалось принять обратно советского посла. А спустя некоторое время оно не пропустило поезда с продовольствием, высланного советской властью голодающим германским рабочим. Эти предательские акты, сопровождавшиеся грязной травлей Великой Октябрьской социалистической революции, большевиков и спартаковцев, шейдемановны и «независимцы» совершили с двойным расчетом: отрезать революцию Германии от революции России и угодить этим самым империалистам Англии и Франции. Это была политика предательства не только интересов пролетариата и знамени пролетарского интернационализма, но и интересов всего германского народа.

Молодая германская коммунистическая партия, поднявшая знамя пролетарской революции, являлась в этот ответственный исторический момент единственным носителем не только исторических задач пролетариата, но и интересов германского народа и государства в целом. Но она как самостоятельная партия лишь в момент революции вышла на политическую арену.

Уроки ноябрьской революции 1918 года в Германии для международного пролетариата очень велики.

За месяц до ноябрьской революции, 9 октября 1918 года, Ленин писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Хандерсонов, Уэббов и К°, или лакейских душ вроде Каутского»².

Ноябрьская революция своим исходом подтвердила опасения Ленина. Она показала, что «победа пролетарской революции, победа диктатуры пролетариата невозможна без революционной партии пролетариата, свободной от оппортунизма, непримиримой в отношении соглашателей и капитулянтов, революционной в отношении буржуазии и ее государственной власти»³.

Ленин, неоднократно подчеркивая опасность разрыва спартаковцев с «независимыми», придал громадное значение факту образования коммунистической партии в Германии, которое (образование) он считал одной из важнейших предпосылок создания Коммунистического Интернационала.

Ленин с первых дней жизни КПГ оказывал ей громадную помощь, — особенно дружественной критикой ее ошибок. Одной из наиболее серьезных ошибок молодой КПГ Ленин считал постановление ее I учредительного съезда (декабрь 1918 года) о бойкоте выборов в Национальное (учредительное) собрание, которое было принято съездом вопреки настойчивым возражениям Розы Люксембург, занимавшей в этом вопросе правильную позицию. Такой же сектантской ошибкой было отрицательное отношение съезда к работе в реформистских профсоюзах.

«...Почему в Германии... тяга рабочих справа налево привела к усилению не сразу коммунистов, а сначала промежуточной партии «независимцев», хотя никаких самостоятельных политических идей, никакой самостоятельной политики эта партия никогда не имела, а только колебалась между Шейдеманами и коммунистами?

Очевидно, одной из причин была ошибка тактика немецких коммунистов, которые должны безбоязненно и честно эту ошибку признать и научиться ее исправлять. Ошибка состояла в отрицании участия в реакционном, буржуазном, парламенте и в реакционных профсоюзах, ошибка состояла в многочисленных прояв-

¹ В. И. Ленин. Т. XXIII, стр. 216.

² Там же, стр. 224.

³ «История ВКП(б)», стр. 337.

лениях той «левой» детской болезни, которая теперь вышла наружу и тем лучше, тем скорее, с тем большей пользой для организма будет излечена...»¹.

Германская коммунистическая партия, прошедшая героический путь и ныне борющаяся в условиях фашистского подполья под знаменем марксизма-ленинизма, — величайший залог грядущей победы рабочего класса Германии. Только эта партия положит предел расколу и осуществит единство германских рабочих на основе революционной, классовой борьбы, на основе полной ликвидации теории и практики классового сотрудничества. Только эта партия сокрушит фашизм и водрузит в Германии знамя диктатуры пролетариата.

Создав советы и свергнув монархию, ноябрьская революция еще больше обострила вызванный войной и ускоренный Октябрем революционный кризис в странах Западной Европы.

«Правда, революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая... Но все же это была революция. Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей, и уже это одно не могло не развязать революцию на Западе»².

Ноябрьская революция оказала серьезную поддержку пролетарской революции в России, в частности тем, что в ее огне был ликвидирован брестский договор.

Ноябрьская революция в Германии показала всю гибельность для пролетариата

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 212—213.

² «История ВКП(б)», стр. 221.

раскола его рядов, всю преступность политики социал-демократии.

Паряду с уроками Октябрьской социалистической революции опыт германской буржуазной революции 1918—1919 годов лег в основу громадной теоретической работы Ленина по разоблачению каутскианства и завершению теоретической подготовки Коммунистического Интернационала.

Через 20 лет после ноябрьской буржуазной революции в Германии, в свете пройденного пути, в свете нынешнего положения в Германии и всей нынешней международной обстановки еще рельефнее выступают уроки этой революции.

Второй интернационал считал Веймарскую республику торжеством своей политики, гордился ею, воспевал ее как «мирный», «демократический» и притом единственно возможный путь к социализму, который международный пролетариат должен предпочесть большевистскому пути диктатуры пролетариата.

В развитии СССР и Германии за эти два десятка лет воплотилась историческая проверка двух путей — большевистского и социал-демократического. Новейший период в истории СССР — период Сталинской Конституции — и современная гитлеровская Германия — вот итог этой проверки.

Противоположные итоги двух путей: большевистского пути Октябрьской социалистической революции и социал-демократического пути ноябрьской буржуазной революции — являются обвинительным приговором оппортунизму II интернационала и свидетельством непобедимости великого знамени Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

М А О Д З Е - Д У Н

Идет второй год героической борьбы китайского народа против японских захватчиков, за свою национальную свободу и независимость. На передовых позициях единого, национального, антияпонского фронта сражаются коммунисты — верные сыны китайского народа.

Героическая китайская компартия выковала десятки тысяч закаленных и преданных бойцов, вырастила немало талантливых политических и государственных деятелей и выдающихся полководцев. Такие имена, как Мао Дзе-дун, Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуэ, Чжоу Энь-лай, Ли Бин-хой и др., стали известны и популярны не только в широких массах китайского народа, но и далеко за пределами страны.

Со всей историей развития и борьбы героической китайской компартии крепко связана жизнь и борьба ее вождя — героя китайского народа тов. Мао Дзе-дуна. В пламени революции закалялся этот бесстрашный китайский большевик, в кровавых битвах со смертельным врагом выковывался мужественный революционный полководец и талантливый стратег, в повседневной тяжелой работе рождался блестящий государственный деятель.

Имя тов. Мао Дзе-дуна пользуется глубоким уважением и любовью и среди трудящихся Советского Союза.

1

Родина Мао Дзе-дуна — Хунань, одна из богатейших провинций Китая в среднем течении реки Янцзы.

Он родился в 1893 году в деревне Шао-

шан в семье бедного крестьянина. Отец Мао из-за долгов вынужден был поступить на военную службу солдатом. Много лет спустя он вернулся в деревню и с большим трудом выкупил землю.

Жизнь, даже в детские годы, не баловала Мао. С шести лет он уже работал в хозяйстве своего отца. Когда Мао исполнилось восемь лет, он пошел учиться в начальную школу. Учитель был груб и часто бил учеников. Но недолго удалось пробыть Мао и в такой школе. Тринадцати лет он должен был уйти из школы и с утра до ночи работать в хозяйстве отца.

Все свободное время Мао отдавал книгам. Больше всего любил он читать китайские легенды, особенно те из них, в которых говорилось о борьбе китайского народа за свою независимость. Жизнь в семье тяготила Мао. Его тянуло к книгам, к знанию, а отец хотел сделать из Мао помощника по хозяйству.

События внешней жизни оставляли незаглаженные следы в сознании Мао. Особенно сильное впечатление на него производили голодные бунты. Однажды в Чапша, столице Хунани, началось крупное восстание доведенных до отчаяния голодных людей. Голодающие послали к губернатору провинции делегацию с просьбой о помощи. Губернатор ответил: «Не знаю, почему вам нечего есть! В городе хватает еды. Но крайней мере, я не замечаю в ней недостатка».

Ответ губернатора вызвал возмущение народа: толпы голодающих разгромили резиденцию губернатора и выгнали его самого. Прибывший новый губернатор аре-

ствовал руководителей восстания. Многие из них были обезглавлены, а их головы повешены на столбах для назидания «бунтовщикам». Мао глубоко сочувствовал восставшим; в сознании подростка эти издевательства над голодными людьми запечатлелись на всю жизнь.

Через год после этих событий вновь был большой неурожай. Бедняки требовали от богатых помощи. Среди них началось движение под лозунгом «Ешьте рис бесплатно!» Отец Мао возил извозчики риса продавать в город. В одну из таких поездок голодающие крестьяне отобрали у него партию риса. Отец был вне себя от гнева, а Мао сочувствовал голодающим. Из-за разногласий с отцом жизнь Мао в семье становилась все невыносимее. Вскоре отец решил определить Мао в рисовую лавку, но Мао наотрез отказался. Он просил дать ему возможность продолжать учебу. После долгих просьб отец, наконец, согласился.

Мао поступил в школу в городе Сян-сян. Здесь он изучал естественные науки и впервые познакомился с историей и географией других стран. С увлечением читал он книги о жизни замечательных людей мировой истории.

Программа сянянской школы уже не удовлетворяла его: он мечтал о средней школе в Чанша — столице Хунаньской провинции. Вскоре он переехал в Чанша и поступил в школу. В Чанша Мао впервые в своей жизни прочел газету. Это была газета демократического направления. В одной из статей рассказывалось о кантонском восстании против манчжурского абсолютизма и о смерти 72 героев. Прочитанная статья произвела огромное впечатление на Мао.

Еще не успев выбраться из хаоса различных обуревавших его впечатлений и мыслей, Мао уже в этот период твердо наметил свой будущий путь — путь революционера.

Годы детства и юности Мао Дзе-дуна проходили в период бурных потрясений и событий в политической жизни Китая. Это был период, когда китайский народ становился на путь борьбы против феодальной и империалистической эксплуатации, против ничем не ограниченного хозяйничанья иностранцев и порабощения китайского народа различными империалистическими хищниками.

В 1894 году, пользуясь «особым удобством грабить Китай», Япония начала войну с Китаем, закончившуюся поражением последнего и уступкой Японии в 1895 году по Симонсекскому договору Корею, Формозы и Пескадорских островов. Кроме того Китай был обязан выплачивать Японии огромную контрибуцию.

Японская захватническая политика по-

ложила начало территориальному разделу китайского государства, усилению борьбы империалистических держав за так называемые сферы влияния в Китае.

В 1896 году царская Россия получила от Китая «в аренду» Ляодунский полуостров и право на постройку КВЖД, а в следующем году, вынудив Китай к новым уступкам, получила в аренду на 25 лет Порт-Артур и Порт Дальний, а также право проведения железнодорожной ветки от КВЖД к Порт-Артуру. Германия в 1897 году прибавила к своим рукам провинцию Шаньдун, Англия компенсировала себя «арендой» Вэйхайвея в Шаньдуне, а Франция — Гуанчжоувань в Гуандуне. Италия в 1899 году также пыталась урвать лакомый кусочек у Китая, но ее попытка окончилась неудачей.

Правившая тогда Китаем разложившаяся Манчжурская династия не в состоянии была оказать серьезное сопротивление иностранным захватчикам. Подписывая всякого рода неравноправные договоры, открывая лучшие морские и речные порты для проникновения иностранного капитала, позволяя захватывать лучшие куски земли, выплачивая огромные контрибуции, господствующая верхушка отдавала китайский народ в рабство иностранному капиталу. Из самостоятельного, когда-то цветущего государства с тысячелетней культурой огромный Китай превращался в полуколонию иностранного империализма. Все громче стал раздаваться голос народного возмущения. По всей стране возникали тайные общества. На юге Китая происходили выступления «Союза обновления Китая» — организации, созданной великим китайским революционером доктором Сун Ят-сенем. Летом 1900 года почти всю страну охватило народное движение, направленное против манчжурского абсолютизма и чужеземного ига. Это движение известно в истории под названием Боксерского восстания.

Объединенными силами империалистических хищников восстание было подавлено. Империалистический гнет в стране стал еще сильнее, но одновременно росли и крепли силы революции в Китае. В 1905 году под влиянием русской революции на юге Китая возник союз революционных организаций — Туимынхуэй¹, возглавляемый Сун

¹ Туимынхуэй (Союзная лига), организация, созданная в 1905 году великим китайским демократом и революционером Сун Ят-сенем, отражала интересы национальной буржуазии и пыталась опереться на крестьянство, выставляя лозунг равных прав на землю. Деятельность Туимынхуэй сыграла крупную роль в китайской революции 1911 года. В 1912 году Союзная лига слилась с другими либеральными группировками, образовав новую партию — гоминдан.

Ят-сеном. Период с 1905 по 1911 год отмечен рядом революционных выступлений в стране. Этот период перехода народного движения в Китае от средневековых форм к революционно - демократической борьбе В. И. Ленин характеризовал как период, когда «четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе»¹. Китай шел навстречу революции 1911 года.

Начавшееся усиленное проникновение иностранного капитала в экономику Китая, в частности фактический переход в руки четырех иностранных банков так называемого консорциума (Англи, Франции, Германии и США) контроля над китайскими железными дорогами, вызвало новый взрыв негодования против политики Манчжурской монархии. Движение против иностранного капитала переросло вскоре в требование свержения Манчжурской династии и учреждения парламента.

Эти события застали тов. Мао Дзе-дуна в Чанша 18-летним юношей на школьной скамье. Школа, как и вся страна, в эти дни жила напряженной жизнью. Здесь, в школе, Мао познакомился с программой общества Туинмынхуэй и услышал о Сун Ят-сене. Мао, взволнованный происходящими событиями, написал статью и наклеил ее на стену в школе. Это было его первое открытое политическое выступление. Он становится также активнейшим участником движения против кос².

После восстания в Учане, результатом которого явилось свержение Манчжурской династии и провозглашение республики, в Хунани было объявлено военное положение. В школе, где учился Мао, состоялся митинг. Выступавшие призывали к защите республики от реакционных сил, наступавших под руководством старого царедворца, ставленника Манчжурской династии, Юань Ши-кай.

Мао пошел защищать республику.

Будучи солдатом революционной армии, он почти все свое армейское жалование тратил на газеты. Он читал газету «Сян Дзян жи-бао», где помещались статьи о социализме, и не уставал говорить и писать на эту тему своим школьным товарищам.

Борьба между правым и левым крылом в гоминдане закончилась победой сторонников уступок Юань Ши-каю. Вследствие слабости тогдашнего китайского пролетариата революционное движение широких масс было лишено надлежащего революционного руководства, и революция потерпела поражение. Под давлением феодально-помещичьих кругов лидеры пошли на соглашение с

¹ В. И. Ленин. Т. XVI, стр. 188.

² Участники этого движения требовали всеобщего упразднения кос как символа подчинения китайцев манчжурским завоевателям.

Юань Ши-каем. Нанкинское революционное правительство, президентом которого был Сун Ят-сен, сложило свои полномочия. Провозгласив себя президентом, Юань Ши-кай разогнал революционный парламент и подверг жестокому террору революционные организации.

Отслужив полгода солдатом революционной армии, Мао вернулся в Чанша и снова взялся за книги. Но он уже не хотел больше учиться в школе и занялся самообразованием. Подготовившись к поступлению в высшую школу, Мао Дзе-дун в 1912 году стал студентом хунаньской учительской семинарии. В семинарии он приобрел свой первый опыт в общественной деятельности; здесь же оформились его политические убеждения.

Мао с головой ушел в изучение «запрещенной» литературы. Чтение революционных газет и брошюр стало для него насущной потребностью. Постепенно Мао приобретал огромное влияние на окружающих: вокруг него все ширился круг друзей и политических единомышленников. Он близко сошелся с преподавателем этики Ян Чап-ци, с учителем Тан, постоянно снабжавшим Мао экземплярами «Минь-бао» («Народная газета»).

Повсюду в Китае в этот период создавались кружки революционно настроенной молодежи. Мао Дзе-дун, давно сознававший необходимость объединения революционных сил, становится в 1917 году инициатором общества Мин Сюэ-хуэй (Новый народ). В этой организации насчитывалось до 80 членов, многие из них впоследствии стали широко известны в истории китайской революции, многие сложили головы за революцию в 1927 году.

Политическая обстановка в стране обострялась. Проводимая Юань Ши-каем политика капитуляции перед империалистами, в первую очередь перед японским империализмом, приводила к еще большему закабалению и ослаблению Китая. В 1915 году, пользуясь тем, что все внимание важнейших империалистических держав было отвлечено войной, Япония захватила германские колонии в Китае и предъявила Китаю так называемое «21 требование». Принятие этих требований привело бы Китай к полной потере своего суверенитета, к превращению его в японскую колонию. Китайский народ ответил на эти требования взрывом всеобщего негодования и массовыми демонстрациями. Народ требовал, чтобы правительство дало отпор зарвавшимся японским хищникам, но Юань Ши-кай пошел на удовлетворение требований Японии. День капитуляции правительства Юань Ши-кай был объявлен в Китае «днем национального позора».

Политика Юань Ши-кай становилась все более реакционной. В 1916 году он даже

пытался объявить себя императором и восстановить монархию в Китае, но в том же году умер. После смерти Юань Ши-кая началась долголетняя междоусобная война различных милитаристских кланов. Опустошительные генеральские войны всей тяжестью ложились на плечи народных масс, положение которых с каждым днем становилось нестерпимее.

Мао Дзе-дун целиком отдается революционной деятельности. Он убедился в необходимости объединения борьбы против империалистических захватчиков с борьбой против феодально-милитаристского гнета внутри страны. В 1918 году, по окончании учительской семинарии, Мао уехал в Пекин для того, чтобы организовать антиимпериалистское движение, и стал во главе комитета, руководившего этим движением в Пекине. На этой работе Мао познакомился с Сун Ят-сеном, Ли Да-чжао (одним из основателей компартии Китая) и другими виднейшими деятелями революции.

В Пекине Мао вел жизнь, полную лишений и нужды. Он много работал, но не всегда был сыт. Мао жил в маленькой комнате вместе со своей семьей товарищами в квартале Сань Ян-цзин (Колодец трех глаз). Когда он и его друзья собирались в комнате вместе, им нечем было дышать от тесноты и духоты. Но Мао не сгибался перед невзгодами судьбы.

В следующем году он вернулся в Чанша, работал учителем и продолжал свою революционную деятельность.

Мао страстно желал ознакомиться с марксистской литературой и жадно разыскивал ее. Наконец, в его руки попал «Коммунистический манифест» — первая марксистская книга на китайском языке. Эта

Товарищ Мао Дзе-дун и его жена.

Тов. Мао Дзе-дун.

книга глубоко взволновала его. В ней с предельной ясностью говорилось как раз о том, к чему стремился Мао на основе своего, в то время уже довольно солидного революционного опыта.

Мао четко осознал, что единственной революционной теорией, могущей обеспечить победу китайскому народу, является революционный марксизм. Он становится убежденным марксистом.

Худой, изможденный, но полный энтузиазма к борьбе за светлое будущее своего народа, появляется Мао в рабочих кварталах Чанша. Он постоянный посетитель рабочих митингов, собраний; смело и страстно разоблачает он эксплуататоров, его язык прост и понятен массам. Вокруг него концентрируются все революционные элементы города.

С огромным интересом и сочувствием следил Мао за событиями в Советском Союзе. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России революционное движение в Китае получило новый толчок. Быстро росло забастовочное движение. Повсюду организовывались революционные студенческие и рабочие организации. Мао становится душой всех революционных мероприятий в Хунани. В 1919 году он подготовил первую рабочую забастовку, четко сформулировав требования рабочих: увеличение заработной платы, уменьшение рабочего дня, улучшение условий труда. Он же организовал первый кружок рабочих-агитаторов.

Зимой 1920 года Мао Дзе-дун создал в Хунани первую политическую организацию рабочих, ставшую впоследствии основным ядром хунаньской коммунистической организации. В мае 1920 года под руковод-

ством созданной Мао Дзе-дунем рабочей организации по всей Хунани была проведена первая общая забастовка рабочих.

Этот факт свидетельствовал об огромном росте рабочего движения в Китае в то время. Профсоюзы охватывали уже значительную часть рабочих в важнейших центрах Китая.

Постепенно начали оформляться и первые коммунистические организации. Из малых проагандистских коммунистических групп складывалась массовая политическая партия.

2

Летом 1921 года в Шанхае заседал I съезд китайской компартии. Среди нескольких десятков собравшихся на съезд делегатов: рабочих, крестьян, кули, интеллигентов — обращал на себя внимание бледный, высокого роста, молодой человек. Глубокое понимание политической обстановки в стране, четкая формулировка ближайших задач партии, обнаружившиеся в его выступлениях, вызвали всеобщее одобрение делегатов.

— Я делегат Хунани, — говорил этот молодой человек. — Мы создали в Хунани коммунистическую организацию. Массы начинают подниматься на борьбу. Они нуждаются в подлинной революционной организации. Партия должна сейчас же пойти в массы, организовать их.

Делегат Хунани тов. Мао Дзе-дун единогласно был избран в члены ЦК компартии Китая.

Возвратившись в Чанша, Мао оформил организационно хунаньский комитет партии и стал редактором еженедельной газеты «Новая Хунань». На страницах этой газеты Мао Дзе-дун и его соратники все более открыто и резко бичевали существующую социальную систему.

Мао был всегда с народом, массы знали и любили этого страстного агитатора. Его речи зажигали слушателей и воодушевляли их на борьбу. Хунаньские власти ненавидели и преследовали Мао, угадывая в нем революционного вождя. Вскоре полиция получила приказ об аресте Мао Дзе-дуна. Мао бежал в Северный Китай, но в Пекине был арестован. Однако его не опознали и выпустили. Мао снова вернулся к революционной работе сначала в Ханькоу, потом в Учане.

Наступила революция 1925—1927 годов. Мао жил боевой, напряженной жизнью политического руководителя. Его имя было теперь широко известно в рабочих кварталах промышленных городов и в самых далеких деревушках Хунани, Хубэя, Цзянси.

Крестьянское движение в стране приняло все более революционный характер, III съезд компартии, происходивший в Кан-

тоне в 1923 году, поставил вопрос о более активном участии коммунистической партии в нараставшем национально-освободительном движении. На этом съезде было принято историческое решение — войти в гоминдан и создать единый фронт борьбы против реакционных сил Северного Китая. Три революционных народных принципа Сун Ят-сена были положены в основу сотрудничества компартии с гоминданом. Этими принципами были: осуществление национализма, суть которого заключается в национальной независимости Китая; осуществление демократизма, т. е. предоставление всему народу демократических прав, и осуществление принципа народного благосостояния, что означает улучшение положения народных масс. Три принципа Сун Ят-сена стали широко популярны в массах, а совместная работа гоминдана и компартии за их осуществление встречала самую горячую поддержку в народе.

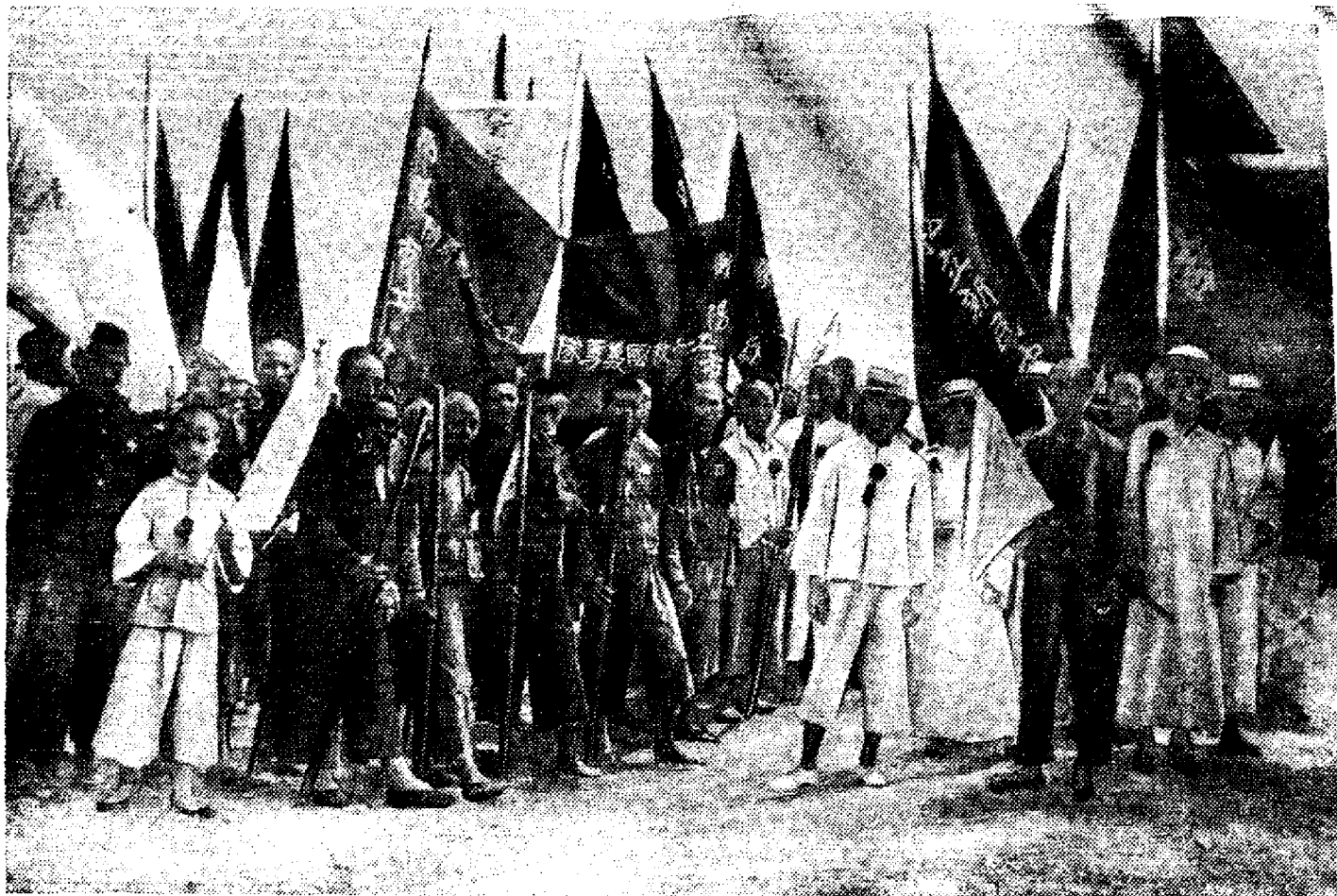
Тов. Мао Дзе-дун был избран членом ЦК гоминдана. После III съезда компартии он работал в Шанхае, совмещая работу в ЦК компартии с обязанностями члена исполнительного бюро гоминдана.

Широкий размах крестьянского движения показал Мао Дзе-дуну, какое гигантское значение имеет крестьянство в революции, вскрыл остроту классово-борьбы в китайской деревне. Мао приступил к глубокому изучению аграрного вопроса. Он изучал его не только по книгам, но вел огромную практическую работу. Мао посеял первые семена великого крестьянского движения в Хунани. Через несколько месяцев в Хунани было уже более двадцати крестьянских союзов, охватывающих до пяти миллионов членов. Мао создал курсы по подготовке организаторов крестьянского движения. Деятельность его в этой области дала настолько осязаемые результаты, что хунаньские власти по настоянию помещиков решили арестовать Мао Дзе-дуна. Ему пришлось уехать в Кантон. Здесь Мао возглавил агитацию гоминдана, был редактором гоминдановского органа — «Политического еженедельника», игравшего позднее активную роль в разоблачении правого крыла гоминдана.

В марте 1926 года произошла первая попытка правого крыла гоминдана разорвать блок с коммунистами и левыми гоминдановцами. По выражению тов. Сталина, это было «первой серьезной попыткой национальной буржуазии обуздать революцию»¹.

В этот период тов. Мао Дзе-дун написал свои известные работы по крестьянскому вопросу.

¹ И. Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи, стр. 552. Гиз. 1928.

Китайская рабочая гвардия.

В своей брошюре «Крестьянское движение в Хунани» Мао Дзе-дун указывал, что «тенерешный подъем крестьянского движения представляет собой чрезвычайно значительную проблему, так как в недалеком будущем он должен вызвать движение среди нескольких сот миллионов крестьян во всем Китае... Крестьяне разорвут все связывающие их путы и устремятся на путь освобождения. Все революционные партии пройдут испытание перед лицом этих масс».

Правильность этих высказываний тов. Мао Дзе-дуна была подтверждена последующими событиями. Крестьянское движение в провинциях Хунани, Цзянси и Фуцзяни достигло огромного размаха к весне 1927 года. Но тогдашнее руководство компартии в лице Чен Ду-сю вело правооппортунистическую линию в крестьянском вопросе. Чен Ду-сю стоял за политику «уступок» правому крылу гоминдана; переоценивая революционность национальной буржуазии, он вел политику сдерживания развития аграрной революции. Мао Дзе-дун один из первых вступил в открытую борьбу против предательской линии Чен Ду-сю.

Национальная буржуазия изменила революции. В апреле 1927 года в Шанхае и Нанкине произошел контрреволюционный переворот. Этот переворот «знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, нарощение центра национальной контр-революции и сделку правых с империализмом против китайской революции...

начался поворот от революции общенационального объединенного фронта к революции многомиллионных масс рабочих и крестьян, к революции аграрной...»¹.

Поскольку гоминдан изменил революции, стал оружием империализма, компартия разорвала блок с гоминдановскими организациями. Предатель Чен Ду-сю открыто перешел в лагерь врагов китайского народа.

Верной революции осталась только коммунистическая партия. В тяжелейших условиях подполья, постоянных преследований и разгула реакции она мужественно вела работу, отстаивала и продолжала дело революции.

Партия послала Мао Дзе-дуна в Чапша для организации крестьянского движения. Здесь он руководил подпольными крестьянскими революционными организациями, налаживал связи с тайными солдатскими союзами в войсках китайских милитаристов. В сентябре 1927 года Мао Дзе-дун уже организовал первые отряды рабоче-крестьянской армии. Крестьяне, ханьянские горняки и восставшие войска гоминдана составили основу этих войск. Так была создана первая военная сила революции. Войска были объединены под названием «Первая дивизия первой армии рабочих и крестьян».

Маленькая армия двинулась через Ху-

¹ И. Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи, стр. 554. Гиз. 1928.

Товарищи Мао Дзе-дун и Чжу Дэ.

нань на юг. Ей предстояло пробиться сквозь гоминдановские войска. После долгих и ожесточенных боев в Цзянси Мао Дзе-дун, являвшийся председателем фронтového партийного комитета, привел революционные войска в Нинганский уезд. Почти недоступное горное укрепление Цзинганшань явилось базой первой дивизии.

В ноябре 1927 года в Цалине, на границе провинций Цзянси и Хунани, был организован первый совет и избрано первое советское правительство. Мао был членом этого правительства.

В мае 1928 года в Цзинганшань пришел со своим отрядом другой китайский революционер, Чжу Дэ. Мао Дзе-дун и Чжу Дэ заложили фундамент героической китайской красной армии. Войска объединились. Из них был создан прославившийся впоследствии в ожесточенных боях 4-й корпус китайской красной армии. ЦК компартии назначил Чжу Дэ командиром корпуса, а Мао Дзе-дун становится первым политическим комиссаром китайской красной армии.

Вместе с Чжу Дэ Мао Дзе-дун вырабатывает план организации советского района, объединившего шесть округов на стыке границ Хунань—Цзянси—Гуандун. Главными задачами, которые тогда ставило перед собой правительство советского района Китая, являлось укрепление советов, наделение крестьян землей и вооружение масс.

Броготливой самоотверженной работой создавал Мао первый советский район в провинции Цзянси. Он мобилизовал все силы партии на борьбу за советы, за дело революции. «Революция — это не церемония приглашения гостей на обед, не писание литературных текстов, не рисование картин и вышивание гладью, она не может совершаться с такими тонкостями, с такой

легкостью и без того, чтобы не раздавить всевозможные прекрасные украшения, она не может совершаться нежно, постепенно, бережливо, почтительно и уступчиво...», — писал Мао в своей работе «Крестьянское движение в Хунани» в 1927 году.

Он первый являл собою образец бесстрашия и мужества подлинного революционера, настоящего большевика.

«Он работает 20 часов в сутки. В тылу он все время передвигается по советской территории из города в город, из деревни в деревню. Везде его встречают как отца, брата, сына. Он делает все, чтобы сделать жизнь народа легкой и счастливой», — рассказывали о Мао его соратники.

Огромную работу провел Мао в армии. В горах Цзинганшаня он сам обучал бойцов стрельбе из винтовки и грамоте, воспитал основные кадры комиссаров.

К 1929 году материальная база красной армии окрепла, повысился и политический уровень бойцов. Но в армии было еще не мало недостатков: еще очень живучи были пережитки милитаристических армий, анархистские настроения, организационная распушенность. Все эти недостатки широко использовались троцкистскими элементами, пробравшимися в партию и в состав военного командования, с целью подорвать мощь красной армии. Много усилий пришлось положить на борьбу против троцкистской, предательской линии Ли Лисая, проведение которой привело бы к разгрому военной силы революции. Ли Лисань в то время являлся членом политбюро китайской компартии. Совершенно правильная политическая линия компартии и верная военная тактика красной армии подверглись резким нападкам со стороны Ли Лисая. Часть руководства компартии во главе с Ли Лисанем проводила авантю-

ристскую, троцкистскую линию, пытаюсь поднять преждевременное вооруженное восстание во всех крупных городах Китая и немедленно насаждать колхозы и совхозы в тогдашних советских районах. Лицисаневское руководство пренебрегало работой по строительству красной армии и упрочению советских районов.

После неудачного наступления красной армии на Чаанша, предпринятого по директиве лицисаневского руководства, вредная предательская линия Ли Ли-сяня была окончательно разоблачена компартией перед массами и с лицисаневщиной в армии было покончено.

Советское движение в Цзянени продолжало развиваться с большим успехом. Это вызвало серьезное беспокойство шанкинского правительства. Японский империализм и его китайские агенты усиленно провоцировали шанкинское правительство на искоренение «красной опасности». В 1930 году начался первый поход гоминдана против красной армии. Силы противника численностью в 100 000 человек начали окружать советские районы в пяти направлениях. Красная армия насчитывала только 40 000 бойцов. Но, придерживаясь тактики маневренной войны, внезапно нападая на отдельные части гоминдановских войск, красная армия одерживала неизменные победы, и к январю 1931 года противник был отбит. Через четыре месяца был пред-

принят второй поход против красной армии с вдвое большими силами, а вскоре за ним и третий. Но все они закончились бесславно для гоминдановских войск. Советская территория была очищена от войск неприятеля.

Для советских районов наступил период мирного строительства. В декабре 1931 года в Чжуйцзине состоялся I всекитайский съезд советов. Съезд избрал центральное советское правительство. Тов. Мао Дзе-дун был избран председателем центрального исполнительного комитета и председателем Совпаркома Китайской советской республики. На этом посту тов. Мао Дзе-дун проявил себя талантливым государственным деятелем, посвятившим все свои силы и время заботам об улучшении жизненных условий широких масс трудящихся Китая.

Под его непосредственным руководством было многое сделано для улучшения положения трудящихся: была проведена аграрная реформа в интересах трудового крестьянства и батрачества, на предприятиях были улучшены условия труда, повысилась заработная плата, установлен восьмичасовой рабочий день.

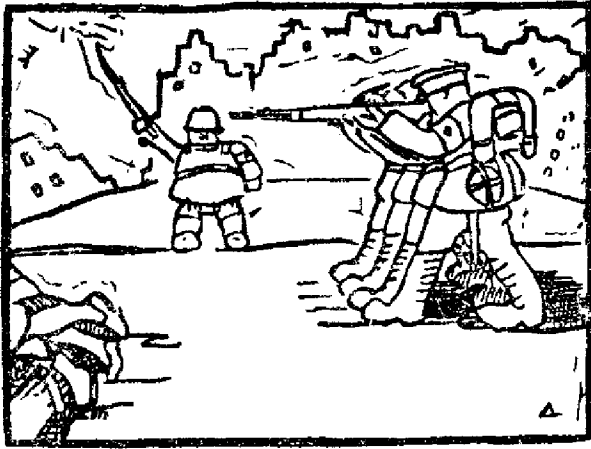
Но период мирного строительства продолжался недолго. Давний враг китайского народа — японский империализм — строил свои планы расчленения и поглощения всего Китая.

Японские хищники хотели «покорить

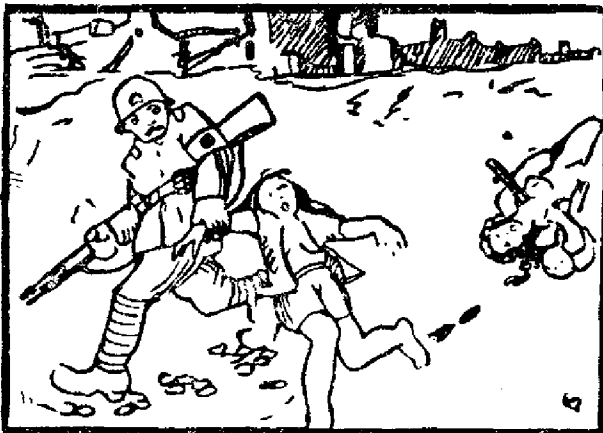

Мао Дзе-дун выступает на митинге.

Китай, 1938 год.

(一) 槍殺我們壯丁

(二) 姦淫我們妻女

(三) 掠劫我們財物

Зверства японских захватчиков.

Рисунок китайского художника.

Китай руками самих китайцев» и всеми мерами, с помощью подлых предателей — китайских троцкистов — пытались помешать прекращению внутренней борьбы в Китае, ослаблявшей национальные силы страны.

Японские фашисты спровоцировали гоминдановское правительство на организацию новых походов против революционной красной армии.

Осенью 1933 года начался пятый поход против революционной армии. В это время резко изменилась общеполитическая обста-

日本鬼子佔據我們地方後的慘酷面目

новка в стране. Японский империализм становился все более наглым в своих захватнических планах в Китае. Политика «непротипления» японскому империализму вела страну к гибели. Вставал вопрос о самом существовании Китая как независимого государства.

Выразив волю и чаяния китайского народа, Компартия выступила инициатором объединения всех сил страны для отпора японской агрессии. Перед красной армией, выросшей в грозную, мощную силу, были поставлены новые задачи: она должна была возглавить национальную борьбу за спасение родины, стать в авангард бойцов против японских захватчиков. А для этого требовалось из южных районов страны перейти на север, в район непосредственной агрессии японского империализма. Этим самым одновременно разбивались планы окружения и разгрома главных сил красной армии гоминдановскими войсками в Цзянси.

План перехода войск из южных провинций на север Китая предварительно был разработан руководителями китайской красной армии. Составлению плана в большой степени помогли прекрасное знание страны тов. Мао Дзе-дунем и его огромный военный и политический опыт. Много бессонных ночей провел он вместе с тов. Чжу Дэ в штабе армии перед походом. В основу похода была положена идея создания единого национального антияпонского фронта для спасения родины от злейшего врага китайского народа — японского империализма.

В октябре 1934 года красная армия выступила из Цзянси.

Начался великий поход китайской красной армии, равного которому не знает мировая военная история. Поход этот еще более поражает чем знаменитые переходы через Альпы армии Ганнибала и военные эскадрильи Суворова. Великий переход китайской красной армии войдет в историю как непревзойденный образец человеческой выносливости, самопожертвования и исключительного героизма бойцов.

Участниками похода были не только бойцы красной армии, но и тысячи крестьян из советских районов — мужчины, женщины и детей.

Красная армия победоносно прошла через четыре заградительных линии противника, укрепленные бетонными сооружениями и мощной артиллерией. Кольцо окружения — 600 тысяч гоминдановских войск — было прорвано, и красная армия начала свое продвижение на северозапад.

Весь путь состоял из препятствий: перед красной армией лежали бурные реки, горные хребты Сычуани, безводные пустыни Сикана¹.

¹ Сычуань и Сикан — западные провинции Китая.

Бойцы проходили в местах, где до сих пор не бывала ни одна китайская армия. Под руководством героических командиров через пустыни, болота, в холод и жару, ветер и дождь, в постоянных боях с окружавшим противником красная армия совершила длинейший переход в 25 тысяч ли¹, переправившись через 24 реки, перевалив через 18 горных цепей, из которых 5 покрыты вечными снегами.

Преодолев все испытания, в октябре 1935 года красная армия достигла северного Шаньси, не только сохранив свои людские резервы, но и значительно увеличив их.

Триумфальный переход красной армии из Цзянси в Шаньси доказал всему миру непобедимость и боеспособность китайской компартии как боевого вождя китайского народа.

Большой стратегический талант, огромный политический опыт Мао Дзе-дуна, а главное безграничная любовь и доверие народных масс к своему вождю сослужили неоценимую услугу китайской красной армии во время этого перехода.

Весь великий западный поход, кроме нескольких недель своей болезни, тов. Мао Дзе-дун, первый политкомиссар китайской красной армии, прошел пешком как рядовой боец. Он ел ту же пищу, что и все красноармейцы; он отказывался носить сапоги, когда не у всех бойцов в отряде была обувь. Однажды, в лютую стужу, Мао отдал свою шинель раненому красноармейцу.

Мао Дзе-дун был участником всех решающих операций красной армии, шел в бой рядом с красноармейцами, воодушевляя их своей смелостью и героизмом.

Являясь как бы живым воплощением всех насущных требований многомиллионных масс трудящихся Китая, великодушный знаток народной психологии, Мао Дзе-дун пользуется неотразимым влиянием в массах.

3

Цель похода была достигнута. Компартия Китая, создав грозную военную силу для защиты китайской революции, отныне становится в авангарде борьбы за спасение своей родины и ведет тяжелую, упорную работу по созданию всенародного отпора японской агрессии. Огромная роль в создании единого национального антияпонского фронта принадлежит тов. Мао Дзе-дуну.

Еще в 1931 году, когда Япония оккупировала Манчжурию и начала подготовку к захвату Шанхая, компартия Китая опубликовала воззвание, в котором заявила о своей готовности заключить военное согла-

¹ Ли равно половине километра.

Жертвы японских захватчиков.
Нанкин, 1938 год.

шению со всеми воинскими частями, желающими защищать национальную независимость родины.

1 августа 1935 года компартия вновь обратилась с воззванием ко всем партиям, политическим группировкам, ко всем армиям Китая — объединиться на борьбу против общего врага. «Сопротивление Япони — жизнь, а отступление перед Японией и отказ от защиты независимости — смерть!» — говорится в этом воззвании.

В особом обращении к гоминдану китайская компартия разъяснила ошибочность проводимой им политики уступок японской агрессии. Компартия требовала немедленно прекращения гражданской войны в Китае и организации в стране единого национального антияпонского фронта.

Однако все эти предложения компартии хотя и встречали полное сочувствие со стороны народных масс и части командного состава гоминдановских войск, но практически не осуществлялись, так как группа влиятельных руководителей гоминдана и гоминдановского правительства относилась недоброжелательно к этим предложениям. Предатели родины, контрреволюционные троцкисты вели гнусную подрывную деятельность, всячески противодействуя созданию единого национального антияпонского фронта.

Перелом во взаимоотношениях между компартией и гоминданом наступил после

Антияпонская студенческая демонстрация.
Китай, 1933 год.

сианьских событий¹. Компартия Китая тогда прекрасно учитывала, что японская военщина использует сианьские события для разжигания междоусобной войны в Китае и что от того, каков будет исход сианьских событий, зависит дальнейшая судьба китайской нации.

Благодаря исключительным усилиям компартии сианьские события разрешились мирным путем, что явилось безусловной победой китайской компартии и всего китайского народа.

После сианьских событий блок между гоминданом и компартией, не существовавший с 1927 года из-за измены гоминдана революции, был снова установлен.

Основой сотрудничества компартии и гоминдана является совместная борьба за осуществление трех народных принципов Сун Ят-сена.

Политика компартии завоевала еще большие симпатии и поддержку в широких народных массах.

Китайский народ повернул оружие про-

¹ В конце 1936 года восставшими войсками под командованием Чжан Сюэ-ляна были арестованы прибывший в город Сиань Чан Кай-ши и все сопровождавшие его лица. Японская военщина, используя это событие, пыталась с помощью своих китайских агентов спровоцировать новую гражданскую войну в Китае. Благодаря усилиям китайской компартии сианьские события разрешились мирным путем.

тив общего врага китайского народа — против японского империализма.

8 июля 1937 года боями под Люкоудзяо японский империализм открыл большую войну против Китая. Японская военщина думала малыми силами и в короткий срок победить Китай с помощью своего старого коварного плана — покорить китайский народ руками самих китайцев.

Но ставка японской военщины на междоусобицу внутри Китая была бита. На агрессию Японии китайский народ ответил всенародной войной, в огне которой выковывается единство великого китайского народа, растет его воля до конца бороться за свою независимость.

Особенность нынешнего положения Китая состоит в том, что перед лицом смертельной опасности, навешенной над ним, китайский народ ясно, как никогда раньше за весь период своего пятитысячелетнего существования, осознал необходимость сплочения всех сил нации для борьбы с своим злейшим врагом — японским фашизмом.

Тезис товарища Сталина о том, что «сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации»², находит свое ярчайшее подтверждение на примере современной борьбы китайского народа.

Под руководством компартии китайский народ все крепче смыкается в едином национальном антияпонском фронте. Беззаветно борются китайские патриоты за спасение родины: «Все подчиняется интересам сопротивления Японии!», «Отец пал — сын на его место!», «Муж пал — жена становится на его место!» — эти лозунги стали законом для каждого китайца, защищающего независимость Китая.

Как некогда древний народный герой Баньчао³ отдал все для спасения своего народа от чужеземных завоевателей, так молодые китайские рабочие бросают свою работу, студенты — свои книги, крестьяне — свои серпы и вступают в ряды защитников родины. Женщины не отстают от мужчин в исполнении патриотического долга. Подобно легендарной Му Лань⁴ плечом к плечу с мужчинами сражаются они на фронтах, заменяют мужчин в тылу, работают в прифронтовой полосе, в лазаретах и на медпунктах.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 12.

³ Баньчао, живший в I—II веке, согласно китайской легенде, прославился самоотверженной борьбой против чужеземных врагов.

⁴ Му Лань, жившая в V веке, по преданию, известна тем, что вместо заболевшего отца-полководца сама пошла на фронт и в течение 12 лет, скрывая, что она женщина, воевала вместо отца против чужеземцев.

Огромную помощь регулярным китайским войскам оказывают партизанские отряды. Партизанское движение стало движением широчайших масс Китая. Участниками партизанского движения являются рабочие, крестьяне, студенты, профессора, старики, старухи и даже дети.

Основные части красной армии, переименованные после установления сотрудничества компартии и гоминдана в 8-ю народно-революционную армию, являются наиболее боеспособной, героической народно-революционной армией.

Борьба китайского народа, отражающего нападение японского фашизма, имеет глубоко интернациональный характер. Вместе со своими испанскими братьями китайский народ защищает дело мира, интересы всего передового человечества от варварского нашествия мирового фашизма.

«Мы убеждены, что борьба китайского народа неотделима от вашей борьбы в Испании... То дело, за которое вы боретесь, есть также и наше дело», — писал тов. Мао Дзе-дун в своем письме к испанскому народу 15 мая 1937 года.

Борьба китайского народа против япон-

ского фашизма вступила в самый напряженный период. Две задачи являются сейчас главнейшими для китайского народа: победоносная национально-оборонительная война и строительство нового государства — Китайской демократической республики.

Героическая китайская компартия приведет Китай к победе.

В первых рядах компартии за счастье великого китайского народа сражается верный и преданный сын своей родины — тов. Мао Дзе-дун. Несокрушима его воля и уверенность в победе.

«На перспективы оборонительной войны в Китае я смотрю с полнейшим оптимизмом», — заявил недавно Мао Дзе-дун в интервью с корреспондентом американского агентства «Ассошиейтед пресс» Ван Гун-та.

Величайшего революционного оптимизма полны и следующие слова тов. Мао Дзе-дуна:

«Такая партия, которая живет ради интересов народа, страдает вместе с ним и борется за его счастье, несокрушима. Нет такой силы, которая могла бы победить партию коммунистов — боевой авангард трудящихся масс».

БОРЬБА ЗА ВЕЛИКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ

1

На другой же день после свержения самодержавия рабочий класс, трудящиеся массы крестьянства, казачества и горцев Кубани и Черноморья стали создавать советы рабочих и солдатских депутатов. В течение марта 1917 года советы были созданы в Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире, Туансе, Майкопе и других городах Кубани и Черноморья. Посылая своих представителей в советы, рабочие и крестьяне «...считали и верили, что Совет рабочих и солдатских депутатов осуществит все требования революционного народа и что в первую очередь будет заключен мир» («История ВКП(б)'). Но эсеры и меньшевики, как известно, и не думали осуществлять этих требований. Они передали власть в руки буржуазии и готовили торжество контрреволюции.

В то время, когда создавались советы, буржуазия и кулачество Черноморья при помощи комиссаров Временного правительства создавали так называемые гражданские комитеты, целью которых было удушение революции.

Сейчас же после февральской революции начальник Кубанской области генерал Бабич издал приказ, согласно которому для управления областью организовался Кубанский областной комитет во главе с кадетом Скиданом, а в городах создавались городские комитеты. Такие же комитеты были созданы в Черноморье.

Опираясь на эти кадетские комитеты, комиссар Временного правительства в Черноморской губернии кадет Николаев управлял губернией точно так же, как и царский губернатор.

Мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков — эта агентура буржуазии в ра-

бочем классе, — выдвигая «левые» лозунги, давали трудящимся массам лживые обещания. Составляя в советах большинство, они стремились свести на-нет революционную роль советов и добиться единовластия буржуазии. Таким образом, вследствие предательской деятельности эсеров и меньшевиков власть на Кубани и в Черноморье сосредоточилась в руках комиссаров Временного правительства, которые осуществляли диктатуру империалистической буржуазии на местах.

После съезда казачьей рады в апреле 1917 года Временное правительство, видя свою опору в казачьей контрреволюции, утвердило полномочным представителем власти на Кубани кубанское войсковое правительство и войскового атамана генерала Филимонова.

Кубанское войсковое правительство, состоявшее преимущественно из казачьих помещиков, офицеров, капиталистов и кулаков, занялось мобилизацией всех сил контрреволюции.

Кубано-черноморская организация большевиков во главе с Екатеринодарским комитетом (в составе М. Бармина, М. Власова, М. Корякина, Янковского и других) объединяла передовых рабочих. Она руководила борьбой против контрреволюции, возглавляемой кубанским войсковым правительством и войсковым атаманом Филимоновым, борьбой за переход власти к советам рабочих и солдатских депутатов.

Кубанская организация полностью солидаризировалась с Апрельскими тезисами Ленина и с решениями апрельской конференции большевистской партии, направлявшими партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Линия партии в этот период заключалась в том, чтобы путем терпеливого разъяснения большевистской политики и разоблачения соглашательства меньшевиков и эсеров изолировать эти партии от масс, завоевать большинство в Советах» («История ВКП(б)'). Кубанские большевики разоблачали эсеров и меньшевиков, объединяли передовых рабочих, казачью, городскую и крестьянскую бедноту, готовили трудящиеся массы к штурму буржуазного Временного правительства.

Кубанским большевикам пришлось повести решительную борьбу против кучки изменников во главе с Михаилом Розовым и Михаилом Елисеевым, которые выступили против ленинского плана дальнейшего развития революции. Стоя на меньшевистской позиции сохранения капитализма, эта группа оппортунистов требовала поддержки Временного правительства и кубанского войскового правительства и продолжения империалистической войны.

Большевистские организации Кубани и

Черноморья, руководствуясь решениями апрельской конференции и указаниями Ленина и Сталина, боролись за ленинское единство партийных рядов. Они разгромили группу Розова. Исключенные из партии изменники Розов, Елисеев и другие перешли к меньшевикам, а Розов даже был введен в меньшевистский комитет. Вместе с меньшевиками и эсерами эти зинovieвско-каменевские прихвостни помогали кубанскому войсковому правительству концентрировать силы контрреволюции. Так, состоявший из офицеров военный комитет при прямой поддержке меньшевиков организовал 20 мая (2 июня) 1917 года демонстрацию, направленную против власти советов, против революционного пролетариата, против большевиков. В начале июня кубанская контрреволюция пыталась уничтожить двоевластие, подавить революционное движение и реставрировать дореволюционный порядок на Кубани. В том же месяце комиссар Временного правительства кадет Бардиж распустил не только советы, но и гражданские комитеты, передав всю власть в станицах Кубани в руки казачьих атаманов.

Империалистическое Временное правительство продолжало вести грабительскую войну. Жизнь десятков тысяч рабочих и крестьян и неисчислимые материальные ценности бросались в мясорубку империалистической бойни в угоду капиталистам и помещикам. В то же время ни одна из задач, за разрешение которых боролись рабочие, крестьяне и казаки Кубани и Черноморья, не была разрешена.

Рабочий класс, казачья, крестьянская и городская беднота Кубано-Черноморья, испытав все прелести диктатуры кубанской контрреволюции, начали постепенно благодаря агитационно-пропагандистской работе большевистской организации понимать, к чему ведет политика кубанского войскового правительства, эсеров и меньшевиков. Влияние большевистских организаций быстро нарастало.

Рабочие Екатеринодара устроили 31 мая (13 июня) большую демонстрацию протеста против контрреволюционной демонстрации, организованной военным комитетом, и против решения о закрытии газеты «Прикубанская правда». В демонстрации приняло участие громадное большинство рабочих города.

Плакаты демонстрантов призывали: «Долой Бардижа!» (комиссар Временного правительства на Кубани), «Долой гражданские комитеты!», «Да здравствуют советы!», «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует партия большевиков!».

Екатеринодарский пролетариат демонстрировал под руководством большевиков свою сплоченность, силу и энергию. Эта

демонстрация еще больше сплотила трудящиеся массы вокруг большевистской организации и мобилизовала их на борьбу за Великую социалистическую революцию.

Эсеры, меньшевики и разные другие мелкобуржуазные и буржуазные партии с злобой и ненавистью наблюдали растущую классовую сознательность пролетариата и мучь большевиков. Они сплотились вокруг войсковых правительств и комиссаров Временного правительства и единым фронтом выступили против нарастающего революционного движения рабочих, казаков, крестьян, солдат и горцев Кубани и Черноморья.

Екатеринодарский эсеро-меньшевистский совет рабочих депутатов осудил демонстрацию рабочих и солдат 31 мая (13 июня). Эсеры и меньшевики из гражданского и Кубанского областного исполнительного комитета, угрожая силой восстановить «правопорядок», призывали граждан «не допускать беспорядочных выступлений», ибо, по их мнению, эти выступления есть «угроза свободе и революции». Эти прихвостни буржуазии, активно участвовавшие в контрреволюционной офицерской демонстрации 10 (23) мая 1917 года, прикрывая свою предательскую позицию криками об интересах революции, на самом деле готовили настоящую контрреволюцию. Их разоблачала «Прикубанская правда».

Контрреволюция, получив активную поддержку со стороны эсеров и меньшевиков, усилила гонение на большевиков и рабочую, большевистскую печать.

В воззвании «К товарищам рабочим!» Екатеринодарский комитет большевиков писал: «Товарищи рабочие! Вы видите, как разворачиваются события. С одной стороны нарастает контрреволюция, но с другой — ширятся и организуются силы революционной демократии.

Еще предстоит борьба, борьба упорная и беспощадная для одной из сторон»¹.

Рабочие Екатеринодара, Новороссийска, Армавира, Туапсе, Майкопа, Вейска и других городов Кубани и Черноморья протестовали и боролись против контрреволюционной политики Временного правительства и предательской линии эсеров, меньшевиков, троцкистов и правых. Рабочие горячо приветствовали большевистскую печать. Вот что писали, например, цементники Новороссийска:

«Мы, рабочие трех цементных заводов, шлем свой горячий привет нашей уважаемой и дорогой газете «Прикубанская правда», выразительнице интересов всего пролетариата, и желаем ей стойко и смело бороться против врагов в классовой борьбе и против буржуазной травли и буржуазных

¹ «Прикубанская правда» № 10 от 10(23) июня 1917 года.

газет, которые творят только одну ложь и неправду, внося тем самым дезорганизацию в ряды пролетариата, ведущую к гибели человеческого общества»¹.

Недовольство политикой Временного правительства и местных казачьих правительств росло не только среди рабочих и солдат, но и среди крестьян.

Состоявшееся 4 (17) июня собрание жителей 30 хуторов Прикочубеевской степи требовало немедленного прекращения войны и опубликования договоров, заключенных с союзными державами. В решении собрания подчеркивалось: «Ввиду того, что коалиционное министерство по своему существу, по своей природе, не может защищать интересы всего народа, собрание требует, чтобы власть была передана в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, как единственных выразителей воли народа»².

Собрание требовало немедленной передачи в руки народа банков, земель, фабрик, заводов, железных дорог и морских путей сообщения, а также введения всеобщего обучения. С такими же требованиями выступали трудящиеся казаки, крестьяне и горцы всей Кубанской области и Черноморской губернии.

Большевики Кубани и Черноморья возглавляли растущую революционную активность трудящихся. Они раз ясняли массам смысл и значение лозунгов большевистской партии. В № 8 «Прикубанской правды» 1 (14) июня 1917 года был напечатан проект наказа делегатам в советы рабочих и солдатских депутатов, опубликованный Екатеринодарским комитетом.

В проекте наказа большевистский комитет писал: «Нынешняя война, начатая царями, королями и некоронованными разбойниками и капиталистами, — грабительская война, несущая всем народам мира только смерть и разорение, а кучке капиталистов — миллионные прибыли. Пока у власти не станут рабочие, солдаты, беднейшие крестьяне, которые действительно никого не хотят грабить, до тех пор мы проливаем свою кровь только за интересы кучки капиталистов и помещиков». Партийный комитет призывал пролетариат взять власть в свои руки и прекратить империалистическую войну. Он подчеркивал, что все земли — не только царские и удельно-монастырские, но и земли помещиков — должны перейти безвозмездно к крестьянам: «Крестьяне должны брать эту землю немедленно и делать запашку сейчас же».

В проекте наказа отмечалось, что ждать Учредительного собрания, срок созыва ко-

торого еще даже не назначен, губительно, что помещики нытаются затянуть, а если удастся, и вовсе сорвать переход земли к крестьянам.

«Землю, равно как и живую и мертвую инвентарь помещичьих имений, надо брать организованно, под контролем советов крестьянских депутатов от с.-х. рабочих. Никаких беспорядков не допускайте. Революционная дисциплина необходима. Солдаты с фронта должны посылать своих депутатов в совет и комитеты, под контролем которых будут отбираться помещичьи земли»³.

В проекте наказа выставлялись следующие требования: введение для всех рабочих и работниц 8-часового рабочего дня; увеличение заработной платы до уровня, который обеспечивал бы прожиточный минимум и покрывал бы рост дороговизны; установление контроля совета рабочих депутатов над производством и распределением продуктов. По поводу последнего пункта большевистский комитет писал: «...без этого стране грозит голод. Не контроль капиталистов, а только контроль советов рабочих и солдатских депутатов может дать городам хлеб, а деревне дешовые продукты».

В проекте наказа большевистский комитет требовал перехода всей власти к советам рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Никакого соглашения с правительством капиталистов не допускалось. Отмечалось, что оставление у власти капиталистов затягивает войну и ухудшает положение внутри страны: «Никакого доверия новому правительству, ибо оно остается правительством капиталистов, никакой поддержки ему, ни копейки денег ему, никакого доверия к оборонческим партиям, проповедующим соглашение с капиталистами и участие в правительстве капиталистов».

В проекте наказа партийный комитет выдвигал еще ряд других большевистских требований.

Проект наказа, предложенный Екатеринодарским комитетом большевиков, обсуждался на собраниях рабочих и крестьян. 2 (15) июня собрание рабочих — трамвайщиков Екатеринодара, — обсуждая проект наказа, одобрило его и избрало в совет большевиков. 4 (17) июня кожевники Екатеринодара, обсуждая проект наказа, требовали передачи власти советам. В этот же день 5400 крестьян 30 хуторов Прикочубеевской степи, обсудив проект наказа на митинге, требовали передачи власти советам.

11(24) июня в Екатеринодаре, на Ду-

¹ «Прикубанская правда» № 10 от 10(23) июня 1917 года.

² «Наше знамя» № 11 от 11 (24) июня 1917 года.

³ «Прикубанская правда» № 8 от 1 (14) июня 1917 года.

бинке, состоялся многотысячный митинг. Большевицкий наказ был одобрен.

Проект наказа обсуждался не только на собраниях екатеринодарских рабочих: он обсуждался и был поддержан рабочими других городов и крестьянами сел и станиц Кубано-Черноморской области.

2

После июньской большевистской демонстрации в Екатеринодаре войсковое правительство при поддержке эсеро-меньшевистского кубанского исполнительного комитета начало стягивать контрреволюционные войска на Кубань и приняло решительные меры к разгрому революции.

В июльские дни кубанская контрреволюция разгромила екатеринодарские рабочие организации и большевистский комитет, а также типографию и редакцию «Прикубанской правды». Большевистские и все другие рабочие организации преследовались не только в Екатеринодаре, но и в других городах и станицах Кубани и Черноморья: Новороссийске, Армавире, Тихорецкой.

Войсковое правительство и войсковой совет отозвали своих представителей из областного совета и Кубанского областного исполнительного комитета. Вся власть сосредоточилась в руках кубанского войскового правительства. Общее собрание воинских депутатов Екатеринодара, состоявшее из эсеров и меньшевиков, 14 (27) июня потребовало ареста всех, кто агитирует против войны и против войскового правительства, и введения смертной казни для большевиков, революционных рабочих, крестьян, казаков, горцев. Собрание требовало немедленного закрытия большевистской «Прикубанской правды» и ареста ее руководителей; оно обратилось к начальнику местного гарнизона с просьбой немедленно откомандировать необходимое количество войск в распоряжение войскового комитета для борьбы с большевизмом.

16(29) июля в Екатеринодаре была разгромлена забастовка рабочих-табачников, закрыта газета «Прикубанская правда», конфискованы все дела и документы редакции, арестовано несколько большевиков.

Так эсеро-меньшевистские советы в Кубано-Черноморье боролись вместе с Временным правительством против развития революционного движения, против большевиков.

Расправа, которую буржуазия при помощи меньшевиков и эсеров учинила в июле над революционным пролетариатом Петербурга и других городов, знаменовала собой конец двоевластия, установление единовластия буржуазии. «Занчился мирный период революции, ибо в порядок дня был поставлен штык» («История ВКП(б)». Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б)).

Изменив в соответствии с новыми условиями тактику, большевики продолжали свою революционную работу. Большевистские организации Кубано-Черноморья ушли в подполье, продолжая издавать свою газету «Прикубанская правда».

12 (25) июля большевики организовали в Екатеринодаре многотысячный митинг протеста против июльских расстрелов.

29 июля (11 августа) большевики провели в Екатеринодаре мощную общегородскую демонстрацию. Под знаменем партии Ленина — Сталина на улицу вышли рабочие, солдаты, казаки и крестьяне. Они требовали прекращения войны, уничтожения диктатуры буржуазии и передачи власти рабочему классу и деревенской бедноте.

С нарастающей силой развивалось забастовочное движение. В Екатеринодаре бастовали рабочие и служащие предприятий «Проводник» и завода Буковского, в Майконе — рабочие и служащие промыслов.росло недовольство и развивалось революционное движение и в других городах и станицах Кубани и Черноморья.

Чувствуя, что они теряют всякое влияние в массах, меньшевики попытались смятнуть движение. Они созвали в августе северокавказский «съезд РСДРП», на который пригласили и большевиков. Целью этого съезда было путем объединения с большевиками подчинить большевиков меньшевикам и задержать наступательный ход революции. Большевики Кубано-Черноморья совершили ошибку, дав согласие на участие в этом съезде. На съезде присутствовали, кроме 14 меньшевиков, 9 представителей большевистских организаций Екатеринодара, Новороссийска, Ставрополя и Грозного. Предатель Фигатнер выступил на съезде в едином фронте с меньшевиками, против борьбы за дальнейшее развитие революции. Но делегат Екатеринодарского комитета тов. Корякин в своих выступлениях разоблачил меньшевиков и правых предателей. Корякин добился того, что большевики покинули этот меньшевистский съезд.

После VI партсъезда, ориентировавшего партию на подготовку вооруженного восстания, большевистские организации Кубани и Черноморья повели энергичную борьбу за вооружение трудящихся масс, за подготовку их к вооруженному восстанию.

По заданию Екатеринодарского большевистского партийного комитета, тов. Сухинин организовал разгрузку прибывшего в Екатеринодар на имя кубанского правительства оружия. Оружие было роздано рабочим Краснодарского района для вооружения красногвардейских отрядов.

Наряду с этим велась большая работа среди воинских частей, и через них большевики вооружали рабочих.

К ноябрю у большевиков были связи с

большинством станиц и сел. В станицах, городах были вооруженные красногвардейские отряды, организованные из рабочих и казачьей, городской и крестьянской бедноты. К ноябрю на стороне большевиков были конвойная команда, артиллерийский дивизион и ряд других воинских частей. Большевики Кубани и Черноморья добились большевизации совета в Екатеринодаре, создавали Красную Гвардию и готовились вместе с пролетариатом всей России к решающим боям против диктатуры буржуазии.

После победоносного вооруженного восстания в центре, приведшего к установлению советской власти в России, на Кубани и в Черноморье подготовка к вооруженному восстанию особенно усилилась.

Контрреволюция, возглавляемая атаманом кубанского войска генералом Филимоновым, принимала ряд чрезвычайных мер для борьбы против растущего революционного движения среди рабочих, крестьян, казаков, горцев и в армии. Филимонов подавлял вооруженной силой стачки рабочих и выступления крестьян, арестовывал большевиков и лучших представителей рабочего класса казачьей крестьянской и городской бедноты.

Кубанское войсковое правительство не допускало большевистски настроенные части на Кубань и в Черноморье. На Кубань стягивались реакционные части, преданные диктатуре помещиков, буржуазии и кулачества.

29 октября (11 ноября) войсковое правительство Кубани объявило область на военном положении, захватило почту и телеграф, ввело военную цензуру. Филимонов издал приказ об отправке на фронт революционно настроенного артиллерийского дивизиона. Дивизион отказался выполнить приказ. В ночь на 1 (14) ноября артиллерийский дивизион был разоружен. 1 (14) ноября рабочие, узнав об аресте ряда большевиков и разоружении артиллерийского дивизиона, не приступили к работе и на своих собраниях выносили резолюции протеста, требуя объявления всеобщей забастовки.

Руководимый большевиками Екатеринодарский исполнительный комитет объявил забастовку и созвал на 2 (15) ноября митинг протеста.

Когда рабочие собрались на площади у Самурских казарм и представитель Екатеринодарского комитета открыл митинг, на площади показались юнкера и части дикой дивизии и без предупреждения начали стрелять в собравшихся. 6 человек было ранено. Митинг был разогнан.

В этот день был арестован ряд видных работников большевистской организации.

Накануне этих событий в Екатеринодаре открылся I съезд «иногородних» Кубанской области. Вначале он был настроен антибольшевистски. Но под влиянием агитации большевиков и возмущенный расстрелом митинга в Екатеринодаре, съезд пошел и превратился в угрозу не только для буржуазных, но и для мелкобуржуазных партий.

По поручению Екатеринодарского партийного комитета большевиков на съезде выступил Михаил Корякин. Несмотря на то что ему сначала не давали говорить, тов. Корякин, отличавшийся большевистской настойчивостью и ораторскими способностями, произнес большую речь. Он нарисовал жуткую картину разрухи в стране, картину тяжелого положения рабочих, казаков, крестьян и угнетенных народов в связи с продолжением империалистической войны. Характеризуя политику войскового правительства, тов. Корякин указал, что оно ввело военную диктатуру генерала Филимонова, проводит террор по отношению к революционным рабочим, казакам, крестьянам, по отношению к партии большевиков, единственной руководящей трудящихся масс.

Тов. Корякин сообщил затем съезду, что войсковое правительство арестовывает депутатов совета, посланных рабочими, арестовывает представителей большевиков, разоружает большевистски настроенные войсковые части и пытается подавить революцию, расстреляло рабочий митинг у Самурских казарм.

Оратор рассказал собравшимся о великих событиях в России, о том, что пролетариат России под руководством большевиков совершил социалистическую революцию, в результате которой создано государство трудящихся — диктатура пролетариата. Участники съезда аплодисментами приветствовали большевиков.

После тов. Корякина выступал еще ряд представителей большевиков, и съезд спокойно и внимательно выслушивал их речи.

Меньшевики и эсеры выступали на съезде с клеветническими выпадами по адресу большевиков. Гнусное и пагубное выступление доктора Мееровича и меньшевика Сверчкова вызвало негодующие возгласы со стороны части делегатов съезда. Меньшевики требовали создания кубанского краевого объединенного правительства с представительством от казаков, иногородних и горцев.

После прений по текущему моменту съезду были предложены две резолюции: резолюция кадетов, меньшевиков и эсеров и резолюция большевиков. Первоначально съезд принял большевистскую резолюцию, в которой признавал власть Совета народ-

ных комиссаров и требовал передачи советам всей власти на Кубани, но под давлением эсеров и меньшевиков неустойчивое большинство съезда заколебалось; съезд пересмотрел свое решение и принял эсеро-меньшевистскую резолюцию.

Несмотря на то что большевикам не удалось решительно повернуть съезд в сторону советов, борьба большевиков на съезде иногородних способствовала росту революционного движения на Кубани и в Черноморье.

3

В это же время в Черноморье большевистская организация под руководством тт. Худанина и Яковлева, разоблачая мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, усиленно боролась за выполнение решений VI партийного съезда, за переход власти в руки пролетариата.

Партийной организации удалось большевизировать советы и созвать 23 ноября (6 декабря) в Новороссийске съезд представителей рабочих и солдатских депутатов Черноморской губернии. Съезд работал до 26 ноября (9 декабря). Обсуждая текущий момент, съезд приветствовал победивший пролетариат Питера, приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и рабоче-крестьянское правительство, приветствовал большевистскую партию во главе с Лениным и Сталиным как авангард рабочего класса, обеспечивший победу в Октябре. Съезд вынес решение о создании советов рабочих и солдатских депутатов Черноморской губернии. Для руководства губернией съезд избрал Центральный исполнительный комитет совета рабочих депутатов. Этому удалось добиться потому, что советы к этому времени были в большинстве большевистскими и опирались на Красную Гвардию, на рабочих и крестьян, поддерживавших эти советы.

Таким образом, в начале декабря 1917 года власть советов рабочих и солдатских депутатов была учреждена на всем Черноморском побережье.

В деле победы пролетариата на Кубани огромное значение имела партийная большевистская конференция, созванная в Новороссийске 6 (21) декабря 1917 года.

Первая кубано-черноморская партийная конференция, работая под руководством тов. Жорякина, разрешила ряд вопросов, которые обеспечили разгром контрреволюции и установление диктатуры пролетариата на Кубани и в Черноморье.

Кубано-черноморская большевистская конференция, исходя из решения VI партийного съезда и указаний Ленина и Сталина, наметила план дальнейшей во-

оруженной борьбы и окончательного разгрома контрреволюции на Кубани.

Бурное развитие революционного движения на Кубани и установление советской власти в Черноморье вызвали ожесточенное сопротивление контрреволюции. Кубанское войсковое правительство, собирая силы контрреволюции, вместе с кубанским областным исполнительным комитетом добилось созыва объединенного съезда уполномоченных от населенных пунктов Кубани.

Представители контрреволюции ставили перед съездом следующие задачи: объединить казачье, крестьянское и горское кулачество; толкнуть середняка на борьбу против растущего революционного движения, против власти советов. Но кубанской контрреволюции не удалось добиться этого. За месяц большевики сделали очень много. Упорной работой, борьбой на съезде им удалось расколоть объединенный съезд уполномоченных от населенных центров. Большевикам удалось привлечь к себе рабочих, революционное казачество, горцев и иногородних. Представители середняцких кругов и казачьей, иногородней и городской бедноты, покинув съезд, продолжали его работу под руководством большевиков.

После тщательного обсуждения текущего момента съезд принял большинством голосов резолюцию, предложенную большевиками. Резолюция гласила:

«В данное время вся Россия разделилась на два враждебных лагеря: помещиков-капиталистов и трудового народа. Интересы этих двух классов по самой своей природе настолько противоположны, что о примирении их не может быть и речи, речь может идти лишь о победе одного класса над другим. Исходя из этих соображений и принимая во внимание, что интересы трудящихся (рабочих, крестьян и трудового казачества) могут быть в данное время наиболее полно осуществлены органами, созданными из самих трудящихся, съезд считает необходимым и на Кубани передать всю полноту власти в руки рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов»¹.

Съезд разрешил земельный вопрос. В основу был положен декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом советов. Съезд избрал совет народных депутатов под председательством большевика Яковлевского и обязал областной революционный совет усилить организацию Красной Гвардии и борьбу против контрреволюции. Правая часть съезда, состоявшая преимущественно из казачьего, горского и иногороднего кулачества и буржуазии, избрала кубанское краевое правительство и готовилась к разгрому революции.

¹ «Вольная Кубань» от 20 декабря 1917 г.

В конце декабря 1917 года кубанское краевое правительство разгромило кубанский областной революционный совет народных депутатов и арестовало ряд видных большевиков. Несмотря на это большевистская организация развернула в январе 1918 года большую работу по организации Красной Гвардии и установлению советской власти на Кубани.

Ей удалось добиться организации власти советов рабочих, казачьих, горских, солдатских и крестьянских депутатов в Армавире, Тихорецкой, Ейске, Кавказской, Майкопе и других городах и станицах Кубано-Черноморья.

Только в Екатеринодаре засела контрреволюция во главе с кубанским краевым правительством.

После разгрома областного революционного совета народных депутатов большевики Кубани создали военно-революционный комитет, который находился в станице Крымской и готовил наступление на контрреволюционный Екатеринодар.

В конце декабря 1917 года и в январе 1918 года большевистские организации через кубанский и черноморский областные военно-революционные комитеты широко развернули работу по вооружению рабочих и бедноты и организации Красной Гвардии. В последних числах декабря партийная организация Повороссийска командировала одного из видных большевистских деятелей, тов. Яковлева, в Батум и Трапезунд для пропаганды среди еще не демобилизованных солдат. Тов. Яковлев сумел распропагандировать ряд воинских частей и достать необходимые для вооружения Красной Гвардии оружие и снаряжение.

В деле создания Красной Гвардии на Кубани большую роль сыграла прибывшая на Кубань с турецкого фронта большевистски настроенная 39-я дивизия (старой армии). Дивизия расположилась в Кавказском отделе Кубанской области. Имея в своем распоряжении главную магистраль Владикавказской железной дороги, части 39-й дивизии, по заданию кубанского областного военно-революционного комитета, обезоруживали идущие с фронта воинские части, которые не подчинялись советской власти. Отнятым оружием вооружалась Красная Гвардия.

17 (30) января 1918 года военно-революционный комитет созвал в станице Крымской конференцию представителей советских станиц Таманского, Ейского и Кавказского отделов и представителей 39-й дивизии. На этой конференции был намечен план разгрома кубанской контрреволюции.

Днем наступления на Екатеринодар было назначено 24 января (6 февраля).

Намеченный план кольцевого охвата Екатеринодара не удалось выполнить в

силу стечения неблагоприятных обстоятельств. Тихорецкая группа делегатов из-за крушения поезда не могла своевременно прибыть на место расположения 39-й дивизии и через штаб перебросить воинские части в необходимом направлении. Повороссийская группа красногвардейских отрядов во главе с тов. Яковлевым в ночь на 20 января (2 февраля) заняла полустанок Энем. Произошел большой бой между Красной Гвардией и белогвардейскими отрядами во главе с капитаном Покровским. В результате боя погибли командующий Красной Гвардией тов. Яковлев и командир конной части Красной Гвардии тов. Перов. Гибель двух командиров и предательство поручика Баранова привели к поражению, и красногвардейские отряды под напором белых вынуждены были отступить до станции Георгиево-Афинской.

У Георгиево-Афинской Красная Гвардия под командованием тов. Серадзе вторично пошла в бой. Тов. Серадзе в этом бою погиб, и Красная Гвардия, потерпев поражение, отступила до станции Абинской.

Поражение красногвардейских отрядов под Энемом и Георгиево-Афинской показало, что для победы над врагом мало одного энтузиазма, что для этого еще необходимы тщательная организация сил и военная выучка. Вынеся этот урок, организации большевиков обратили особое внимание на укрепление и расширение Красной Гвардии, на более тщательную подготовку наступления.

С этой целью 24 января (6 февраля) было созвано расширенное заседание Центрального исполнительного комитета Черноморской губернии, на котором присутствовали активные работники из Екатеринодара, Геленджика и других населенных пунктов, а также представители Красной Гвардии.

На расширенном заседании ЦИК Черноморской губернии обсуждались доклады о событиях на кубанском фронте. Были выяснены причины поражения и слабости Красной Гвардии, намечен ряд мер по устранению этих недочетов и выработан план дальнейшей борьбы против кубанской контрреволюции. Командованию Красной Гвардии было предложено приостановить наступление и обратить серьезное внимание на организацию красногвардейских отрядов из людей, знающих военное дело и преданных советской власти, на сплочение красногвардейских отрядов под единым командованием.

На основании решения заседания ЦИК кубанский военно-революционный комитет слился с черноморским военным отделом, в результате чего был организован кубано-черноморский военно-революционный комитет, который принялся за подготовку во-

енных сил для нового наступления на контрреволюционный Екатеринодар.

Большевики вели большую агитационную работу в следовавших через порты Черноморья демобилизующихся частях. Некоторые революционно настроенные части, как например Варшавский полк, становились в ряды Красной Гвардии, а другие — сдавали оружие и расходились по домам. Отобранным оружием вооружались рабочие. Рабочие Новороссийска соорудили два броненосца — «Большевик» и «Борец за свободу», — и красногвардейские вооруженные отряды в конце февраля повели наступление на Екатеринодар.

В ночь с 28 февраля (13 марта) на 1 (14) марта белогвардейские войска под командой Красной Гвардии отступили из Екатеринодара, захватив с собой в качестве заложников 35 арестованных большевиков: Янковского, Корякина и других.

Отступили из Екатеринодара и войска кубанского краевого правительства (3500 пугачей, 1500 сабель, 44 орудия) и около 2 тысяч беженцев — контрреволюционная буржуазия и кулачество. Белые разрушили склады и магазины, захватили все золото екатеринодарского банка. На железнодорож-

ном мосту образовался затор, в городе поднялась беспорядочная стрельба. Командованию белогвардейцев с трудом удалось наладить переправу через Кубань, и к утру 1 (14) марта отступившая белогвардейская армия была у аула Шенджий.

Под аулом Шенджий полковник Покровский расстрелял 28 заложников-большевиков. Тов. Фролкин, молодой казак-большевик, выданный отцом, при первых залпах унах, притворившись убитым. Выжав, когда белогвардейцы покинули расстрелянных, тов. Фролкин ночью бежал к красным в Екатеринодар.

Большевистская партийная организация Кубано-Черноморья разгромила эсеров, меньшевиков и зиновьевцев и добилась разгрома белогвардейских войск кубанского правительства.

В Екатеринодаре — центре Кубанской области — была установлена власть советов — диктатура пролетариата. Рабочие в союзе с крестьянской, казачьей и городской беднотой мобилизовали свои силы для окончательного разгрома контрреволюции и для строительства социализма на Кубани и в Черноморье.

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАРХИСТОВ В К Р Ы М У В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«...сейчас в Крыму 300.000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся».

(В. И. Ленин. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РСД(б) 26 ноября 1920 г. Т. XXV, стр. 611).

1

После ареста Николая II и его семьи (начало марта 1917 года) в Петрограде многочисленные семьи Романовых устремились подальше от гнева революционных масс, к Черному морю, на Южный берег Крыма, в свои летние дворцы и дачи.

К концу марта 1917 года в окрестностях Ялты уже жили мать Николая II Мария Федоровна, его дядя Николай Николаевич, Юсупов и многие другие. Их окружали кольцом друзья царизма: организатор «Союза русского народа» Пуришкевич, московский фабрикант и поставщик негодных пушек и снарядов для русской армии германский шпион Гужон, князя Шервашидзе и Андронников, герцог Лейхтенбергский и другие.

Вслед за Романовыми в Крым начали стягиваться крупная буржуазия и помещики, которые чувствовали себя беспокойно в Центральной России. Владельцы фабрик и заводов, помещики, ростовщики, банкиры, крупные спекулянты и торговцы хлынули в Крым и заселили города Крыма: Ялту, Феодосию, Севастополь, Симферополь, Керчь, Евпаторию и т. д. Со всех сторон России стекались в Крым различные темные дельцы, жулики, аферисты и другие подозрительные элементы. Крымский полуостров закишел паразитами и хищниками всех мастей.

Романовы и их друзья не ошиблись, избрав своим местопребыванием Южный берег Крыма. До революции в Ялту допускались только люди, которые стояли близко к «престолу». До революции большая часть

населения в Ялте состояла из генералов, баронов, графов, царских министров, крупнейших царских чиновников и дворян. Общеизвестно, что свирепый пес Николая II, бывший ялтинский градоначальник генерал Думбадзе, перед которым трепетали даже царские министры, старательно очищал Южный берег Крыма от всяких подозрительных и «неблагонадежных» в политическом отношении людей. Такое окружение гарантировало Романовым некоторый покой и защиту от революционных масс. Кроме этого Ялта, расположенная близко от Одессы и Севастополя, куда заходили иностранные суда, была очень удобна для связи с «внешними» друзьями. Вели себя Романовы в Крыму крайне замкнуто и общались только между собой.

Все эти хищники и коршуны, слетевшиеся в Крым, вели на первый взгляд идилически-мирный образ жизни, не выходящий за пределы семейных интересов и переживаний. На самом же деле эти людишки представляли собой крупную контрреволюционную организацию, которая добивалась реставрации династии Романовых всеми возможными средствами.

Многочисленные сторонники Романовых в Крыму не сидели без дела. Они не могли примириться с мыслью о гибели самодержавия и утрате всех своих привилегий. Они с большой энергией развернули работу, направленную на реставрацию павшей династии. Уже в апреле, как сообщает местная газета¹, бежавшие из столицы монархисты организовали в Крыму так называемую «партию тридцати трех», которая занималась организацией заговора против революции.

Во главе этой партии стояли: генерал-лейтенант Постыц, барон Сталь, барон и баронесса Штакельберг, Розен, барон С. Корф, графиня Клейнмихель, отец Вырубовой сенатор Танеев, барон Рауп фон Траубенберг, графиня Келлер, Цурмиллен и другие. К этой же партии примыкал личный друг Вильгельма II и Алисы — генерал Гринвальд (инициатор сделанного Николаю II предложения об открытии фронта немцам ради спасения своей династии). Большую помощь этой партии оказывали бывший начальник царской охоты, управляющий имением Ай-Тодор, Вернер, и его помощник Лемац, известный взяточник и погромщик исправник Гвоздевич и другие.

«Партия тридцати трех» имела тайную связь с Царским селом в Петрограде, где жили арестованные члены семьи Николая II. Не без ведома Керенского монархисты послали исправника Гвоздевича в Бу-

¹ «Русская Ривьера» № 82 от 15 апреля 1917 года.

хару и в Афганистан с особыми секретными заданиями.

В распоряжении монархистов имелся радиотелеграф, который находился в царском лесничестве в Чаире. «Партия» поддерживала все время тесную связь с германцами, пользуясь для этого посредничеством германской шпионки баронессы Штакельберг. Монархисты вели большую переписку, которая развозилась специальными курьерами. Ежедневно в Ялту со всей России прибывали сторонники Романовых. Их поддерживало духовенство, которое энергично вело в церквях монархическую пропаганду.

Главной всех монархических заговоров и организаций был Николай Николаевич Романов, дядя Николая II, который за свои притязания на царский престол еще при Николае II был прозван «Николаем III». Этот бывший главнокомандующий, проявивший на этом посту свою полную бездарность, живя в Крыму, не порвал своих старых связей, был прекрасно осведомлен о положении дел на фронтах.

Его ставленники в армии лично приезжали с фронта к нему в Ялту с докладами о положении дел. Он посылал своих агентов для собирания различных сведений, давал свои директивы. Его тайный радиотелеграф принимал телеграммы со всех концов России и из-за границы.

Скопление в Крыму большого количества «знатных лиц» не могло остаться тайной для крымского населения. На заводах и в казармах рабочим и солдатам с возмущением отзывались о предательской политике Временного правительства, которое защищает представителей ненавистной династии. Временное правительство делало вид, что оно ничего не замечает, и принимало репрессивные меры по отношению к таким рабочим и солдатам. Замеченных в таких разговорах рабочих арестовывали как за призыв к неподчинению новым властям, а солдат отправляли на фронт вне очереди.

В апреле в печати появились сообщения о том, что на Южном берегу Крыма Романовыми и их приспешниками ведется усиленная контрреволюционная агитация. Эти слухи глубоко взволновали широкие массы трудящихся. На многочисленных собраниях и митингах трудящиеся требовали принятия жестких мер против Романовых и их друзей, которые открыто вели контрреволюционную пропаганду.

Возмущение было слишком велико, чтобы Временное правительство могло игнорировать его.

В конце апреля Керенский под напором возмущенных масс и «для успокоения серьезно встревоженного народного мнения» предложил командующему Черноморским флотом, ярому монархисту Колчаку, «принять меры для предотвращения возможно-

сти контрреволюционной пропаганды со стороны монархистов»¹. Для этой цели подполковник Верховский совместно с меньшевистско-эсеровским севастопольским исполнительным комитетом выделил специальные воинские части для производства обысков у членов семьи Романовых и их друзей в занимаемых ими дворцах. 26 апреля старого стиля обыску подверглось 17 человек, но этот обыск не дал особых результатов, так как Временное правительство заботилось не о пресечении контрреволюционной деятельности монархистов, а о том, чтобы лживыми сообщениями о «принимаемых мерах» против реакции успокоить возмущенные массы трудящихся.

Организаторы обысков были очень предупредительны и делали все возможное, чтобы не очень огорчать обыскиваемых. Под видом контроля над въездом и выездом в бывших царских имениях была поставлена военная охрана, истинным назначением которой было ограждение Романовых от могущих возникнуть «стихийных выступлений», т. е. самосудов со стороны солдат и матросов. Что касается «прекращения доступа военно-служащих с фронта», то последние могли свободно проникнуть к Романовым в штатской одежде, встречаться с ними в парках или на пляже. Почтительные организаторы обысков не решались даже прекратить эксплуатацию Романовыми в своих имениях германских военнопленных. Керенский считал совершенно нормальным и использование доровой рабочей силы нескольких сот германских пленных солдат в имениях бывшего верховного главнокомандующего Николая Романова.

Изъятие большого ящика с личной перепиской и разными документами Романовых вызвало в лагере реакции бурю. Монархисты подняли вой и пажали все тайные пружины, имевшиеся в их распоряжении. На имя Временного правительства полетели протесты от «оскорбленных» Романовых и их покровителей. Друзей Романовых смутил не обыск: их больше испугало изъятие большого количества писем и деловых бумаг, которые могли легко раскрыть их тайные связи с империалистическими странами, скандально скомпрометировать многих лиц, связанных с Временным правительством, и раскрыть общие реакционные планы монархистов и Временного правительства.

Ящик с личной перепиской Романовых и другими документами был перевезен в Севастополь и хранился в исполнительном комитете. Большевики и эсеры, заседавшие там, всячески тормозили и оттягивали про-

¹ Крым. ЦАУ. фонд губернского комиссара за 1917 год. л. № 29, л. 69.

смотр этих бумаг, ссылаясь на незнание иностранных языков и многие другие причины. Пока меньшевики и эсеры ревностно охраняли ящик с бумагами Романовых, адмирал Колчак помчался к Керенскому с докладом. Для предотвращения скандальных историй необходимо было принять срочные меры, исключавшие всякую возможность оглашения личной переписки Романовых. Заручившись согласием Керенского, Колчак издал 13 мая приказ следующего содержания:

«Военный и морской министр А. Ф. Керенский предписанием от 7 сего мая за № 2273 приказал мне: 1) немедленно произвести расследование с целью установить, кем и по чьему приказу был произведен обыск в Ай-Тодоре, Дюльбере и Чаире у членов семьи Романовых, так как Временное правительство никаких распоряжений об обыске не давало; 2) разыскать и вернуть по принадлежности все украденное во время этого обыска и 3) вопрос о возмутительном поведении лиц, производивших обыск, поставить на обсуждение суда чести...»¹.

Здесь все — ложь от начала до конца. Из донесения подполковника Верховского и комиссара Таврической губернии видно, что обыски были произведены по прямому указанию Керенского, согласно его телеграмме № 4689². О результатах обысков Керенскому было сообщено подробно на следующий день. А через 3 недели после этого Керенский выдвигает версию о самочинном обыске и еще обвиняет в краже участников этих обысков. Однако они добились того, что злополучный «краденый» ящик с документами Романовых был немедленно возвращен меньшевистско-эсеровским исполкомом их владельцам с соответствующими извинениями за причиненное беспокойство. Все намеченные Верховским и Сафоновым робкие мероприятия: реквизиция автомобилей, изъятие военнопленных из имений и т. д. — были решительно отменены.

После этого ободренные монархисты не только не прекратили свою контрреволюционную работу, но в союзе с церковниками развернули эту работу в еще большем масштабе. Как сообщает газета «Правда» от 21 (8) июля 1917 года, в Феодосии исполнительный комитет совета солдатских и рабочих депутатов был вынужден «предложить игуменье Толловского женского монастыря, где в свое время проповедывал известный монах Серапион, прекратить распространение черносотенных

¹ Крым. ЦАУ, фонд прокурора окружного суда за 1917 год, д. № 6, л. 190.

² Крым. ЦАУ, фонд губернского комиссара за 1917 год, д. № 29, л. 70.

брошюр с восхвалением самодержавия и свергнутой династии».

29 (16) июля монархисты разбросали в Ливадии большое количество прокламаций с призывом к восстановлению монархии. Эти прокламации были подписаны «Центральным комитетом общества «Вперед за царя и святую Русь»³.

Российская и зарубежная контрреволюционная буржуазия и дворянство имели тесную связь с монархистскими заговорщиками в Крыму и возлагали на них большие надежды. Этим представителям реакции способствовал глава Временного правительства Керенский, предательской политике которого сочувствовали меньшевики и эсеры, прекрасно знавшие о пребывании Романовых в Крыму, об их контрреволюционной работе. Меньшевики и эсеры в Крыму имели в то время хорошо налаженную прессу, с большим штатом корреспондентов. Но они хранили глубокое молчание о монархическом заговоре.

Единственная партия, которая систематически разоблачала предательскую тактику меньшевиков и эсеров и предупреждала трудящиеся массы о заговорах против революции, была партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным. Большевики неустанно призывали трудящихся к бдительности и срывали всяческие реакционные замыслы контрреволюции.

2

Несмотря на лихорадочную деятельность монархистов в Крыму крепнувшие с каждым днем организации большевиков быстро завоевали симпатии широких трудящихся масс. Организация большевиков росла с каждым днем за счет передовых рабочих, матросов и солдат. В Черноморском флоте большевистская организация развернула энергичную работу среди десятков тысяч матросов и портовых рабочих, энергично разоблачая предательскую демагогию эсеров, меньшевиков, украинских и иных националистов.

В пролетарских центрах Крыма: Севастополе, Керчи, Симферополе и др. — большевики пользовались большим сочувствием и поддержкой трудящихся; наличие в Крыму больших помещичьих хозяйств и скопление большого количества батраков и безземельных крестьян обеспечивали большевистским агитаторам постоянную поддержку и в деревне.

Революционное влияние большевиков на массы трудящихся привело к тому, что уже через несколько месяцев после организации коммунистических ячеек во флоте

³ «Единение» № 98 от 16 июля 1917 года.

в Севастополе начали обостряться взаимоотношения между матросами Черноморского флота и его командующим — адмиралом Колчаком. Эти конфликты вскоре настолько обострились, что в июне Керенский был вынужден приехать в Севастополь для «уговаривания» матросов. Керенский и князь Львов неоднократно посылали матросам грозные предписания и «отеческие наставления», требуя от них подчинения начальству. Но матросы не сдавались. Ненавистный адмирал Колчак был ими обезоружен, а затем изгнан из флота. Его покровителю Керенскому не осталось ничего больше, как «отозвать» его в распоряжение Временного правительства.

В Симферополе и Феодосии местные воинские части отказались выступать на фронт и, как сообщает местная газета, «оказали вооруженное сопротивление офицерам»¹. Большевицские лозунги прощипали в самую гущу народных масс.

После изгнания адмирала Колчака и в особенности после разоблачения авантюры Корнилова, против которого единодушно выступили все трудящиеся Крыма, монархисты уже не могли и не смели открыто излагать свои взгляды. Николаю Николаевичу пришлось уделить большое внимание Крыму. Глава татарского духовенства крымский муфтий выехал в Петроград с ходатайством об ускорении переброски в Крым татарского конного полка². Ему вслед был послан Джафар Сейдаметов, который добился у Керенского отмены приказа военного командования о посылке мусульманского батальона на фронт. Этот батальон³ был оставлен в Симферополе для борьбы «с растущей анархией». Для этой же цели симферопольский мусульманский комитет еще в июле приступил к организации специальных мусульманских полков, которые выделялись из частей разных национальностей. В октябре из Херсона прибыл отряд эскадронцев (солдаты конных мусульманских националистических полков) в 3200 человек⁴. Позднее из Ново-Георгиевска, по распоряжению Петлюры, прибыл в Симферополь дополнительно еще один полк. К этому же времени организовались отборные полки из контрреволюционных офицеров, которых насчитывалось свыше 2000 человек. К ним присоединилось несколько украинских националистических «курений». От буржуазии начали поступать средства на содержание этих ча-

стей. Как сообщает местная газета⁵, помещик Демисев, владелец имения Гурзуф, пожертвовал для этой цели 27 тысяч рублей. Торговец Сарач отпустил эскадронам 5 вагонов продовольствия. Помещик Шнайдер и торговец Альтшуллер пожертвовали по 1000 рублей и т. д.

В мусульманский исполнительный комитет из разных концов Крыма поступали от помещиков и фабрикантов требования о присылке вооруженных отрядов для охраны их имущества, для борьбы с захватами земель и урожая, для борьбы с большевицскими агитаторами. По личному указанию Николая Николаевича Романова с разных фронтов отзывались в Крым черносотенные монархически настроенные офицеры, которые под видом больных и раненых жили в санаториях и дворцах Южного берега Крыма.

Нет ничего удивительного в том, что контрреволюция свила себе гнездо в Крыму — в одной из окраин России. Товарищ Сталин дал блестящий анализ этого явления:

«Еще в начале Октябрьского переворота наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия, с ее промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и незаконных татар, банкиров, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны, — превратилась в базу контрреволюции.

Нетрудно понять, что в таком географическом распределении борющихся сил России нет ничего естественного. В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом денкинского-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?»⁶.

Узнав о победе Великой Октябрьской социалистической революции в

⁵ «Голос татар» № 10 от 22 июля 1917 года.

⁶ Ленин и Сталин. Т. II, стр. 276.

¹ «Известия» Таврического губернского комитета № 24 от 10 июня 1917 года.

² «Милет» № 10 от 27 июня 1917 года.

³ «Южные ведомости» № 100 от 4 августа 1917 года.

⁴ З. И. В. № 29 от 12 декабря 1917 года.

Петрограде, Москве и многих других городах, крымская буржуазия объединилась вокруг штаба крымских войск. Для этой цели в ноябре был организован «Совет народных представителей», в который вошли меньшевики, эсеры и представители татарской, еврейской, украинской, армянской, греческой и прочей националистической буржуазии.

Для предупреждения захвата власти пролетариатом и крестьянством контрреволюция решила расставить по всем городам Крыма вооруженные отряды: в Бахчисарай была послана часть конного полка; в Керчь прибыли конный полк, артиллерийская бригада и два полка пехоты; местная буржуазия содержала полностью эти воинские части и разместила их по своим квартирам; в Феодосию был отправлен 5-й конный эскадрон; в Ялте прибывший в ноябре 4-й конный эскадрон был торжественно встречен местной буржуазией и монархистами. Как отмечает местная газета¹, мулла отслужил молебствие в честь прибытия этих воинских частей. Только севастопольские революционные рабочие и матросы не допустили солдат в город. Прибывшие солдаты были уверены, что их отзывают с фронта для защиты Крыма «от вторжения иностранных войск». Содержались они изолированно от революционных матросов, солдат и трудящихся, были они неграмотны и невежественны и могли служить монархистам надежной опорой. Этим национальным формированиям поручалось нанесение первого удара революции по первому сигналу буржуазии.

Сообщение о победе Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде было получено в Крыму 8 (26) ноября и вызвало большой энтузиазм среди трудящихся города и деревни. Начали организовываться боевые отряды для захвата власти в Крыму, где еще крепко сидели меньшевики, эсеры, националисты. Пролетариату предстояло сразиться с хорошо подготовленным противником. Но пролетариат не был одинок: на помощь ему пришли вооруженные отряды революционных матросов, солдат и крестьян из деревень. Каждый город, каждый вокзал приходилось брать с бою. Особенно упорные и кровопролитные бои происходили на Южном берегу Крыма, где контрреволюция забаррикадировалась.

Сведения о контрреволюционной деятельности монархистов в Крыму быстро дошли до победившего петроградского пролетариата, который должным образом оценил их подрывную деятельность. 20 ноября 1917 года на заседании Петроградского ревкома,

на котором присутствовали гг. Молотов, Урицкий, Дзержинский и другие, обсуждался вопрос о Романовых и других контрреволюционерах, которые засели в Крыму. В протоколах петроградского ревкома от 20 ноября записано:

«С л у ш а л и:

Доклад делегата из Крыма.

Бывший (великий) князь Николай Николаевич Романов и его окружающие являются центром, вокруг которого группируется контрреволюция. Делегат Ткачев предлагает дать предписание севастопольскому совету рабочих и солдатских депутатов арестовать Николая Николаевича, Рябушинского и др. контрреволюционеров.

П о с т а н о в и л и:

Военно-революционный комитет предписывает арестовать Николая Николаевича Романова, Рябушинского и ряд других контрреволюционеров по заключению Севастопольского Военно-революционного комитета. Для передачи этого постановления Военно-революционным комитетом делегируется товарищ Ткачев»².

Но севастопольский совет, в который засели тогда элементы, враждебные советской власти, — меньшевики, эсеры и другие враги народа, — саботировал это важнейшее мероприятие, и против Романовых не были приняты никакие реальные меры.

Нигде в Крыму Великая пролетарская революция не встретила такого яростного сопротивления контрреволюции, как в Ялте и ее окрестностях — этой «южной Вандее». Три раза Ялта переходила из рук в руки. Против наспех вооруженных рабочих и крестьян дрались отборные, хорошо обученные отряды и офицерские полки под командованием опытных генералов. Но когда на помощь отрядам рабочих и крестьян прибыли революционные матросы из Севастополя, последний оплот контрреволюции в Крыму пал и белым пришлось бежать. 10 января 1918 года (старого стиля) в Ялте установилась советская власть.

Но исчезновение с улиц Ялты золотопогонной своры еще не означало, что она слалась. Романовы и их приспешники только несколько притихли и внешне покорились новой власти, а на самом деле они вели гнусную политику подрыва мощи советской власти, убивали советских работников и вели антисоветскую агитацию.

Крымские советские власти с преступной беспечностью забыли о своих злейших врагах — вековых тиранах Романовых, которые продолжали жить в Крыму в своих дворцах. В Ялте было только офици-

¹ «Ялтинский голос» № 203 от 5 декабря 1917 года.

² Из протоколов Петроградского ревкома 1919 г., стр. 214, которые подготовлены к изданию ред. «История гражданской войны в СССР».

ально зарегистрированных свыше 800 офицеров бывшей царской армии, а на самом деле их было в несколько раз больше.

Графиня Воронцова, князь Юсуповы, царские министры (С. Сазонов и многие другие) жили на свободе в своих дворцах. Больше того: князь Юсупов еще в марте 1918 года продолжал получать с ведома керченского совета крупные денежные суммы из ялтинского советского Государственного банка. Что касается семьи Романовых, то ялтинский совет поручил наблюдение за ними каким-то темным личностям, меньше всего думавшим об интересах революции. Очевидно, ялтинский совет не был свободен тогда от контрреволюционеров, которые умышленно проникли в совет, чтобы оказать содействие Романовым.

У руководителей республики Тавриды вопросы борьбы с контрреволюцией не стояли тогда в центре внимания. Народные комиссары республики Тавриды не успели еще принять элементарные меры государственной безопасности. Избранные на эти посты только в марте 1918 года, они встретились с большими трудностями. Еще не были организованы надежные вооруженные силы, и контрреволюция вела себя пагубно и вызывающе. Просмотр газет Крыма того периода убеждает нас в том, что гнусная, антисоветская деятельность контрреволюционеров не прекращалась и не встречала должного отпора. Приведем несколько фактов:

17 февраля 1918 года, во время заседания пленума симферопольского совета, когда обсуждался вопрос об исключении из совета представителей меньшевиков, эсеров, анархистов и националистов, в президиум пленума была брошена бомба, которая не разорвалась только благодаря самоотверженности и находчивости председателя симферопольского совета, который своевременно успел выхватить горящий фитиль из бомбы и обезвредить ее.

25 февраля в Алуште был раскрыт контрреволюционный заговор церковников во главе со священником Огицким, дьяконом Сакуном, нотариусом Вознесенским и домовладельцем Делькнером. Они напечатали около 500 воззваний, призывавших к свержению советской власти.

26 февраля в Симферополе были убиты черносотенцами двое служащих продовольственной управы.

21 марта ялтинский комиссар по борьбе с контрреволюцией сообщал в газете¹, что офицеры, переночевавшие в санатории Ялты, ведут контрреволюционную агитацию. Пред-

ставитель ялтинского совета был избит монархистами.

27 марта в Симферополе, в гостинице «Большая Московская», контрреволюционерами был убит начальник штаба Красной Армии член ЦИК Тавриды тов. Хацько.

В ночь на 10 апреля, когда все вооруженные силы севастиопольского пролетариата выступили на фронт для борьбы с наступающими германскими оккупантами, меньшевики и эсеры с помощью реакционного офицерства захватили власть в свои руки.

15 апреля ялтинский комиссар по борьбе с контрреволюцией телеграфировал совнаркому Тавриды: «Алушке и Симензе ведется агитация с призывом формироваться в отряды и идти на ялтинский совет, где заседают большевики. В этих районах большое скопление буржуазии, бежавшей из Ялты, которая ведет открыто агитацию против советской власти»².

Как видно из сообщений газет об этих фактах, кроме алуштинских церковников-контрреволюционеров, ни один из виновников перечисленных выше преступлений не был наказан. Немало вреда в этом отношении причинил Крыму ныне разоблаченный враг народа троцкист-террорист Гавен, который еще тогда покровительствовал меньшевикам, эсерам и всегда находил с ними общий язык, заключая с ними полюбовные сделки за счет кровных интересов пролетариата.

Крымскому правительству было известно, что этот предатель Гавен в январе 1918 года силами антисоветски настроенной части экипажа линкора «Воля» разоружил первый революционный черноморский отряд. Это предательство не было тогда оценено по достоинству. В профсоюзах еще сидели меньшевики и эсеры, члены распушенного курултая (татарского контрреволюционного парламента) вели энергично антисоветскую работу в деревнях Крыма и в особенности на Южном берегу. Впоследствии все это привело к тому, что 9 советских комиссаров республики Тавриды во главе с председателем совнаркома товарищем Антоном Слуцким при наступлении германских оккупантов были предательски захвачены в Алуште (24 апреля 1918 года) и замучены до смерти бандитами из лагеря монархистов и националистов.

24 февраля 1918 года ялтинский совет назначил некоего Задорожного комиссаром бывших царских имений «Чаир», «Дюльбер», «Сосновая роща» и «Коренз». Этому Задорожному удалось под видом «улучшения охраны» собрать всех членов семьи бывшего царского дома Романовых в один

¹ «Таврическая правда» № 134 от 21 марта 1918 года.

² Крым. ЦАУ, фонд республики Тавриды, д. № 11.

дворец «Дюльбер», где они и содержались под «домашним арестом». Задорожный, подкупленный Николаем Николаевичем, сколотил вооруженный отряд в 20—30 человек при двух пулеметах. Действия Задорожного ялтинский совет не контролировал. По внешности это был советский отряд (люди Задорожного даже носили почему-то матросскую форму), а по сути это были телохранители Романовых. В конце апреля, при приближении германских оккупантов, Задорожный отказался выдать Романовых отряду красногвардейцев и пригрозил пустить в ход оружие. Таким образом предателю Задорожному удалось сохранить жизнь членам семьи Романовых, бежавшим впоследствии, в марте 1919 года, при наступлении Красной Армии, в Англию.

С захватом Крыма в мае 1918 года германскими оккупантами монархисты воспрянули духом. На повестку дня был поставлен вопрос о реставрации монархии. Контрреволюционные силы зашевелились: из всех щелей вылезла буржуазия и начала жестокую расправу с революционными рабочими и крестьянами. Командующий германскими войсками в Крыму генерал Кош организовал марионеточное правительство из ярых монархистов, во главе с бывшим царским генералом Сулькевичем.

Русские монархические круги были недовольны малоизвестным генералом Сулькевичем, который к тому же был нерусским. Еще больше были им недовольны представители империалистических стран. Русские дворяне и капиталисты мечтали о восстановлении монархии в России во главе с одним из представителей царской династии. Они неоднократно обращались к Николаю Николаевичу с просьбой стать во главе крымского правительства. В этом им помогли представители империалистических стран. По их поручению, ЦК партии кадетов через князя Трубецкого неоднократно обращался к Николаю Николаевичу Романову с просьбой возглавить крымское краевое правительство и объявить себя диктатором в Крыму. Сам Романов с нетерпением ждал этого момента. Но он мечтал о диктаторстве «всероссийском». Этот давший претензии на царский престол не желал «унизиться», ограничившись Крымским полуостровом. Поэтому, не отказываясь от сделанного ему предложения, он все же медлил с ответом, одновременно развивая энергичную деятельность на Кубани и Северном Кавказе, захваченных в то время белогвардейцами. Он добивался власти над всей Россией.

Во всех городах монархисты организовали отделения так называемого «Всекрымского штаба монархистов», резиденцией которого была Ялта. Этот штаб распростра-

нял листовки монархического содержания во всех многолюдных пунктах.

На Кавказе, на Дону и в Крыму организовались тайные монархические офицерские кружки. Каждому члену кружка выдавался картонный знак с инициалами Н. Н. Романова. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях генерал Деникин.

Пока кадеты, монархисты и иностранные державы переговаривались между собой и посылали делегатов к Н. Н. Романову, пока последний обдумывал, как скорее ему «принять участие в боевой работе» и стать диктатором всероссийским, у него неожиданно появился соперник. На сей раз он появился оттуда, откуда Романов меньше всего его ждал.

Лидеры курултая (татарского буржуазного парламента) и «милли фирка» (татарская националистическая контрреволюционная партия), узнав о переговорах, засуетились. Они имели все основания для того, чтобы взять инициативу в свои руки. Они, так много сделавшие для германских оккупантов, решили, что теперь настало время для предъявления счета германскому народу. Немедленно был составлен меморандум на имя Вильгельма II. В этом меморандуме они просили разрешить им восстановить в Крыму ханство, которое опиралось бы на германские штыки. Романову националисты решили противопоставить татарского хана.

Провозглашением ханства и выдвижением своего татарского диктатора националисты думали предупредить захват Романовым диктатуры в Крыму и устранить правительство Сулькевича, которое мешало курултаю в повседневной работе. Из этой интриги ничего не вышло: Вильгельму не было надобности в татарском хане, когда в Крыму уже господствовали ханы германского образца. Романов, зная о происках националистов, начал торопиться и нервничать, начал недвусмысленно высказывать желание «стать во главе движения». Но антиты его остались неудовлетворенными: ни при германских, ни при союзных оккупантах Романов не стал во главе белых войск и белых правительств. Это объясняется тем, что, кроме монархических офицеров, контрреволюция имела еще большую армию из рядовых солдат и еще больший тыл, перед которыми нельзя было полностью раскрыть свои карты. Пока можно было дурачить свою армию и тыл туманными фразами и лозунгами о «единой неделимой России», капиталистам и помещикам выгодно было не мешать Деникину и затем Врангелю бороться с советской властью, а Романова держать в запасе для более удобного случая. Деникин был в данный момент более подходящей фигурой:

он мог заигрывать с «демократией», а Романову этого никак нельзя было делать.

С захватом Крыма германскими, а затем союзными оккупантами с чрезвычайной быстротой стали стираться грани между меньшевиками, эсерами и националистами, с одной стороны, и монархистами—с другой. Надобность в «революционной» фразе миновала, она даже мешала этим «социалистам». Социал-предатели в союзе с кадетами совершенно открыто расчищали дорогу монархистам.

11 декабря 1918 года на заседании комиссии по рассмотрению законопроекта о выборах в крымский краевой сейм меньшевики высказались за предоставление членам семьи Романовых прав избирателей в краевой сейм. Через 2 месяца меньшевики поддержали кандидатуру кадета, князя Оболенского, при выборах его на пост городского головы Симферополя. В августе 1919 года меньшевики заключили с кадетами избирательный блок, в который вошли спонсоры и миллирковцы.

Во многих городах Крыма имели место еврейские погромы; белогвардейская печать вела кампанию, направленную против евреев. Но еврейская буржуазия всячески содействовала белогвардейцам и заискивала перед ними.

В декабре 1918 года совет министров организовал в Крыму особый комитет помощи армии Деникина. В правление этого комитета шараду с такими отъявленными черносотенцами, как Пуришкевич, вошел и лидер международного шпионского движения, редактор крымской кадетской газеты «Таврический голос», кадет Пасманник.

На II съезде представителей шпионистов Пасманник заявил, что «интересы еврейской буржуазии связаны с интересами армии, которая борется за «единую неделимую Россию», и призывал еврейскую буржуазию поддержать добровольческую армию. Пасманнику усердно помогали керченский раввин Эмануэль и другие, которые рассылали по синагогам подписные листы для сбора пожертвований в пользу раненых деникинцев.

Так гягантская схватка борющихся классов разоблачила националистическую буржуазию и ее друзей — меньшевиков и эсеров, — показала их миру во всей отвратительной наготы.

Белогвардейские офицеры начали открыто терроризировать население, которое не сочувствовало монархистам. Как сообщает агент деникинской контрразведки, 12 декабря 1919 года «в Карасубазаре толпой сделана попытка самосуда над офицером корчемной стражи, сорвавшим повешенную

на улице большевистскую прокламацию»¹.

Приход германских и союзных оккупантов, а затем еще добровольческой армии в Крым вызвал резкие протесты и подъем революционного движения среди пролетариата и крестьянства. Сотни передовых рабочих и крестьян, руководимые подпольной коммунистической партией, вооружились и выступили против белых. К восставшим керченским и евпаторийским каменоломщикам присоединились сотни крестьян и рабочих. Они пахотили в глубоких каменоломнях надежную защиту от белых и твердое руководство большевистского ревкома. Ни удушливые газы, ни месячные бомбардировки, ни голод, ни холод долгое время не могли сломить революционный дух партизан².

Только после долгой, 5-месячной осады знаменитое восстание аджимуткайских партизан было потоплено в крови восставших.

Одновременно с восстанием в Керчи начала приближаться к Крыму Красная Армия. В апреле 1919 года Крымский полуостров, кроме Керчи, снова стал советским.

На этот раз Романовы не рискнули остаться в Крыму. Их, очевидно, пугала участь Николая кровавого. Накануне прихода красных войск Романовы, князя Юсуповы и прочие «великие» спешно выехали в Англию на английском дредноуте «Мальборо». Перед отъездом Романовы три дня грузили пароход своим имуществом и драгоценностями.

С отъездом Романовых в Англию их связь с друзьями, оставшимися в Крыму, не прекратилась: связь с Крымом осуществлялась через губернатора острова Мальты лорда Метьюэна и генерала Плюмера. Романовы переписывались с графиней Воронцовой и другими «частными» лицами, оставшимися в Крыму.

После вторичного занятия Крыма белогвардейцами в Крым приехал генерал Деникин со своей ставкой, которая расположилась в Феодосии. Буржуазия начала стекаться обратно в Крым в еще большем количестве. В Крым съехались сотни тысяч белоэмигрантов из Одессы, Ростова на Дону, Харькова, даже из Константинополя.

С отъездом Романовых из Крыма вопрос о реставрации монархии не утратил своей остроты. Реакционные круги в России и их друзья за границей делали все возможное, чтобы осуществить реставрацию. Но осуществить ее было не так-то легко: претен-

¹ «Красный архив». Т. XXIX, стр. 61.

² Это дало Пуришкевичу повод выступить в Ялте на собрании белогвардейцев и заявить: «В лесах Крыма находится 30 000 большевиков. Их надо поймать и каждого в отдельности поджаривать».

дентов на престол было много, и все они интриговали, подсиживали, подкапывались один под другого. Монархисты мечтали о замене Деникина Николаем Николаевичем Романовым. Врангель подкапывался под Деникина и, наконец, свалил его, занял его место. Романовы, не будучи уверенными в том, что Врангель уступит им назначенное место, организовали заговор, имевший целью арест Врангеля, провозглашение императором наследника Николая Николаевича — герцога Лейхтенбергского, а впоследствии самого Николая Николаевича. Заговор был раскрыт, но это, как известно, не спасло Врангеля: наша героическая Красная Армия положила конец этому гнусному торгу Советской Россией и ее народом.

После разгрома последнего оплота контрреволюции в Крыму трудящиеся Крыма засучив рукава принялись за строительство новой жизни. Под руководством большевистской партии Ленина—Сталина

Крым, бывшая царская колония, место скопления «снятельных особ», превратился во всеобщую здравницу трудящихся. Бывшие дворцы Романовых превращены в образцовые санатории, где отдыхают миллионы трудящихся. Выросли сотни новых дворцов-санаториев.

Однако в Крымской республике еще сохранились некоторые остатки той трехсоттысячной армии буржуазии, о которой нас предупреждал В. И. Ленин еще в 1920 году. Замаскированные белогвардейцы, троцкистско-бухаринские агенты фашизма, буржуазные националисты пытались реставрировать капитализм и в Крыму. В беспощадной борьбе с этими фашистскими выродками трудящиеся Крыма под мудрым руководством вождя народов товарища Сталина превратили Крымский полуостров в цветущую советскую республику, граждане которой с отвращением вспоминают о мрачных днях самодержавия и капитализма.

А. Боголюбов

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ А. В. СУВОРОВ

Великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову по праву принадлежит первое место в развитии русского военного искусства в дореволюционной России. Да и не только в России: суворовские способы ведения войны, примененные в практической деятельности, превосходили стратегию Наполеона и поставили Суворова в первом ряду великих полководцев мира.

Деятельность Наполеона протекала в эпоху великой французской буржуазной революции. «...заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых было возможно лишь благодаря революции»¹.

Суворову пришлось проявить себя в менее благоприятной обстановке. Он не имел власти, не имел поддержки правительства,

ему не доверяли. Командуя небольшими отрядами и небольшой армией (по сравнению с армиями Наполеона), Суворов сумел как полководец своего опередить свою эпоху.

Несмотря на блестящие победы Суворова-полководца его полководческое искусство не получило в тогдашней России признания, а вскоре после смерти «полковника-солдата» было слано в архив и забыто. Самодержавие, в полной мере использовавшее в своих захватнических целях военный талант Суворова и его преданность родине, не постеснялось представить его обществу шутком, полупомешанным человеком, не имеющим военного таланта. Военные успехи Суворова пытались объяснить... везением. Ложь и интриги, спала и ссылка — вот чем награждало Суворова самодержавие за его деятельность.

Суворов был слишком популярен в солдатских массах, слишком умен, самостоя-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 464.

телен, откровенен и беспримесен с на-
рями, чтобы прийти по вкусу правите-
лям дворянской империи XVIII века. Вся
жизнь и деятельность Суворова противо-
речили правам и обычаям тогдашней Рос-
сии; его принципы военного искусства
расходились с господствовавшими тогда в
русской армии принципами прусской воен-
ной системы; да и сам Суворов не был по-
хож ни на одного из военных деятелей
своей эпохи.

Идя на поводу у Европы, русские «тео-
ретики» военного дела, слепо восхищав-
шиеся чужими теориями, не желали
изучить и понять опыт Суворова.

Великая пролетарская революция выбро-
сила в мусорную яму весь ненужный ис-
торический хлам, все дутые репутации,
оставив для народа действительно ценное
и исторически важное. Полководческое
искусство Суворова только теперь заняло
соответствующее место в истории русско-
го военного искусства.

1

Со второй половины XVIII века внеш-
няя политика дворянско-помещичьей Рос-
сии была направлена к распространению
своего влияния в Центральной Европе. С
этой целью Россия участвовала в Семь-
летней войне с Пруссией (1756—1763).
Захватническая политика прусского коро-
ля Фридриха II стала вызывать серьезные
опасения со стороны его соседей. Россия
примкнула к союзу, заключенному Фран-
цией, Австрией и Саксонией против Прус-
сии. Фридрих II, считавшийся непобеди-
мым полководцем, был наголову разбит
русской армией в 1759 году. Успехи
русских войск в Семилетней войне усили-
ли влияние России в Западной Европе.
После разгрома Пруссии дворянство Рос-
сии устремило свои взоры на Турцию.

Русско-турецкие войны 1768—1791
годов были связаны со стремлением рус-
ских помещиков укрепиться на Черном
море, захватить торговые пути с Западом,
подчинить Турцию своему влиянию.

До тех пор пока Россия своей армией
способствовала укреплению морского мо-
гущества Англии и расширению владений
Австрии, ей не мешали в ее войне с
Турцией. Но как только эта война нача-
ла давать свои результаты, приводя к
усилению позиций дворянской России на
Черном море, Англия, Австрия и Пруссия
активно вмешались в войну. Они встали
на сторону Турции, угрожая войной Рос-
сии. Вчерашние союзники сделались вра-
гами.

С 1789 года внешняя политика цар-
ской России направлялась в первую оче-

редь на борьбу с великой Французской
буржуазной революцией.

Екатерина II, а за ней Павел I с пер-
вых дней Французской революции актив-
но боролись за восстановление монархии
во Франции. Для удупления революции
правители дворянской Российской импе-
рии не стеснялись в выборе средств и со-
юзников.

В 1792 году была создана первая коа-
лиция в составе России, Австрии и Прус-
сии, поклявшихся друг другу в «дружбе»
и верности в борьбе за неизблемость мо-
нархического строя. Договор был скреплен
обязательством этих стран выставить
определенное количество вооруженных сил
на борьбу с Францией.

Далее, Россия добивается окончатель-
ного раздела Польши, пытаясь тем самым
создать кордон против революции.

Внутренняя политика России полностью
определялась интересами крепостническо-
го дворянства. Укреплялись дворянские
привилегии и усиливалось крепостное
право. Крепостной гнет, усиление барщи-
ны, непрерывающиеся войны с целью
захвата новых земель и колониального по-
рабощения нерусских народностей тяже-
лым бременем ложились на народные мас-
сы России. Все чаще вспыхивали во-
оруженные крестьянские восстания. Круп-
нейшими из них были восстание башкир-
ского народа под предводительством Батыр-
ши, восстание казахского народа во главе
с народным героем храбрым Сарым Да-
том и восстание Пугачева.

К внутренней революционной опасности
присоединилось влияние революционной
Франции. Борясь с проникновением рево-
люционных идей из Франции, Екатерина II
в 1793 году разорвала дипломатические
отношения с Францией и объявила состоя-
ние войны с ней. Россия расторгла торго-
вый договор с Францией, запретила фран-
цузским судам заходить в русские порты,
выслала французских консулов и запрети-
ла французам въезд в Россию.

Началось неумеримое преследование
«вольнодумцев», жертвой которого стали
Новиков и Радищев. Иллюминаты, франк-
масоны, либералы всех оттенков попали
под строгий надзор; были запрещены все
вольные типографии, установлена жесто-
кая цензура.

Таковы характерные черты внешней и
внутренней политики дворянской империи
во второй половине XVIII века.

Средством для осуществления этой по-
литики была армия. Россия являлась в
тот период в области экономики и культу-
ры крайне отсталой по сравнению с
другими странами Европы. Дворяне-пме-
щики в своей массе были неграмотны, не
говоря уже о многомиллионном крестьян-

стве. Дворянство не хотело учиться: «У нас из стари положено: для дворянина — шпага, для стряпчего — перо, а грамота для попов», — говорили дворянские сынки. «Науками ли каживает деревни, науками ли приобретают себе покровительство? Нет! Так к чему же они годятся?» — рассуждали они.

Экономическое и культурное состояние России в полной мере отражалось на русской армии того времени.

Армия комплектовалась из крестьян на основе рекрутской повинности. Отдача в рекруты всецело зависела от помещичьего произвола. Непрерывные войны требовали все новых и новых пополнений. Были годы, когда с 1000 человек мужского населения в армию брали 300 рекрутов. Исключительное зверство и грубость сопровождали набор рекрутов. «Когда в губерниях рекрут эберут, то сначала из домов их ведут скованных и, пришедши в города, держат в великой тесноте, по тюрьмам и острогам, не мало время, и таким образом еще на месте изнурив, отправят, не рассуждая по числу людей и дальности пути, с одним, и то негодным, офицером или дворянином, при недостаточном пропитании; к тому же поведут, упустив удобное время, жестокою распутицею, от чего в дороге приключаются многия болезни и помрают, безвременно, другие же бегут и пристают к воровским кампаниям»¹, — так доносит один военный чиновник своему начальству.

Жестокое обращение с рекрутами приводило к тому, что, например, в 1757 году из направленных в полки 43 083 человек прибыл только 23 571, а 19 517 человек частью разбежались, частью погибли. Страшным бедствием ложилась на народные массы рекрутская повинность. (Служба в армии была пожизненной. Только с 1793 года установлен был срок службы в 25 лет.) Семья, провожавшая сына в армию, прощалась с ним навсегда, считала его заживо погребенным. Так оно и было: если не по дороге в полк, то в полку, не в полку, так на фронте солдата ждала смерть или полная инвалидность. Народ ненавидел службу в армии и тем или иным путем стремился избежать ужасной участи. Правящий же класс — дворяне и помещики — имели всевозможные привилегии, в армию не шли, а на рекрутских наборах наживали целые состояния. Укомплектованная таким способом, армия не могла представлять собой боеспособный организм.

Из году в год численность армии увеличивалась. Если до начала Семилетней войны в армии было 100 тысяч человек, то

А. В. Суворов-генералиссимус.

в 1763 году она состояла уже из 274 557 человек, а в 1796 году в ней было 495 663 человека. За 40 лет армия выросла на 500%.

В армии свирепствовала жестокая налечная дисциплина. Инструкция по обучению войск предписывала, «чтобы крестьянская подлая привычка, уклонка, ужимка, чесание при разговоре совсем были из него истреблены, — прямой путь к этому батожье и шпиритутен». Грубый произвол офицеров, всевозможные издевательства над солдатом превращали царскую службу в каторгу.

Большинство офицеров было безграмотными или малограмотными. «Моя наука, — заявляли они, — вся в том состоит, чтобы уметь кричать: «Пали! Коля! Руби!» — и быть строгим до чрезвычайности к своим подчиненным; науки, да книги смягчают сердце, а от мягкосердечия до трусости только один шаг».

Офицеры бесконтрольно использовали труд солдата в своих личных интересах: солдаты были лакеями, поварами, кучерами, дворниками. Чем старше чином был офицер, тем больше солдат он мог использовать не по назначению.

Обучение войск производилось при помощи иностранных инструкторов. Главное внимание обращалось на стойку, маршировку и ружейные приемы. На марше требовалось, чтобы войска не сгибали колени, для чего подвязывали под колени лубки. Оружие чистилось только снаружи, чтобы создать видимый блеск на параде.

¹ «Русская военная сила». Т. II, стр. 86.

Форма гренадера времен Екатерины II.

Пехота строилась в длинные, тонкие, неповоротливые и неподвижные линии. Построив боевой порядок, войска боялись шевельнуться из-за опасения, что все перепутается¹.

Вооружение состояло из ружья (действительный огонь — 60 шагов), штыка, тесака.

Обмундирование было тесное, неудобное для похода: солдаты носили завитые парики. Небрежность в наряде влекла за собой наказание палками.

Эта парадная армия была малоподвижна, неповоротлива и, по существу, не годилась для боевых действий.

Зверское издевательство над солдатом приводило к тому, что в армии усиливалось дезертирство. За один 1757 год из армии дезертировали 20 тысяч солдат.

К характеристике царской армии надо добавить всевозможные злоупотребления, воровство, лесть, подхалимство и взяточничество, — распространенные среди всего офицерства.

«Кровавая дисциплина, возорное изде-

вательство над солдатами, плохое вооружение и снабжение, подкупное и развратное управление, парадное рутинерство — все это находило себе место в русской армии в такой же мере, если не в большей, как в прусской, а неспособностью своих генералов русская армия далеко превзошла даже свой прусский образец»².

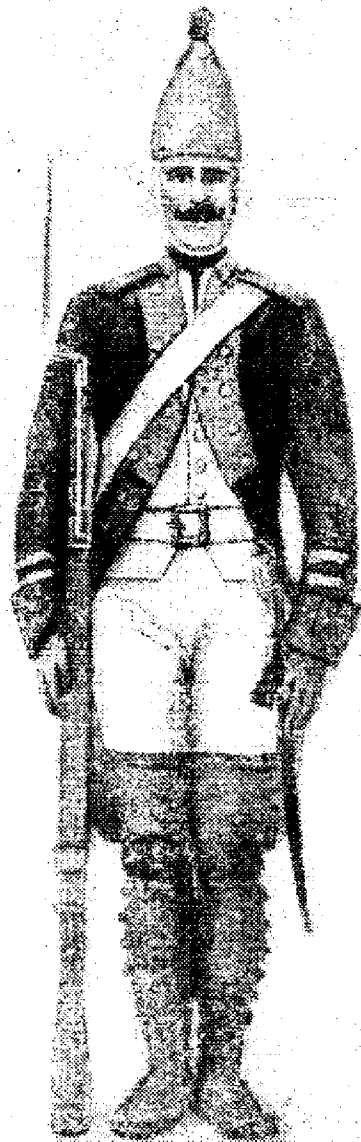
Такова была царская армия, в которую в 1745 году вступил пятнадцатилетний Суворов и в которой он служил до своей смерти.

2

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 1730 года³. Отец его — Василий Иванович Суворов — был денщиком у Петра I и в 1730 году, в год рождения сына, произведен был в подпоручики. Занятый своими хозяйственными делами, Василий Иванович обращал мало внимания на воспитание сына, тем более, что прочил его в гражданскую службу,

² Франц Меринг «Очерки по истории войны и военного искусства», стр. 295.

³ Все даты указаны по старому стилю.

Форма гренадера времен Павла I.

¹ «Русская военная служба», Т. II, стр. 180.

так как мальчик «ростом был мал, хил-тонц, дурно сложен и некрасив».

Детские годы маленький Суворов провел в семье, занимаясь без всякой системы, под руководством своей матери. Рано стал читать и писать. Читая все, что попадало под руку, быстро развивался. К пятнадцати годам мальчик твердо решил сделаться военным и добился согласия отца на это.

В те годы каждый дворянин имел право зачислить своего сына на военную службу со дня рождения. Ребенок зачислялся солдатом, через несколько лет получал первый офицерский чин, а дальше производство шло обычным порядком — за выслугу лет, хотя сам «офицер» в это время еще ходил в коротеньких штанишках. Сыновья знатных дворян иной раз не шли в армию до 20—25 лет, а придя в нее, сразу получали чин генерала. Этой привилегией Суворов не воспользовался, так как вопрос о его поступлении в армию был решен поздно.

В 1745 году пятнадцатилетний Суворов стал солдатом Семеновского полка. Девять лет прослужил он рядовым, не выделяясь и не кичась своим дворянством, разделяя со всей солдатской массой тяготы и невзгоды военной службы. Здесь Суворов впервые познал все бесправие русского солдата, его тяжелую, беспросветную жизнь.

Готовясь к военной деятельности, молодой Суворов очень внимательно изучал быт и нравы военной среды. Он внимательно изучил солдатскую массу, сроднился и сросся с ней, понял ее внутреннюю силу, стал говорить на ее языке, у нее он воспринял горячую любовь к своей несчастной родине, ненависть к вельможам, особенно к прусским.

Суворов с присущей ему энергией занимался самообразованием, стремясь познать военное искусство во всех его тонкостях. К 20 годам он уже изучил походы Александра Македонского, Юлия Цезаря, Карла XII, Тюренна, Конде, маршала Морица Саксонского и др., изучил географию, историю и философию, уделял большое внимание иностранным языкам. Уже этим Суворов отличался от всей дворянской молодежи своей эпохи и в еще большей степени — от офицерской среды. Всю свою жизнь он не переставал учиться. Где бы он ни был: в бою ли, в походах, — всегда у него в багаже были новейшие книги.

В 1754 году Суворов был произведен в офицеры. Его сверстники были уже полковниками и генералами.

Семилетняя война с Пруссией, в которой Суворов получил первый боевой опыт, возманила его начальное военное образо-

А. В. Суворов-солдат несет караульную службу.

вание. В этой войне Суворов, командуя небольшим отрядом, показал образцы партизанских действий. Внезапно и решительно налетая на превосходящие силы немцев, Суворов всюду и везде был противника и принуждал его к отходу. В 1760 году он участвовал во взятии Берлина, когда русские войска заставили немцев бежать в панике.

Образованнейший человек своего времени, выдающийся полководец, Суворов пользовался исключительной популярностью и любовью солдат всей русской армии. Он беспощадно боролся с злоупотреблениями, воровством, взяточничеством, что, естественно, озлобляло высшее офицерство и настраивало против него.

Во время своих посещений столицы Суворов бывал при дворе. И здесь он видел на каждом шагу воровство, лесть, фаворитство, обман и грабеж. Как и в армии, Суворов вел с этим злом решитель-

ную борьбу. Но там, в армии, он был хозяином, а во дворце — непрошеным гостем.

Борьба его носила своеобразный характер: он издевался над придворными, проявляя к ним пренебрежение, называя их в глаза льстецами и угольниками; здоровался с истопниками и низшими служащими и совсем не отвечал на поклоны вельмож; в разговоре с императрицей Екатериной II Суворов откровенно и бесцеремонно рассказывал ей голую правду о жестокостях в армии и злоупотреблениях, не стеснялся касаться личностей; он издевался открыто над временщиками: Потемкиным и особенно Zubовым. «Я часто смеюсь глупости Платона Zubова и тужу о России», — говаривал он.

В окружении генералов, вельмож и царей Суворов оставался таким же, каким был с солдатской массой: простым солдатом, с лаконичной речью, с особыми привычками в быту и т. д. Никакие почести, никакая слава не могли изменить его образа жизни, его прямого, честного характера. Могущество своей родины он видел в крепкой армии, и во имя этого он вел борьбу со всем тем, что подрывало ее силу.

Высшая аристократия боялась языка Суворова, завидовала его военным успехам и мстила ему всеми способами, не стеснялась в выборе средств. Она добивалась того, чтобы Суворов был выслан, либо отправлен в отпуск, либо отстранен вовсе от должности и сослан в деревню.

Но Суворов был единственный полководец, который мог справиться с любой

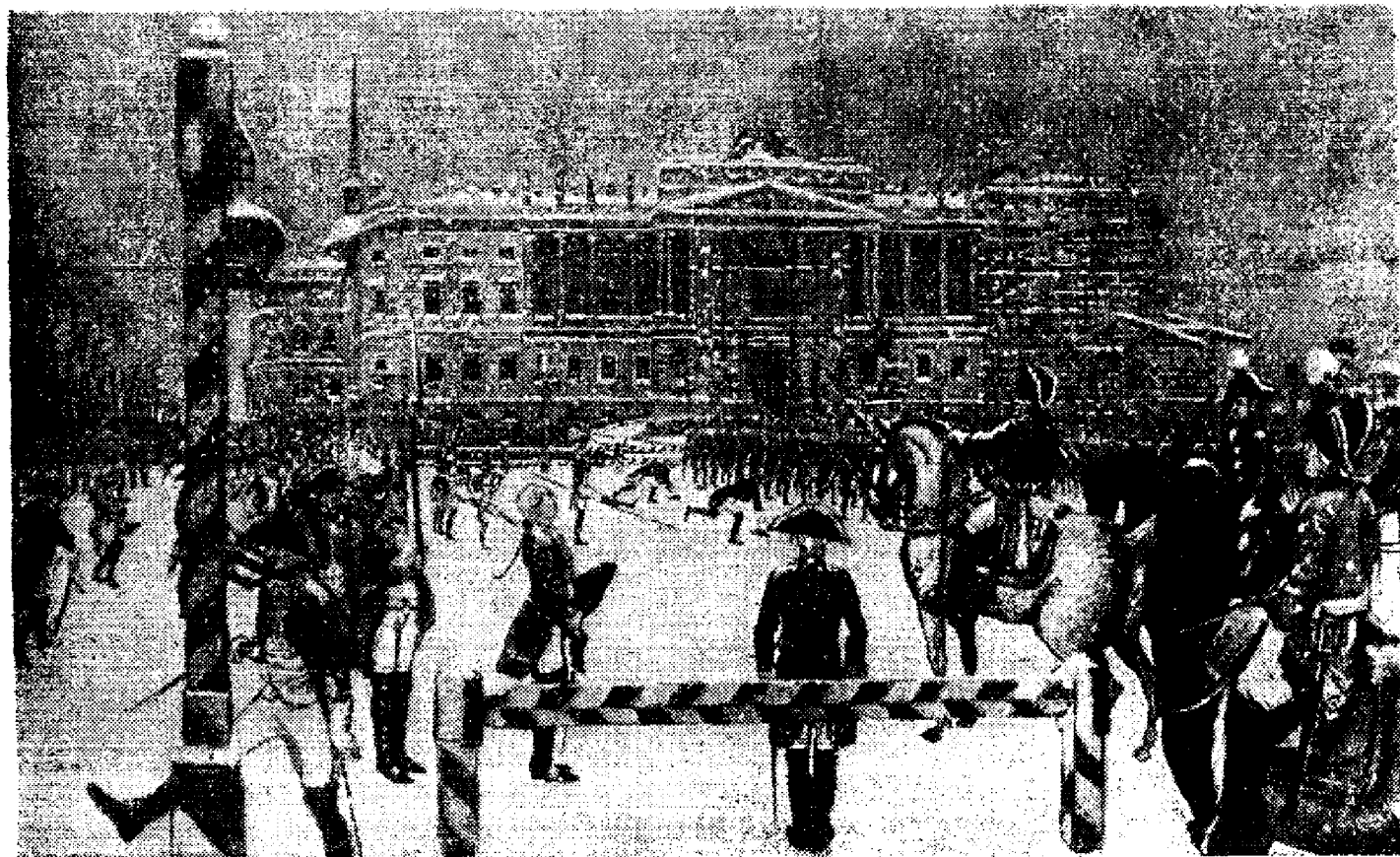
военной задачей. Каждый раз, затевая войну, Екатерина II, а после нее и Павел I вызывали Суворова, награждали и отправляли на театр военных действий. Без него никак нельзя было обойтись. Там, где был Суворов, была и победа. Кончалась война — Суворов становился ненужен.

Особенно обострилась борьба Суворова с правящей верхушкой при Павле I. Павел, боясь внутренней революционной опасности и влияния революции Франции, начал свое царствование тем, что закрыл в России все частные типографии, запретил читать французские книги и говорить о революции во Франции. В армии он ввел самую бесчеловечную дисциплину, жестокую муштру по прусскому образцу. Подражание прусским порядкам было во всем, вплоть до мелочей.

Лицемерие, уголизм, взяточничество и подхалимство расцвели с особой силой во время царствования Павла I. Не смирился лишь Суворов, бывший в это время фельдмаршалом русской армии. Он не признал нововведений Павла и отказался выполнять их.

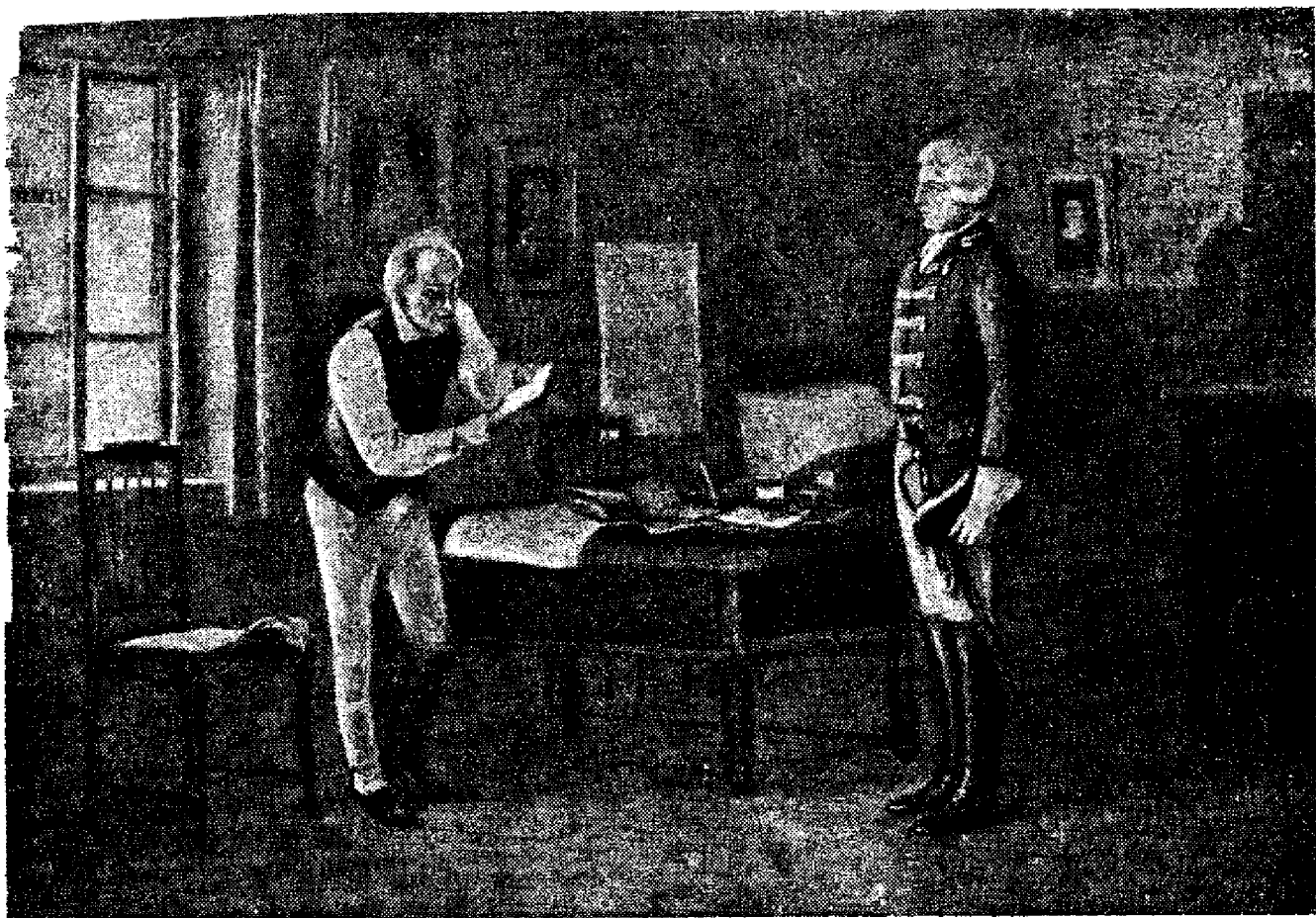
Боясь влияния Суворова на войска и на наиболее передовые слои общества, Павел в 1797 году отстранил Суворова от командования войсками, арестовал его и сослал в село Канчанское, Новгородской губернии, под присмотр полиции, без права выезжать из деревни и вести переписку.

Под разными предлогами, путем всяких грязных махинаций он отобрал у Суворова все его имущество.

Вахтпарад при Павле I.

С карт. Бенуа.

Суворов получает послание от Павла I в селе Канчанском.

С карт. Геллера.

Через год Павел попытался привлечь Суворова на свою сторону: вызвал его в столицу, ухаживал за ним, волил с собой на парады войск. Но Суворов не слался. Он осмелел Павла и его систему, издевался над муштрой, острил и проиизировал над приближенными Павла и категорически отказался служить в войсках Павла. «Мне лучше разрешите идти в монахи и провести последние годы моей жизни в молитве за нашу Русь», — заявил Суворов. Ответом была новая ссылка.

В 1799 году Россия и Австрия начали войну с Францией. Нужен был опытный лавпокомандующий. Англия и Австрия настаивали на Суворове. И он был вновь возвращен из ссылки.

Тоскующий в ссылке без армии, страдающий без своих чудо-богатырей, затравленный, он заявил: «Мне все равно, где умереть — под экватором или у полюса». Он был рад, что не будет служить под начальством Павла, и дал свое согласие с условием, что никто не будет вмешиваться в его действия.

Приехав в Италию, он обучил австрийские войска своим правилам, за 2 месяца очистил всю Северную Италию от французов, после этого последовал его знаменитый швейцарский поход, беспримерный в истории военного искусства.

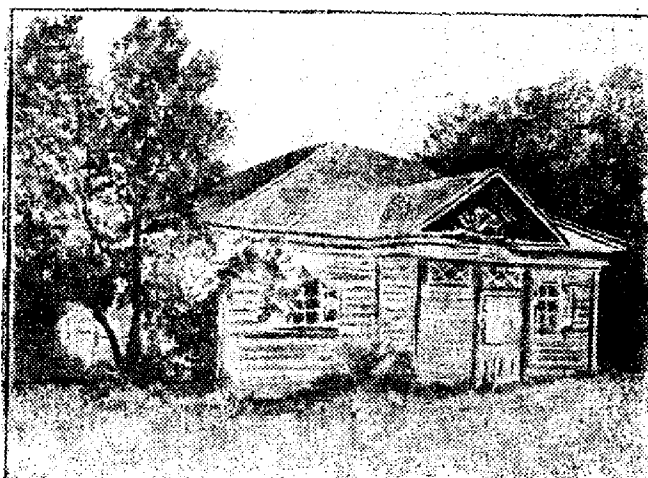
Война закончилась. Суворов возвращался с войсками в Россию. В пути он по-

лучает новую «награду» за свою службу: указом Павла он снова отстранен от службы: ведь война кончилась и Суворов больше не нужен!

6 мая 1800 года Суворов умер. Смерть избавила его от дальнейших издевательств самодура-царя.

Пятьдесят пять лет непрерывной военной службы в боях, походах, в борьбе за свои принципы военного искусства, в борьбе с косностью и тупостью самодержавия — таков жизненный путь великого русского полководца, солдата-генералиссимуса.

В глазах аристократов-помещиков Суворов был шут и чудацк. В глазах солдатских масс Суворов был любимый полково-

Домик А. В. Суворова в селе Канчанском.

дец, с которым русская армия не знала поражения.

Буржуазные историки обвиняли Суворова в скупости. Он был богат, но никогда не пользовался своими средствами лично для себя: помогал крестьянам своих имений, тратил свои средства на улучшение жизни солдат, строил школы, помогал бедным офицерам, платил за работу по военному ведомству тогда, когда правительство отказывало в отпуске средств. Так например, командуя войсками в Крыму, Суворов получил задачу — укрепить Черноморское побережье. Средства были обещаны. К работе приступили и почти ее выполнили, а обещанные средства не прибыли. На запрос последовал ответ: «Денег отпущено не будет, так как смета не утверждена».

Суворов продал свои имения и полностью расплатился за работу.

Во время ссылки у Суворова отняли все имущество якобы в уплату за хищения в его войсках. Фельдмаршал русской армии, главнокомандующий русско-австрийской армией, отправляясь из ссылки в Италию, вынужден был занять денег на наем подводы для проезда из деревни в столицу.

Такова «скупость» Суворова.

Буржуазные историки считали Суворова религиозным фанатиком. Он был верующим, но религиозность его имела своеобразный характер. Будучи религиозным, Суворов в то же время издевался над понами, монастырями и церковными ритуалами. Он с откровенным уважением относился к любому вероисповеданию: православному,

лютеранскому, протестантскому. Но в то же время он не стеснялся на глазах у солдат пороть попов за воровство и грабеж.

Обучая войска в мирное время, Суворов водил их на штурм монастырей, создавая среди монахов и монахинь панику.

Таков был великий русский полководец Александр Васильевич Суворов.

3

Несмотря на то что вся Европа, все военные авторитеты того времени увлекались прусской системой и считали ее единственно возможной, Суворов осуждал ее и пошел по другому пути.

В основу своей «науки побеждать» Суворов положил следующие принципы:

1. Главное оружие войны — человек. От морального состояния войск зависит успех боя. Солдат — не автомат, а человек, знающий военное дело, понимающий свою задачу в бою и умеющий упорно и настойчиво драться. «Каждый воин должен понимать свой маневр» (Суворов).

Для этого надо вконец пересмотреть отношение к солдату-человеку, воспитать в нем героизм и храбрость, научить его военному делу.

2. Офицер должен во всем служить примером солдату, в совершенстве знать военное дело, всегда и везде проявлять заботу о людях.

3. Обучать войска надо только тому, что придется делать на войне. Необходимо приблизить обстановку мирного времени к военной. Отсюда тезис: «Легко в ученье — тяжело в походе; тяжело в ученье — легко в походе».

4. Нужно покончить с медлительностью и неповоротливостью войск на поле и вне боя. «Победа зависит от ног, а руки — только оружие победы» (Суворов).

5. Ружейный и артиллерийский огонь не дает решительных результатов. Сила русских войск заключается главным образом в мощном ударе штыков; огонь — средство вспомогательное, но не решающее. «Пуля — дура, штык — молодец» (Суворов)¹.

6. Победа обеспечивается только наступлением. Не ждать противника, а идти к нему навстречу, искать его, стремительно атаковать, разбить и преследовать. Для этого нужны сосредоточение главных сил на решающем направлении, выгрыши времени, быстрота и внезапность атаки.

¹ Для суворовской эпохи в этом тезисе был свой смысл. Действительность ружейного огня была 80 шагов, меткость была очень плохая. Поэтому Суворов и предпочитал «изменчивости и неопределенности» ружейного огня мощный и верный удар штыком.

А. В. Суворов среди солдат. С карт. Лебедева.

Переход Суворова через Альпы.

С карт. Сурикова.

Цель—уничтожение живой силы противника.

«Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорозжай посты, снимай коммуникации». Неприятель думает, что мы за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель пост, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из лесов дремучих налети на него, как снег на голову; рази, стени, опрокинь, бей, гои, не давай опаминиться: кто испуган, тот побежден в половину; у страха глаза больше, один за десятерых покажется» (Суворов).

7. Нужно знать противника. «Никогда не пренебрегайте вашим противником, но изучайте его войска, его способы действия, изучайте его сильные и слабые стороны» (Суворов).

8. Главная задача мирного времени — учеба. Все должно быть подчинено ей. «Ученье—свет, а неученье—тьма». «Дело мастера боится». «За ученого трех неученых дают». «Возьми себе в образец героя

древних времен, наблюдай его, или за ним вслед, поравняйся, обгони» (Суворов).

9. Внимательное, человеческое отношение к местному населению, к пленным и перебежчикам усиливает силу русских войск, создает им авторитет и славу. Отсюда: «Обыватели не обижай: он нас поит и кормит; солдат — не разбойник». «Домов, заборов и огородов отнюдь не ломать, везде есть дрова. Жалобы обывателей немедленно удовлетворять. Не меньше оружия поражать противника человеколюбием». «Пленных содержать ласково и человеколюбиво, кормить их хорошо, хотя бы то было и сверх надлежащей порции, поступать так же и с неприятельскими дезертирами» (Суворов).

Таковы основные положения суворовских принципов военного искусства. Исходя из них, Суворов обучал войска и, применяя их, вместе со своими чудо-богатырями всегда и всюду побеждал противника. Блестящие операции, проведенные Суворовым в войне с Турцией и в Северной Италии — в войне с Францией, — покрыли неувидимой славой русское оружие.

11 сентября 1789 года 25-тысячный отряд русско-австрийских войск под командованием Суворова разбил 100-тысячную армию турок. В декабре 1790 года была взята штурмом первоклассная крепость Измаил.

С апреля по август 1799 года в Северной Италии Суворов одержал блестящие победы над лучшими французскими армиями генералов Моро, Макдональда и Жуберта. Преданный политикой правителей дворянской Российской империи и Австрии и обреченный со своими войсками на уничтожение в Швейцарии, Суворов во главе войск преодолел мощные вершины Швейцарских Альп, вышел из окружения и вывел войска из Швейцарии.

Все победы Суворова объясняются не только его гениальными способностями, но и тем, что войска, находившиеся под его командованием и умело обученные им, проявляли храбрость, бесстрашие и героизм.

Этот факт имел исключительное значение во всех операциях. Гениальные способности Суворова, не будь русских войск, не нашли бы своего применения.

Нет такого сражения, в котором русские суворовские чудо-богатыри не играли бы решающую роль.

Суворов понимал это обстоятельство и все свои расчеты строил на неустрашимости, гигантской силе и мощи своих войск. Эта сила и мощь русских войск в сочетании с полководческим искусством Суворова, с его человеческим отношением к солдатам и с любовью русских солдат к нему обеспечивали непобедимость русских.

Упорная многолетняя борьба за новые принципы военного искусства, борьба с

косностью и тугою самодержавия свидетельствуют о трудностях, которые приходилось преодолевать Суворову в его практической деятельности.

Несмотря на все ограничения, несмотря на презрительное отношение к нему правящих кругов дворянской империи и высшего офицераства Суворов внесал новую страницу в развитие русского военного искусства.

Опираясь на силу и мощь русского солдата, Суворов открыл новые способы использования старого оружия и положил начало наполеоновской стратегии.

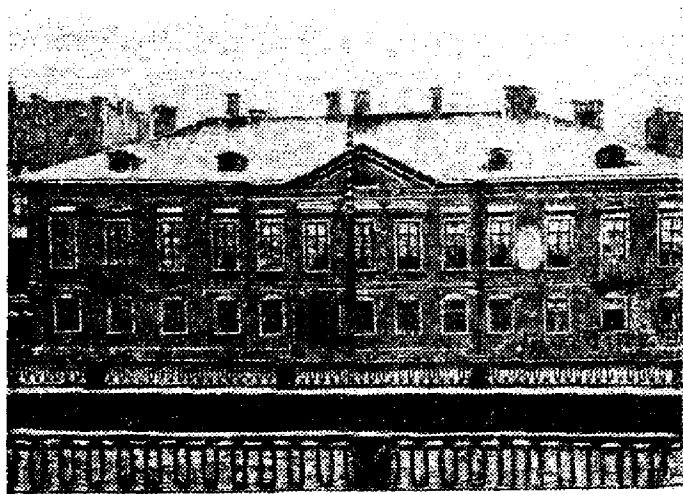
Не по силам и не по уму было царских генералам понять Суворова.

* * *

Великая пролетарская революция, уничтожившая власть эксплуататоров в России, выбросила за пределы страны контрреволюционных царских генералов и под руководством партии Ленина — Сталина привела народы Советского Союза к социализму.

Красная Армия, воспитанная Лениным и Сталиным, закаленная в боях гражданской войны, зорко охраняет границы нашей родины, готовая в любой момент нанести сокрушающий удар любому врагу, который покусится на жизнь и счастье трудящихся страны социализма.

Под руководством первого маршала Советского Союза пролетарского полководца Ворошилова Красная Армия с каждым днем повышает свою боевую мощь, изучает наследие великих полководцев, в том числе и Суворова, и восстанавливает правдивую картину славного развития русского военного искусства.

Дом, где скончался А. В. Суворов. Петербург.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ НАШЕСТВИЯ НАПОЛЕОНА В РОССИИ В 1812 ГОДУ

Завоевательные войны Наполеона I, несшие народам чужеземный гнет, грабеж и разорение, естественно, породили целую полосу народных национально-освободительных войн. «Всеобщая война народов против Наполеона, — писал Ф. Энгельс, — была реакцией национального чувства, которое Наполеон топтал ногами у всех народов»¹.

Завоевательный, грабительский поход Наполеона I в 1812 году, угрожавший национальной независимости России, поднял широчайшие массы русского народа на борьбу против насильнической наполеоновской армии.

Великий русский просветитель и демократ Н. Г. Чернышевский в следующих иронично-восторженных словах отобразил мощный национальный подъем русского народа в период наполеоновского нашествия в 1812 году. «Не книгами, не журналами, не газетами, — писал Чернышевский, — пробуждается дух нации, — он пробуждается событиями... Не шумные толки французских журналов погубили Наполеона — при нем и не было никаких толков. Его погубил поход 1812 года. Не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию, — ее пробудили славные опасности 1812 года»².

Так писал Чернышевский в 1857 году, спустя 45 лет после войны 1812 года.

Об огромном подъеме национальных чувств народных масс России во время их борьбы против наполеоновского нашествия свидетельствуют все современники и участники событий 1812 года. Возьмем хотя бы документы, воспоминания, записки и мемуары прогрессивно мыслящей части

русского дворянства того времени — дворянских революционеров-декабристов.

«Война 1812 г., — писал в своих записках декабрист И. Д. Якушкин, — пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языков, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»³.

О чувстве патриотизма, проявленного несмотря на крепостнический гнет народными массами России в 1812 году, декабрист А. А. Бестужев писал: «... Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости сперва политической, а впоследствии и народной».

Один из руководителей Северного общества декабристов, П. Г. Каховский, в своем письме вспоминал: «В 1812 году нужны были невероятные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества»⁴.

Главной, решающей силой в борьбе против наполеоновского нашествия выступило именно русское крестьянство, развернувшее широкую партизанскую борьбу против наполеоновских войск, влившееся в ряды ополченцев, составлявшее массу русской армии, героически отстаивавшей национальную независимость России. Русские партизаны и помещики боялись могучего движения широких крестьянских масс, развернувшегося против чужеземных завоевателей. Крепостнические эксплуататоры дрожали перед широкой волной народного движения, уничтожавшей завоевателей, опасаясь, как бы она не обернулась и против самих крепостников-помещиков.

Но даже крепостники-помещики вынуждены были преклоняться перед чувством

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 452.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Том III. СПб. 1906. («Современник» 1857 года, стр. 256—257).

³ Записки И. Д. Якушкина — полное, без выпусков, издание «Библиотеки декабристов», стр. 5—6. М. 1903.

⁴ Цит. по Сборнику, составленному В. Каллаш, стр. 211 и 212.

любви к родине, проявленной крестьянскими массами. Несмотря на тяжелый, крепостнический гнет, вопреки крепостническим отношениям, затруднявшим народную борьбу против завоевателей, русское крестьянство поднялось на защиту национальной независимости России.

Первый период крестьянского партизанского движения против наполеоновской армии

Как только насажденная, грабительская наполеоновская армия вторглась в пределы Смоленской губернии, русские крестьяне по своей собственной инициативе начали развертывать широкое партизанское движение в помощь русской армии. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что инициатором развертывания мощной партизанской борьбы против наполеоновской армии было отнюдь не царское правительство, а именно сами крестьянские массы, на своих плечах испытавшие насилие, притеснения и грабежи захватнической армии.

Первой подверглась захвату со стороны наполеоновских войск Смоленская губерния, и именно в ее уездах впервые развернулось партизанское движение против наполеоновской армии.

Генерал А. П. Ермолов в своих записках сообщает о готовности населения Смоленской губернии к борьбе против наполеоновской армии. «Жители, — пишет Ермолов, — предлагали содействовать, не жалея собственности, не щадя самой жизни»¹. Причем население было так запугано гнетом царского правительства, что опасалось наказания за попытки самочинного вооружения против наполеоновской армии. «По-

селяне, — продолжает Ермолов, — приходили ко мне спрашивать, позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнутся ли они за то ответственности».

Развернулась борьба крестьян против фуражиров, мародеров и шпионов наполеоновской армии. Крестьяне бросали свои деревни, уходили в леса. Многие крестьяне поджигали собственные дома и даже хлеб на полях, чтобы он не доставался завоевателям.

Русские крестьяне не оставляли ничего для наполеоновской армии и вместе с тем снабжали всем необходимым армию русскую. Чувствуя за собою поддержку широких народных масс, солдаты русской армии горели желанием дать отпор захватнической наполеоновской армии. «Со всех сторон, — писал офицер русской армии Глинка 18 (30) июля 1812 года из села Сугоки под Смоленском, — везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен Смоленских. Некоторые из них изясняют желание сами простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: «Мы уже видим седые бороды отцов ваших, — говорят они, — отдадим ли их на поругание? Время сражаться!»².

В то время как русские крестьяне готовы были наряду с регулярной русской армией вооруженной рукой защищать свою родину и в смоленских уездах уже развертывалось самочинное крестьянское партизанское движение, русский царизм, помещичье правительство царя Александра I все еще боялось призвать народные массы

¹ «Записки А. П. Ермолова», стр. 58. М. 1863.

² Глинка «Письма русского офицера». Ч. 4-я, стр. 21.

Регулярная и нерегулярная русская армия.

1812 год.

к широкому развертыванию партизанского движения.

Это положение прекрасно подтверждается письмом офицера Глинки от 19 (31) июля 1812 года. «Солдаты. — писал он, — будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, Государь! все до одного плем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война на ролях слишком нова для нас. Кажется, еще боится развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собраться, вооружаться и действовать где, как и кому можно. Дозволят — и мы, россияне, готовы в подкормку войнам. Знаем места, можем вредить: заседем в лесах, будем держаться — и удерживать; станем сражаться — и отражать!..»¹.

Завоевательная наполеоновская армия сразу почувствовала враждебное к себе отношение со стороны русских народных масс.

17 (29) июля 1812 года в Сураже офицер наполеоновской армии Ложье записал в своем дневнике: «Мы часто теряем людей, остающихся на полях, с которых мы уходим. Сколько раз из-за стремительности наших выступлений оставшиеся солдаты не знали, где найти свой отряд. Они бродят тогда на-авось по здешним обширным равнинам, по громадным лесам, прорезанным столькими дорогами; охваченные усталостью, побежденные сном или спом, они становятся жертвой злобных крестьян или добычей казаков, кружащихся около наших флангов»².

Эти нападения смоленских крестьян на фуражиров, мародеров и оставших солдат наполеоновской армии уже представляли собой начало крестьянского партизанского движения.

Наконец, в ответ на эту инициативу населения командование русской армии решило призвать население Смоленской и других губерний не только к быстрейшему формированию ополчений, но и к развертыванию партизанского движения в борьбе против наполеоновской армии. 21 июля (2 августа) 1812 года первый главнокомандующий русской армией Барклай-де-Толли в письме за № 575 на имя смоленского гражданского губернатора Аша предложил призвать «... благородное сословие дворянства и всех жителей тех уездов, до коих не приступил неприятель, к вооружению против коварных врагов наших».

¹ Глинки в «Письма русского офицера». Ч. 4-я, стр. 31—32.

² Ложье «Дневник офицера великой армии». М. 1912. Цит. по сборнику «Французы в России». Ч. 1-я, стр. 56 (подчеркнуто мною. — Л. Б.).

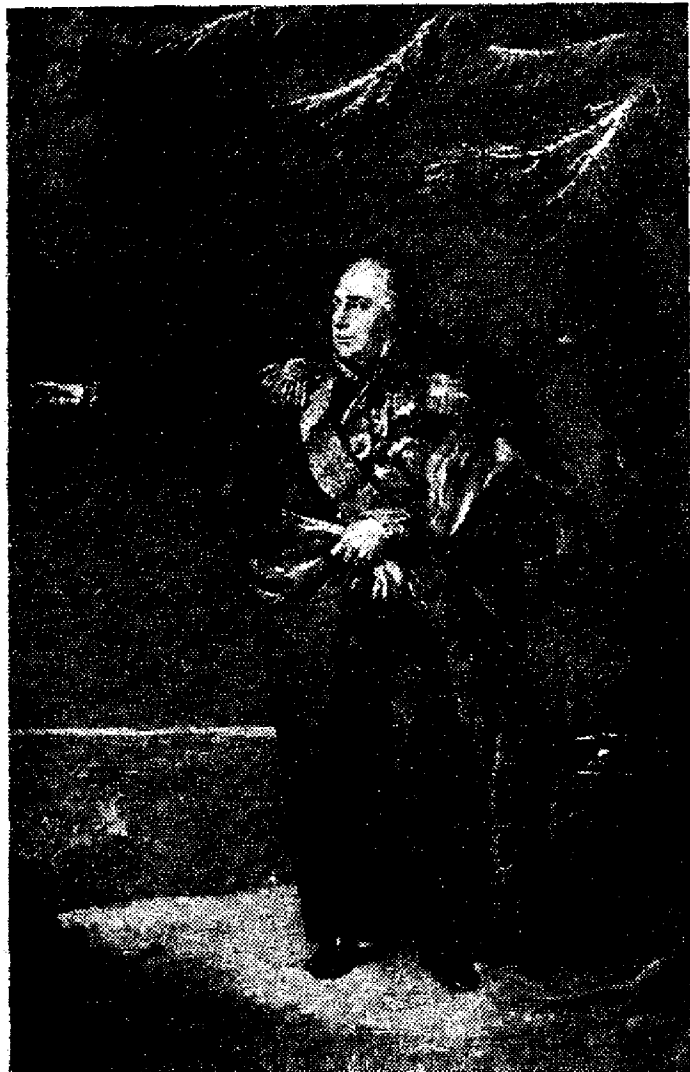
Барклай-де-Толли.

В своем письме Барклай-де-Толли писал: «... именем отечества просите обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженной рукой пасть на уединенные части неприятельских войск, где оные увидят. К сему же я пригласил особым отъездом россиян в местах французами занятых, обитающих, дабы ни один неприятельский ратник не скрылся от мщенья нашего за причиненные вере и отечеству обиды, и когда армия их поражена будет нашими войсками, тогда бы бегущих неприятелей повсюду встречала погибель и смерть из рук обывательских. Восставшие для защиты отечества граждане веномгать будут усиливая братьев и соотечественников своих, которые на поле брани за них жертвуют жизнью, и нашествие вероломных французов отражено будет россиянами, равно как предки их в древние времена восторжествовали над самим Мамаем, смирили гордость завоевателей и за вероломство наказали и истребили коварных соседей».

Смоляне, — заканчивалось обращение, — всегда были храбры и тверды в вере. Я надеюсь на их усердие»³.

Барклай-де-Толли правильно оценил роль партизанских действий местного населения против армии завоевателей, особенно в мо-

³ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), фонд Военно-учебного архива (сокращенно ВУА), д. № 3502, л. 94—95. Орфография подлинника. См. также «Бумаги Щукина», Ч. 7-я, стр. 50—51.

М. И. Кутузов. Гравюра с портрета Дау.

мент преследования ее после решительного поражения.

По мере продвижения наполеоновской армии в глубь России народные массы все более ожесточались против завоевателей.

Старший врач вюртембергского конноегерского полка наполеоновской армии фон Роос пишет в своих записках, что по пути к Смоленску командир его полка (герцог Людвиг. — Л. Б.) послал одного знавшего по-польски унтер-офицера с шестью солдатами «раздобыть естного». По своем возвращении унтер так рассказывал об отношении населения Смоленской губернии к наполеоновской армии:

«Все против нас; все готовы либо записаться либо бежать; везде меня встречали неприязненно, с упреками и бранью. Никто ничего не хотел давать; мне приходилось брать самому, насильственно и с риском. меня отпускали с угрозами и проклятиями. Мужики вооружены пиками, многие на конях; бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики. Верховые раз'езжают от места до места, сообщают о том, что делается; есть у них доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помещики»¹.

¹ Роос «Записки». Цит. по сборнику «Французы в России». Ч. 1-я, стр. 90.

Наполеоновская армия, двигавшаяся в условиях активного бойкота со стороны русских крестьян, испытывала огромные трудности в продовольственном снабжении. Лейтенант наполеоновской армии Брандт свидетельствует, что уже на переходе от Смоленска к Гжатску солдаты армии Наполеона питались почти исключительно лошадиным мясом, поджаривая его на углях. «...потому что крестьяне разводили свой скот настолько далеко, что его никак невозможно было поймать»².

Наряду со своими отцами и мужьями русские крестьяне и подростки героически участвовали в партизанском движении против захватчиков. «Даже женщины сражаются!.. — писал Глинка 17 августа 1812 года. — Сего дня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытеснены будучи из одних засек, переходили в другие соседственные леса через то селение, где была главная квартира (русской армии. — Л. Б.). Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к делу своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и ланты. Вот почтенные поселяне — воины!»³.

Русская армия в своей борьбе против наполеоновской армии искала и находила активную помощь в крестьянстве. 20 августа новый главнокомандующий русской армией, генерал Кутузов, в письме к можайскому предводителю дворянства писал: «На вас же попечение возлагается отправить сюда немедленно человек тридцать из крестьян и предпочтительно из лесничих и охотничьих, которые бы могли служить проводниками для войск»⁴. Огромную помощь русской армии оказали крестьяне не только в качестве партизан, но и как проводники и осведомители русских войск.

В 20-х числах августа 1812 года рядом с крестьянским партизанским движением появляется другая струя партизанского движения в виде отрядов русской армии, сформированных командованием русской армии, применявших партизанскую тактику против наполеоновских войск.

Инициатором и организатором первого партизанского отряда русской армии, действовавшего в тесном контакте с крестьян-

² «Aus dem Leben des general von Brand». Цит. по сборнику «Французы в России». Ч. 1-я, стр. 111.

³ Глинка «Письма русского офицера». Ч. 4-я, стр. 16—18.

⁴ «Труды Русского военно-исторического общества». Т. VII, стр. 76.

скими партизанами, явился подполковник Денис Васильевич Давыдов. 20 августа 1812 года Д. В. Давыдов послал князю П. И. Багратиону письмо, в котором выражал свое желание организовать партизанский отряд. Давыдов с самого начала имел в виду установить тесный контакт в действиях своего отряда с действиями крестьян-партизан, он говорил Багратиону, что «...обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит настоящую войну в народную»¹.

Багратион согласился с Давыдовым и обещал доложить Кутузову о его предложении. Предложение Давыдова об организации партизанского отряда по докладу Багратиона было одобрено Кутузовым. В распоряжение Давыдова было предоставлено 50 гусар и 80 казаков.

Впоследствии командование русской армией вел за Д. В. Давыдовым организовало еще целый ряд армейских партизанских отрядов, которые все действовали в тесном контакте с крестьянами-партизанами.

Но не только подполковники и офицеры русской армии выступали организаторами партизанских отрядов: примерно в одно время с отрядом Д. В. Давыдова начал борьбу против наполеоновской армии крестьянский партизанский отряд под руководством рядового солдата Ермолая Васильевича Четвертакова.

19 августа 1812 года в бою под деревней Царско-Займище у рядового Киевского драгунского полка (вошедшего в арьергард русской армии под командой генерала Коновницына) Е. В. Четвертакова была смертельно ранена лошадь.

Четвертаков был взят в плен наполеоновской кавалерией, но через три дня, при занятии города Гжатска, ему удалось бежать из плена.

Четвертаков происходил из крестьян-украинцев деревни Нефедовки, принадлежавшей помещику Завадовскому, в Новгород-северском уезде, Черниговской губернии. Родился он в 1781 году, а в 1812 году ему был 31 год. Уже с 1804 года Четвертаков служил в Киевском драгунском полку, участвовал в военных походах и сражениях 1805, 1806, 1807 годов. Был он неграмотен.

После своего бегства из наполеоновского плена Четвертаков пошел в деревню Басманы, где призывал крестьян вооружаться против наполеоновской армии. Из Басман он пошел в деревню Задково, где к нему присоединился один крестьянин; вместе с ним он убил одного наполеоновского кав-

алериста и добыл себе вооружение и лошадь. Вскоре к Четвертакову присоединилось 47 крестьян, вооруженных самодельными пиками. С этим отрядом он успешно напал под деревней Красной на отряды наполеоновской армии. Крестьяне вооружались оружием, снятым с убитых наполеоновских солдат. Они добыли себе также и лошадей. Опорным пунктом отряда Четвертакова являлась деревня Басманы. Отряд насчитывал впоследствии около 300 человек.

Четвертаков расставил крестьян пикетами: при деревне Басманы — 50 человек, а при селах Семшовке и Мокроли — по 30 человек. Всего в пикетах стояло около 150 человек. Обязанностью крестьян-партизан, входивших в пикеты, была защита деревень от мелких шек наполеоновских войск и допесения в штаб-квартиру отряда о появлении более сильных отрядов неприятеля.

Остальная часть отряда была использована Четвертаковым для разездов: в северо-восточном направлении — к Колодскому монастырю, в северном — к Гжатску, в южном направлении — к Медыни и селам Никольскому и Михайловке.

Четвертаков все время проводил обучение крестьян-партизан военному искусству.

В деревне Семшовке партия отряда Четвертакова убила 50 пешех наполеоновских солдат; здесь же крестьяне-партизаны уничтожили 60 наполеоновских мар-

Денис Давыдов — партизан. 1812 год.

¹ Соч. Д. В. Давыдова. Изд. СПб. 1895. Т. II. «Дневник партизанских действий 1812 года».

дерев и вооружались оружием и амуницией убитых.

При деревне Скугаревой произошло первое сражение между крестьянами-партизанами и регулярным батальоном наполеоновской армии, вооруженным артиллерией. Извещенные бургомистром (Гжатска.— Л. Б.) и сообщениями раз'ездов, к деревне Скугаревой собралось до 4000 крестьян из вотчины графа Орлова-Денясова, князя Долгорукого и помещика Войкина на конях, вооруженные самодельным оружием. Наполеоновский батальон, не вступив в бой с крестьянами-партизанами, отошел к Гжатску. Крестьяне отбили у неприятельского отряда 10 фур с фуражом, 30 голов рогатого скота и 20 овец.

При селе Антоновке крестьяне-партизаны захватили 19 наполеоновских кирасир. Около деревни Крисово партизаны разогнали до 400 человек наполеоновских солдат, 70 из них были взяты в плен.

В селе Цветокове партизаны убили 50 наполеоновских солдат; в селе Михайловке—1 офицера и 14 солдат и отбили 5 повозок с фуражом и 6 лошадей.

Около гжатской пристани крестьяне-партизаны отряда Четвертакова отбили у наполеоновских войск 2 пушки и 1 ящик с ружейными патронами. Причем пушки (очевидно, за неимением снарядов) были затоплены партизанами в болоте, а патроны разбросаны. На большой Смоленской дороге, при селе Драчевом, крестьяне-пар-

тизаны истребили 50 мародеров наполеоновской армии.

Вследствие действий крестьянского партизанского отряда Четвертакова на вражеском пространстве 35 верст от гжатской пристани земли не были разорены, так как наполеоновские отряды были отражены партизанами.

Такова краткая, дошедшая до нас история отряда Четвертакова¹.

О партизанской борьбе крестьян против наполеоновского нашествия, об их инициативе в создании партизанских отрядов говорится и в рапорте генерала Сиверса, направленном им 22 августа 1812 года главнокомандующему 2-й западной русской армии Багратиону:

«Сегодняшнего числа пополудни в 5 часов явился ко мне крестьяне дер. Торонкина и объявили, что неприятельских войск фуражиры напали на них в лесу близ деревни Подшолок, зачали по ним стрелять, мужики собравшись ударили на них пиками и убили человек до десяти, но при умножении неприятеля и при сильной по оным стрельбе крестьяне принуждены были скрыться из которых несколько неприятелем убито»².

Действия крестьянских партизанских отрядов нанесли серьезный ущерб наполеоновской армии. Крестьяне-партизаны массами захватывали наполеоновских солдат, разбредавшихся в поисках продовольствия, уничтожали отряды фуражиров-грабителей.

В тех случаях, когда крестьяне-партизаны попадались в плен, они беспощадно расстреливались наполеоновскими войсками.

Утром 25 августа к наполеоновскому маршалу Даву было приведено несколько пленных крестьян, которые обвинялись в том, что, взятые в качестве проводников, они навели войска наполеоновского маршала Мюрата на отряд русской армии.

Даву хотел узнать прежде всего причину, побуждавшую всех русских крестьян вообще не повиноваться наполеоновским войскам и укрываться от них в леса, оставляя свои селения, избы и поля. В ответ на этот вопрос наполеоновского маршала один из русских крестьян прямо ответил, что русские люди не хотят быть изменниками своей родине.

31 августа 1812 года предводитель дворянства Бельского уезда Смоленской губернии Коленов, городничий города Белого Аламович и исправник Богуславский в своем рапорте № 179 из города Белого сообщали главнокомандующему русской армии Кутузову о развитии в их

¹ О Е. В. Четвертакове см. журн. «Русская старина» за 1898 год, Т. 95, статья Евг. Альбовского «Один из партизанов 1812 года».

² «Бумала Щужина». Ч. 8-я, стр. 300.

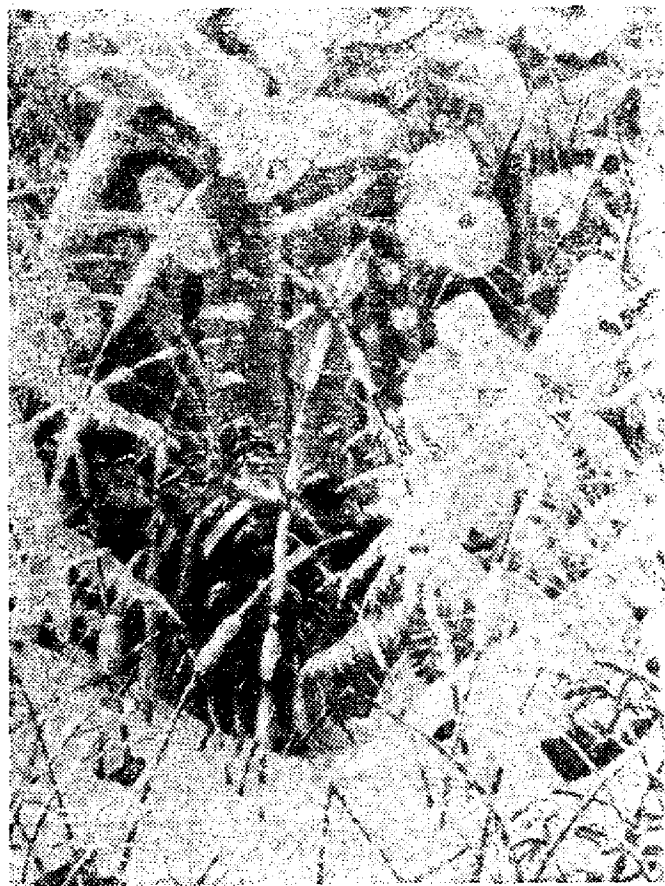
Крестьянская девушка в борьбе с наполеоновским солдатом. Народная картинка. 1812 год.

уезде партизанской борьбы против наполеоновской армии.

«Смоленской губернии уездный город Калей и уезд оного, — говорится в рапорте, — по сие время от разорения произведением всевышнего остается в целости хотя по краям границ и от проходящих через город Духавицкую неприятельских сил ежедневно неприятельские отряды появляются в разных партиях для грабительства, кои усердием и неустрашимостью жителей наших возле враги истребляются и берутся в плен. В подкрепление же еще сего благородное сословие в уезде под предводительством моим, и земского г. исправника, а грацкие жители под предводительством г. городничего общим и единодушным согласием на истребление врагов составили временное в большом количестве ополчение, которое с неуслышной деятельностью уже и действует как истребление на месте в немалом количестве, а некоторых забрандем и в плен, о чем вашей светлости сим почтеннейше и рапортуем»¹.

Это сообщение интересно и тем, что оно ясно указывает на две различные струны в партизанском движении: во-первых, это — инициативное народное крестьянское партизанское движение и, во-вторых, ополчения и крестьянские партизанские отряды, организованные помещиками и уездными

¹ ЦВИА, фонд ВУА, д. № 2508, л. 241 (подчеркнуто мною, дублируется здесь выше. — Л. Б.).

Партизаны в лесу.

С карт. Веретагина.

Г. Курин — партизан. 1812 год.

властями. Само собой разумеется, что обе эти струны действовали в тесной связи между собой.

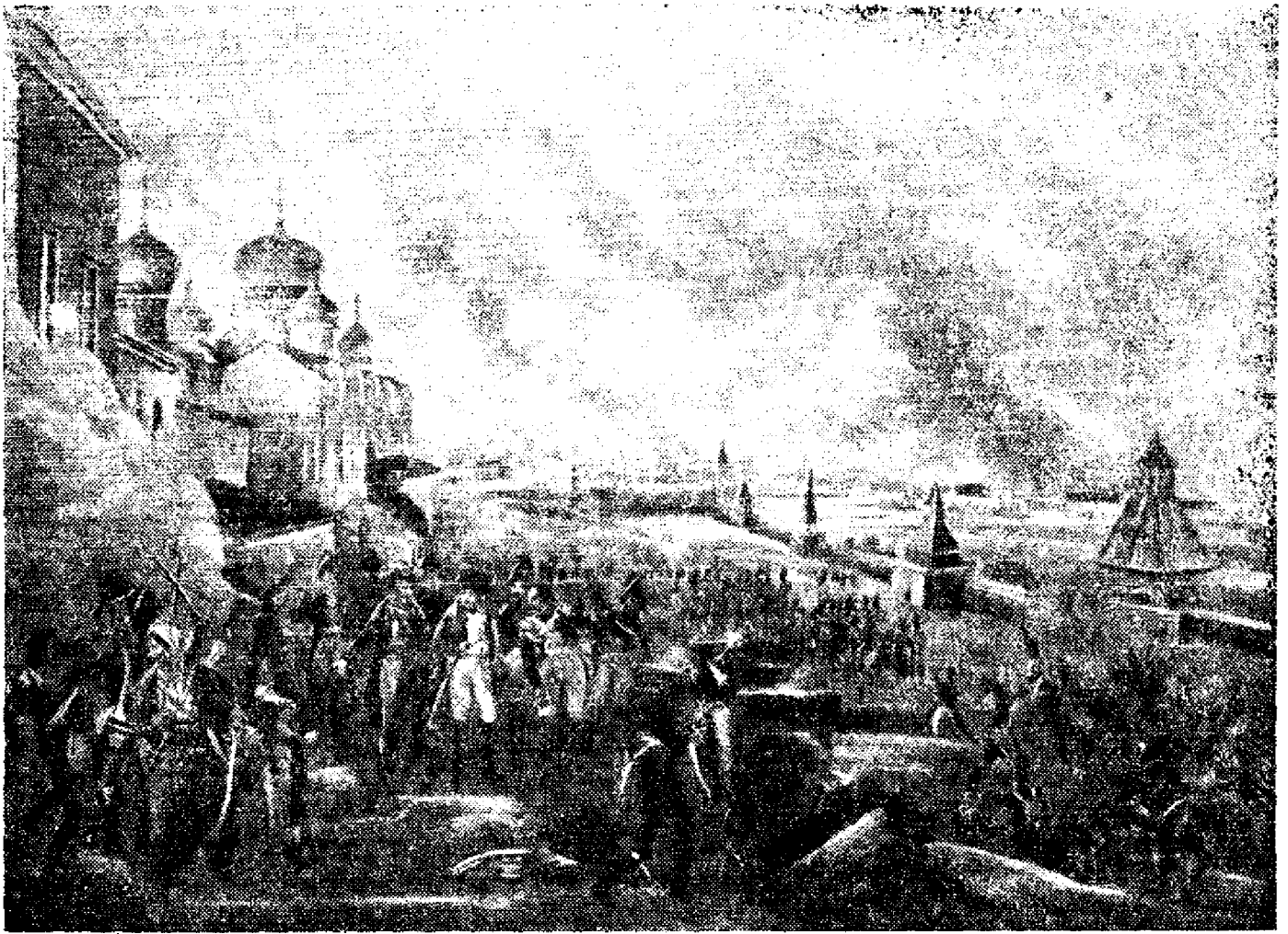
Крестьянское партизанское движение во время занятия Москвы наполеоновской армией

Во время занятия Москвы наполеоновской армией крестьянское партизанское движение против завоевателей достигло огромных размеров. В этот период крестьянские партизанские отряды, действуя в тесном контакте с партизанскими отрядами русской армии, оказали огромную помощь русской армии.

Великий русский полководец Кутузов прекрасно понимал огромное значение партизанского движения. Развертывая свой стратегический план борьбы против наполеоновской армии, Кутузов учитывал ту первостепенную роль, какую могут сыграть действия партизанских отрядов в осуществлении этого плана.

Первое основное положение стратегического плана Кутузова заключалось в том, чтобы силами русской армии отрезать наполеоновскую армию от всякой возможности сообщения с южными русскими губерниями.

Второе основное положение кутузовского плана заключалось в том, чтобы при помощи развертывания партизанского движения дезорганизовать связь между наполеоновской армией и ее тыловыми частями, расположенными на линии Смоленск — Москва, и путем активного бойкота в кон-

Пожар Москвы в 1812 году.

С карт. Мертисе.

не концов принудить наполеоновскую армию к отступлению из Москвы, а затем добить ее совместными усилиями регулярной русской армии и партизанских отрядов.

Во время занятия Москвы наполеоновской армией крестьянское партизанское движение грозной волной поднялось почти во всех уездах Московской губернии.

В Богородской округе руководителями крестьянских партизанских отрядов выступали: вохновский голова Егор Стулов, сотенный Иван Чущкин, крестьянин Герасим Курин и голова Амеровской волости Емельян Васильев. Крестьяне Вохновской и Амеровской волостей под руководством своих начальников отважно нападали на отряды наполеоновской армии, когда они приходили в деревни, и мужественно их отражали. Вохновские крестьяне истребили до 50, а амеровские до 300 врагов.

В Бронницкой округе крестьяне сел Шубина, Вешнякова, Константинова, Воскресенского, Починок и деревень Сельвачевой, Жпрошкиной, Рогачевой, Чанусокой, Заселья, Галашиной и Жданской под руководством «земского благочиния» собирались с оружием конные и пехиные в количестве до 2000 человек на дорогу к Подольску. Скрываясь в лесах, крестьяне-партизаны действовали совместно с казаками, устраивая против наполеоновских отрядов лесные засады.

Однажды бронницкие крестьяне под предводительством казаков напали на отряд наполеоновских войск численностью в 700 человек, убили на месте 30 солдат, а остальных принудили сдать в плен. При этом крестьяне захватили также весь обоз отряда. В этом столкновении особенно отличился храбростью и мужеством староста села Константинова Семен Тихонов, староста деревни Сельвачевой Егор Васильев и староста села Починок Яков Петров (все они были выбраны сельскими сходами).

Крестьяне села Заселья, поймав неприятельского лазутчика, оказавшегося русским уроженцем, князя негодованцем, передали изменника казакам для отправки к начальству.

Крестьянин сельца Ганусова Павел Прохоров в борьбе с наполеоновскими солдатами применил хитрость: нарядившись в казачью одежду и грозя нагайкой, он взял в плен 5 вооруженных наполеоновских солдат.

При приходе наполеоновского отряда в села Кривны и Софьино крестьяне немедленно вооружились. Произошел настоящий бой, во время которого крестьяне переловили и перебили многих наполеоновских солдат. От выстрелов наполеоновского отряда в селе Софьино сгорело 62 крестьянских двора со всеми строениями и имуществом.

Крестьяне сел Михайловской слободы и Иганова, деревень Дурнихи, Чулковой, Кулаковой и Какузевой ежедневно собирались в количестве до 2000 человек к Боровскому перевозу на Москве-реке и наблюдали переправу наполеоновских войск. Будучи большей частью ослеты по-казачьи, эти крестьяне «...неоднократно отважно встречали... неприятеля и прогоняли»¹.

В деревне Вахрине, в селениях Лудкине и Выткорине крестьяне вооружались и истребляли небольшие отряды наполеоновских войск, которые сожгли в деревне Вахрине 34 крестьянских двора, а также помещичий конский и скотный дворы.

В Волоколамской округе до выхода наполеоновской армии из Москвы крестьяне, вооружившись, несли караулы днем и ночью у своих селений, мужественно отражая наполеоновские отряды. Партизанские отряды вооруженных волоколамских крестьян действовали под надзором капитан-исправника, а в случае его временного отсутствия — под руководством управителя имением сенатора Алябьева — Гаврилы Анкудинова. Большую роль в руководстве крестьянским партизанским движением сыграли отставной унтер-офицер Павлов (отправленный из Волоколамска для вооружения крестьян) и рядовой Немчинов. Непосредственными руководителями крестьянских партизанских отрядов выступали волостной голова села Середы, Серединской волости. Борис Борисов с сыном Василием Борисовым, волостной староста деревни Бурцева Иван Ермолаев, волостной писарь Михайла Федоров, крестьяне села Середы Аким Федоров и Филипп Михайлов, крестьяне села Подсухиной Кузьма Кузьмин и Герасим Семенов. В борьбе с наполеоновскими захватчиками принимали активное участие и дворовые люди сенатора Алябьева Дмитрий Иванов, Федор Феофотьев и Николай Михайлов, которые храбро шли на неприятеля, увлекая других крестьян своим мужественным примером.

При приближении к Москве наполеоновские войска заняли почти всю Звенигородскую округу, кроме небольшой части селений за городом Воскресенском, который они захватить не успели. Крестьяне сел и деревень, расположенных близ Воскресенска и тех селений, которые были либо сожжены либо захвачены наполеоновскими войсками, соединились для обороны Воскресенска. Благодаря действиям крестьянских партизанских отрядов наполеоновские войска не смогли взять ни самый Воскресенск, ни Воскресенский монастырь (представлявший важную укрепленную позицию). В Звенигородской округе вооружен-

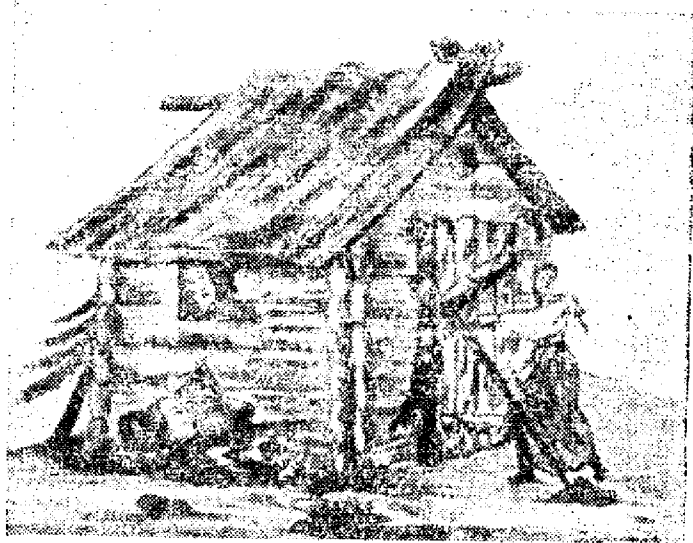
ные крестьяне убили, ранили и взяли в плен более 2000 наполеоновских солдат.

Руководителями крестьянских партизанских отрядов здесь выступали волостной голова Вельяминовской экономической волости Иван Андреев, который сваряжал и поощрял крестьян в их действиях и сам лично выезжал на сражения, и сотенный села Лучинского Павел Иванов. Активное участие в партизанском движении принимали звенигородский мещанин Николай Овчинников (неоднократно участвовавший в сражениях и раненый в грудь), воскресенский купец Ивостюков, звенигородский мещанин Иван Горюнов, дворовый человек князя Голыцына Алексей Абраимов, служители помещика Колосина Алексей Дмитриев и Прохор Игнатьев, крестьянин помещика Ярославова Федор Сергеев и вотчинный староста села Ильинского Егор Яковлев, крестьянин селца Ивазкова Устава Иванов и крестьянин Егор Алексеев.

В Серпуховской округе в тех случаях, когда из-за неравных сил вести открытую борьбу было невозможно, крестьяне шли на хитрость: так например они подпаивали наполеоновских солдат и затем пьяных убивали. В казенном селении Стромилоче было убито таким образом 5 наполеоновских солдат, в селе Лонаше — 2, в деревне Тетеряхах — 2, в селе Ртищеве — 7, в селе Дубне — 2.

Староста села Семеновского Аким Деметьев, приказчик села Хатуни Павел Ильин, староста селца Горок Никифор Савельев, услышав о движении наполеоновских войск на большой Каширской дороге, собрали крестьян, вооружили их копьями, вилами, топорами и ружьями, бывшими в имении графа Орлова, и вышли ожидать неприятеля в деревне Папушкиной, но наполеоновский отряд, узнав об этом, постарался пройти мимо места сбора вооруженных крестьян.

В каждом селении Рузской округы крестьяне-партизаны устанавливали колокола для

Наполеоновские солдаты в плену у старосты Василисы. Народная картинка. 1812 год.

¹ Журнал «Русский вестник» за 1813 год. Ч. 2-я, стр. 19.

Старостиха Василиса — партизанка. 1812 год.

сигнализации. «При появлении неприятеля в том или другом месте, по звону колокольному поспешно собирались по нескольку тысяч». Русские крестьяне-партизаны, нападая на отряды наполеоновских войск, истребили более 1000 человек наполеоновских солдат, кроме пленных, взятых казаками при помощи крестьян.

В Верейской округе в конце августа и в начале сентября 1812 года отряды наполеоновской армии совершили нападение на Вышегородскую волость. Крестьяне дали отпор наполеоновским отрядам. Руководителями сельских партизанских дружин выступали вотчинные старосты Никита Федоров и Гавриил Миронов, помещик Алексей Кириллович и Николай Усков и дворовый крестьянин Афанасий Щеголов, которые, «...начальствуя над верными сельскими дружинами, прогоняли шайку Наполеона»¹ в течение всего того времени, когда войска Наполеона находились в Москве.

Все более развивалось крестьянское партизанское движение и в других губерниях, в частности в Смоленской, которая была захвачена наполеоновскими войсками в течение трех месяцев.

В Ельнинском и Гжатском уездах действовали отряды вооруженных крестьян. В Гжатском уезде особенно отличилась крестьянская партизанские отряды под на-

чальством бурмистров из деревни Крутицы — Валентия Никитича и Галактиона Максимовича, награжденных за активную партизанскую деятельность георгиевскими крестами.

Гусара Елисаветградского полка Федора Мотанова, по прозвищу Самуель, получившего ранение в одном из боев, приютили крестьяне. Оправившись от ранения, Федор Мотанов (Самуель) организовал большой крестьянский вооруженный партизанский отряд численностью до 2000 человек. Мотанов часто проводил обучение партизан военному делу; на вооружении его отряда были даже пушки, отбитые у наполеоновских войск. Здесь же, в Гжатском уезде, действовал уже знакомый нам крестьянский партизанский отряд под командой видного Киевского драгунского полка Ермолая Васильевича Четвертакова. Наиболее широко крестьянское партизанское движение в Смоленской губернии развилось в 4 уездах, не занятых наполеоновскими войсками: в Сычевском, Бельском, Юхновском и Рославльском.

В Сычевском уезде первый крестьянский партизанский отряд был организован из крестьян Сычевского уезда оставшим майором Емельяновым, в отряде которого были сильны порядок и дисциплина и применялась даже сигнализация. Одним из наиболее любимых крестьянских организаторов партизанского отряда был бурмистр села Лемница (на реке Валуге), отряд которого захватил группу наполеоновских солдат численностью в 31 человек. Бурмистр вместе со своим товарищем запер наполеоновских солдат в избе. Оказавшись взаперти, наполеоновские солдаты начали стрелять и смертельно ранили бурмистра. Недошедшие крестьяне хотели умертвить всех наполеоновских солдат, но великодушный бурмистр уговорил крестьян сохранить жизнь рядовым наполеоновским солдатам.

Крестьянские и партизанские отряды действовали также под начальством помещика Тимашева и помещика села Савенок (на реке Каспе) Алексея Сириягина. Помимо этих отрядов в Сычевском уезде образовались большие крестьянские партизанские отряды, руководимые бурмистрами и приказчиками разных помещичьих имений: крестьянами Аганием Ивановым, Сергеем Мироновым, Максимом Васильевым, Андреем Степановым, Антоном Федоровым и багачовским волостным головой Василием Никитичем.

Старостиха Василиса приобрела всероссийскую известность своими действиями против наполеоновских войск: она вошла в Сычовку пленных наполеоновских солдат, набрав для этой цели отряд из крестьян-подростков и крестьянок и вооружив их

¹ «Русский вестник» за 1813 год. Ч. 3-я, стр. 30.

кодами, вилами и дубинками. Крестьянка деревни Солодовой, Сычевского уезда, Ирасовья убила пытавшегося ее изнасиловать полковника наполеоновской армии, надев на себя его мундир, села на его лошадь и примкнула к партизанскому отряду.

В Рославльском уезде крестьянский партизанский отряд помещика князя Тенишева, защищая уезд от нападений отрядов наполеоновской армии, спас от разорения множество деревень.

В Бельском уезде отряды вооруженных крестьян охраняли границы уезда и уничтожали отдельные отряды наполеоновских войск.

Когда наполеоновский отряд численностью до 3000 человек, вооруженный пушками, шел из Духовщины на город Белый, командовавшие наполеоновского отряда взяли проводником крестьянина деревни Новоселок (36 верст от города Белого) Силаева. Силаев несмотря на побои и угрозы расстрелом упорно говорил, что будто бы на пути к городу Белому находятся непроходимые дороги, заставы и окопы, разрушены переправы и мосты, а в самом городе Белом много русских войск. В результате этих уверений наполеоновский отряд не пошел на город Белый, а повернул в обратную сторону. В Юхвовском уезде также действовали крестьянские партизанские отряды.

4 сентября 1812 г. предводитель дворянства Бельского уезда в своем рапорте за № 184, на имя главнокомандующего русской армией М. И. Голенищева-Кутузова, сообщает, что в

«Смоленской губернии в Бельском уезде... неприятельские разсыпавшиеся как ещю от голоду грабители, не только что составленном в уезде от дворян предводительства моего временным ополчением по границам онаго расположенным совершенно истребляются,— но даже и сельским жителям и умерщляемы бывають без пощады»¹.

В результате развития партизанского движения и активного бойкота, оказываемого крестьянами наполеоновским войскам во время их пребывания в Смоленске, последние испытывали резкую нужду в продовольствии: часто по целым неделям наполеоновские солдаты в Смоленске совершенно не имели хлеба.

Крестьянское партизанское движение ширилось не только в Московской и Смоленской, но также в Калужской и в других губерниях.

Для успешности своих действий крестья-

не партизанки нередко просили казаков принять над ними команду. Вот что, например, мы читаем в сообщении из корпуса генерала-лейтенанта графа Витгенштейна:

«Сентября 8 числа французский генерал де-Гран с одним батальоном пехоты и эскадроном кавалерии рекогноспировал равнинами своими от реки Полоты до Двины. Подходя Полоцкого повета к деревне Жарцам, он хотел ее занять; но жители опой, русские мужики, узнав о том, просили случившегося тут донского казачьего подполковника Платова 4 полку казака Грушина, принять над ними команду, чтобы они могли защититься от неприятеля. Казак охотно согласился на сию просьбу и по распоряжению его крестьяне, взяв ружья, бросились в лес. Когда французы приблизились, то они встретили их из лесу ружейным огнем и тем принудили их, оставя покушение на деревню, бежать от опой далее. Храбрые русские мужики туз минуту пустились за ними в след и не переставали их тревожить, доколе было можно. При сем случае они убили несколько человек неприятелей, а других ранили и с бывшим при них офицером»².

Наполеоновская армия со всех сторон была окружена и блокирована герольческой русской армией, крестьянскими ополчениями и партизанскими отрядами; армия завоевателей была окружена поднявшимся против нее вооруженным русским народом.

Великий русский полководец Кутузов давал личные указания о развертывании партизанского движения, о тактике партизанской борьбы, о необходимости тесного контакта действий армейских партизанских отрядов с действиями крестьянских партизанских отрядов.

В начале сентября, при отправлении армейского партизанского отряда под командой графа Орлова-Денисова, ему было дано, по личному указанию Кутузова, следующее наставление:

«Господину, генералу-майору графу Орлову-Денисову.

По приказанию его светлости (т. е. Кутузова.—Л. Б.) назначается вашему сиятельству отряд легких войск состоящий из 3-х казачьих одного гусарского полков и двух орудий казачьей конной артиллерии, с коим вместе вы отправитесь на новую Калужскую дорогу, откуда делая нападения на Можайскую и если возможно и на Рузенскую дороги, стараясь причинять всякого рода вред неприятелю, наиболее иметь ввиду сожжение артиллерийских парков, которые к нему от Можайска идут. Не

¹ ЦВИА. фонд ВУА, д. № 3508, л. 100. Орфография подлинника (подчеркнуто мною, публикуется впервые.—Л. Б.).

² Газета «Северная почта» № 82 от 12 октября 1812 года.

нужно упомянуть вам, сколько деятелей и решителей должен быть партизан, и для того имея виду какое-нибудь отважное предприятие (не опасайтесь потерять пушки, ибо лишь бы достичь своей цели)¹, имеете вы действовать по собственному вашему благоразумию. Не за излишнее будет объяснить нижним чинам буйство и грабительство перквей (православных)² неприятелем нашим, что не малое в наших людях возбуждает мщение. Рапорты ваши имеете посылать как можно чаще, пленных же если возможно под прикрытием некоторых казаков и вооруженных мужиков из деревень. Его светлость особным удовольствием поставит себе отличать тех кои ваше сиятельство представите, ибо вы отрядом вашим можете большой вред учинить неприятелю»³.

11 сентября, когда в главной квартире русской армии было получено известие о том, что армейский партизанский отряд под командой генерала-майора Дорохова оказался окруженным наполеоновскими войсками, Дорохову было послано от имени Кутузова письмо, в котором говорится следующее:

¹ Взятые в квадратные скобки зачеркнуты в подлинной рукописи. — Л. Б.

² Зачеркнуто в подлинной рукописи — Л. Б.

³ ЦВИА, фонд ВУА, д. № 3463, л. 49 и оборот. Публикуется впервые. Подчеркнуто мною. — Л. Б.

«Словесное известие ваше присланное чрез казанского офицера, что вы окружены неприятелем не мало потревожило светлейшего (Кутузова. — Л. Б.) и потому приказал он вам объяснить предмет ниже следующее: партизан никогда в свое положение притти не может, ибо обязанность его есть (никогда долее на одном месте не оставаться как столько-то столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должны летучий отряд партизан делать скрытые, по малым дорогам, пришедши к какому-нибудь селению, никого из него не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим»⁴.

Мы видим, насколько подробные указания давал армейским партизанским отрядам знаменитый русский полководец, стремясь воспитать в партизанах решительность, быстроту и неутомимость. Армейские партизанские отряды, действуя в тес-

⁴ Взятые в квадратные скобки зачеркнуты в подлинной рукописи. — Л. Б.

⁵ ЦВИА, фонд ВУА, д. № 3463, л. 67 и оборот (подчеркнуто мной, публикуется впервые. — Л. Б.).

Наполеоновские гвардейцы под конвоем бабушки Спиридоновны. Народная картинка. 1812 год.

ном контакте с крестьянами-партизанами, приобщали их к этим тактическим указаниям Кутузова.

В этом же письме Дорохову указывалось, что если его обременяют пленные наполеоновские солдаты, то он может сблизиться с главной квартирой для их доставления, и сообщалось, что армейскими партизанскими отрядами уже приведено до 300 пленных наполеоновских солдат.

Особенно сильно крестьянское партизанское движение развернулось в Боровском уезде: 25 сентября 1812 года командир армейского партизанского отряда поручик Фоп-Визин в своем рапорте дежурному генералу по армии генералу-лейтенанту Коновальцу сообщил, что «в Боровском уезде везде жители вооружены и при появлении неприятеля соседние селения собираются в назначенное место и между прочим в селе Каменском видел я до тысячи человек вооруженных — конных и пеших»¹.

Фоп-Визин рапортовал, что боровские крестьяне сообщают ему сведения о расположении наполеоновских войск и что 23 сентября 1812 года в селе Каменском крестьяне-партизаны «прогнали неприятельских фуражиров, убили одного офицера и шесть рядовых»². Крестьяне-партизаны являлись к командующим частями русской армии и просили оружия и патронов для борьбы против наполеоновских войск.

Большой интерес представляет следующее письмо генерала Мизорадовича к дежурному генералу по русской армии Петру Петровичу Коновальцу от 27 сентября 1812 года. Приведем его ввиду интереса целиком:

«Милостивый государь мой, Петр Петрович.

Казенные крестьяне слободы Каменска, Боровского уезда, явились ко мне, испрашивая у меня ружей с патронами для защиты от неприятеля. Сии крестьяне заслуживают особого внимания, ибо они под присягой соединились для общего своего защищения, с тем, что положено наказание на случай ежели бы нашелся трус. Сии почтенные крестьяне успели уже истребить многих французов.

Я имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству явившихся двух из сих крестьян. Честь имею быть с отлич-

¹ ЦВИА, фонд ВУА, д. № 3508, лл. 244—245 (подчеркнуто мною, публикуется впервые. — Л. Б.).

² Там же.

И. С. Дорохов. 1812 год.

ным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга Мизорадович»³.

Командование русской армии, руководимое М. И. Голенищевым-Кутузовым, давало прямые указания о необходимости вооружения крестьян, об использовании крестьян-партизан для конвоирования пленных наполеоновских солдат.

30 сентября из главной квартиры русской армии были отправлены два армейских партизанских отряда: отряд гвардейского капитана Сеславина и отряд майора Лесовского, причем каждому из них было дано специальное наставление.

В наставлении гвардии капитану Сеславиному говорилось: «Командируетесь ваше высокоблагородие с партией, состоящею из 250 донских казаков, войскового старшины Гревцова и одного эскадрона Сумского гусарского полка в направлении по дороге от Боровска к Москве, причем имете в виду действовать более на фланг и тыл неприятельской армии, неподалеку от вас действует артиллерия капитан Фигнер с особым отрядом с коим можете быть ближайшим сношении. Отобранным от неприятеля оружием вооружить крестьян, от чего ваш отряд весьма усилиться может, пленных доставлять сколько можно поспешнее, давая им прикрытые регулярных войск и употребляя к ним в добавок мужиков, вооруженных вилами или дубинами.

³ ЦВИА, фонд ВУА, д. № 3508, л. 240 (подчеркнуто мною, публикуется впервые. — Л. Б.).

Бивуак наполеоновских солдат, преследуемых партизанским отрядом.
Сатирический рисунок того времени.

Мужиков ободрять подвигами, которые оказали в других местах наиболее в Боровском уезде»¹.

Подобное же наставление получил и майор Лесовский.

6 (18) октября 1812 года началось отступление из Москвы первых отрядов наполеоновской армии. 7 (19) октября из Москвы выехал сам Наполеон, оставив в Москве только отряды своей «молодой гвардии» под начальством Мортье, которые вскоре также выступили из Москвы (11 (23) октября).

Интересно отметить, что отряды Мортье, оставшись на несколько дней в Москве, находились в постоянном страхе перед возможностью нападения со стороны отрядов русской армии и партизанских отрядов. Поэтому они укрепили свои позиции в Кремле, рассчитывая в случае нападения обороняться.

Отступление наполеоновской армии из Москвы сопровождалось столкновениями с крестьянами и казаками на улицах Москвы и за ее пределами.

Бестужев в своей записке «О происшествиях в Москве» писал: «8 октября в 2 часа пополудни, взорваны ящики с порохом на ивничном дворе. Кордон (наполеоновских войск. — Л. Б.) был еще по бульвару, перестреливаясь часто с нашими мужиками».

9 (21) октября наполеоновский маршал Мортье доносил в генеральный штаб армии Наполеона:

«... Вооруженные крестьяне

¹ ЦВИА, фонд ВУА, л. № 3521, лл. 13 и 14. См. также ЦВИА, фонд ВУА, л. 3463, л. 19 и оборот (подчеркнуто мной, публикуется впервые. — Л. Б.).

начинают действовать. Я же вынужден расстрелять несколько из них»².

11 (23) октября Мортье сообщал в донесении из Яшкина: «Эвакуация Москвы была произведена сегодня ночью. Была легкая перестрелка с казаками и крестьянами. Я потерял 400 раненых»³.

В дни отступления наполеоновских войск и особенно в ночь с 10 на 11 октября в предместьях Москвы пародом было убито большое количество солдат наполеоновской армии.

В своем воззвании к армии по поводу бегства наполеоновской армии из Москвы Кутузов указывал, что Наполеон был вынужден оставить Москву «... не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию; вина в каждом жителе война, общую непреклонность на все его обольщения, — решимость всех сословий грудью стоять за любезное отечество...»⁴.

Партизанское движение во время изгнания из России наполеоновской армии

После отступления наполеоновской армии из Москвы перед русской армией и перед крестьянским партизанским движением стояла задача — добить, окончательно разгромить и изгнать из пределов России захватническую армию Наполеона I. Эта задача была успешно разрешена русской армией при самой активной помощи

² Из издания А. Шюке «Lettres de 1812». Цит. по сборнику «Французы в России». Т. III стр. 128.

³ Там же.

⁴ Цитирую по книге Д. Ахшарумова «История войны 1812 года».

со стороны крестьянских партизанских отрядов. Крестьяне-партизаны доставляли русской армии сведения о движении неприятеля, устраивали непрерывные нападения на отряды наполеоновских войск и не давали им возможности добывать продовольствие и фураж.

Именно армейские партизанские отряды, действовавшие при самой активной помощи со стороны крестьянства, расстроили попытку Наполеона скрытым движением пробиться к южным дорогам. Своевременно сообщив об этом Кутузову, партизаны дали возможность русской армии пресечь этот наполеоновский маневр.

«Всякий военный человек, знающий свое дело, — писал Д. В. Давыдов, — ясно увидит, что неприятельская армия, окруженная отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сделать шаг скрытым образом, хотя бы спасение ее и зависело от быстрого и никем не замеченного движения мимо левого фланга нашей армии и внезапного появления ее в Малоярославле»¹.

Д. В. Давыдов свидетельствует, что когда к Малоярославцу подошли три батальона итальянских войск наполеоновской армии, то они «...были задерживаемы жителями, успевшими разобрать мост»².

Между подошедшими русскими войсками и наполеоновской армией под Малоярославцем произошло сражение, в результате которого войска Наполеона были отброшены на старую, уже опустошенную Смоленскую дорогу.

Отряды казаков русской армии и крестьяне-партизаны непрерывно нападали на отступающую наполеоновскую армию, держали ее в постоянном страхе и заставляли наполеоновское командование принимать чрезвычайные меры предосторожности ввиду постоянной опасности нападений со стороны армейских и крестьянских партизанских отрядов.

В результате совместных действий русской армии, армейских и крестьянских партизанских отрядов наполеоновская армия отступала, голодая, так как возможность добычи продовольствия и фуража была для нее почти абсолютно исключена.

21 октября (2 ноября) 1812 года лейтенант штаба итальянской гвардии наполеоновской армии Лажье так описывал условия отступления своей армии:

«Слева русская армия; справа многочисленные сотни казаков; вьюду вооруженные крестьяне местных деревень. Конечно, отряды регулярных войск легко бы справились с этими последними, но быстрота движения, опасность отделить еще людей

и без того уже слишком уменьшившихся горнусов, невозможность остановиться, страх быть обобеденными русскими заставляют армию довольствоваться тем, что она находит на дороге. Увы, на ее долю приходится только мясо лошадей, паших от голода, усталости и истощения»³.

Партизаны захватывали в плен не только солдат, но даже пушки наполеоновской армии.

Отряд Д. В. Давыдова за время с 2 сентября по 23 октября взял в плен и доставил под расписки в главную квартиру русской армии 3500 рядовых солдат и 43 штаб- и оберофицеров наполеоновской армии.

Давыдов свидетельствует, что целые толпы наполеоновских солдат «...при первом появлении небольших наших отрядов на большой дороге поспешно бросали оружие»⁴.

Наряду с русскими полками в партизанских действиях армейских отрядов самое активное участие принимали башкирские полки, отважно боровшиеся против наполеоновской армии.

Главнокомандующий русской армией Кутузов высоко оценивал действия крестьян-партизан, оказавших в разгроме наполеоновских войск неоценимую услугу регулярной русской армии.

В ноябре 1912 года в «Известиях по армии», издававшихся при главной квартире, была следующая оценка значения крестьянской партизанской борьбы:

«Крестьяне Московской и Калужской губерний доказали ныне то, что может Русский народ... Независиме будет, ежели скажем, что многие тысячи неприятелей истреблены всеми почтенными гражданами. По мере их успехов, увеличилось и надеяние их на себя, а по мере истребления неприятеля, увеличилось их способи приобретением оружия, врагами против них подъятого. Крестьяне графа Орлова-Денисова в Калужской губернии и другие графа Владимира Григорьевича Орлова составили значущие из себя горнусы и страшилы сделались всем неприятельским партиям».

В этих «Известиях» особо подчеркивалось, что вследствие развития крестьянского партизанского движения многие села и деревни были спасены от разграбления наполеоновских войск.

«Заметить должно то, — говорилось, далее, в «Известиях», — что следствием сего мужества наших крестьян деревни, расстоянием в двадцать верстах от большой Мо-

¹ Д. В. Давыдов. Соч. Т. III, стр. 78.

² Там же, стр. 76.

³ Сборник «Французы в России». Ч. 2-я, стр. 172—173.

⁴ Д. В. Давыдов. Соч. Т. II, стр. 103.

жайской дороги, остался незлы, и сохранили до последнего снопа хлеб»¹.

В период развертывания крестьянского партизанского движения, в особенности в период, когда главная квартира русской армии находилась в селе Тарутине, Кутузов всячески способствовал вооружению крестьянских партизанских отрядов. В своем рапорте Александру I от 22 ноября 1812 года он указывал:

«Во время занятия неприятелем Московской, Калужской и части Тульской губерний, жители тамошних мест старались доставать себе оружие, желая тем ограждать себя от вторжения к ним неприятеля. Увлечен справедливою сию надобность и дух общего их рвения, повсеместно нанесить вред неприятелю, я не только не старался удерживать их от такого намерения, но напротив того посредством дежурного при мне генерала-лейтенанта Коновницына успевал в них желания сии и снабжал их неприятельскими ружьями.

Таким образом, — продолжает Кутузов, — жители означенных мест получали ружья из главного моего дежурства и от партизанов, другие же от тех самых французов, коих они убивали собственными руками, а некоторые покупали даже оные и от казаков, платя за то охотно им деньги»².

Могучее народное движение, поднявшееся против наполеоновской армии, посягнувшей на национальную независимость России, воодушевляло русскую армию на борьбу за полное изгнание наполеоновских войск из пределов России.

В известиях, издаваемых при главной квартире русской армии, говорилось: «Между тем, как армия наша продолжает поражать врага, жители разных губерний горят желанием принести все в жертву отечеству. Таковые благородные чувства сограждан одушевляют воинов новым муже-

ством, и они не прежде пожелают вкусить славы мира, как потребив коварного неприятеля, оквернившего своим нападением землю отцов наших. Священный пламень любви к отечеству согревает все состояния»³.

Соединенными усилиями регулярной русской армии и крестьянского партизанского движения завоевательная, насильническая, грабительская наполеоновская армия была разгромлена и жалкие ее остатки были выкинуты из пределов России. В середине декабря 1812 года на территории России не осталось ни одного наполеоновского солдата.

На всех этапах борьбы против наполеоновского нашествия крестьянское народное партизанское движение, поднявшееся из глубин народных масс России, сыграло значительнейшую роль, оказав громадную помощь регулярной русской армии.

Героическая борьба народных масс против наполеоновского нашествия, их активное участие в освобождении страны от иноземного завоевателя не прошли бесследно для роста их общественного сознания. Успех партизанского движения создал подъем в крестьянских массах и известную уверенность в своих силах. А между тем наступившее после войны 1812 г. усиление крепостнических отношений и политическая реакция вообще показали крестьянству всю неоспорительность его надежд на близкое освобождение от гнета крепостничества.

В условиях роста влияния западноевропейских освободительных идей (что нашло свое особенное выражение в движении декабристов) растет массовая борьба крестьян против помещиков. Не случайно это движение особенно усилилось сейчас же после отечественной войны, неуклонно нарастало в течение всей первой половины XIX века и стало одним из решающих факторов падения крепостного права.

¹ «Северная почта» № 92 от 16 ноября 1812 года.

² ЦВИА, фонд ВУА, д. № 3393, лл. 4, об. 5 (публикуется впервые. — Л. Б.).

³ «Северная почта» № 96 от 30 ноября 1812 года.

ИЗ ИСТОРИИ

Н Е Н Ц Е В СЕВЕРНОГО КРАЯ

1

По вопросу о происхождении ненцев (самоедов) писалось в свое время много статей, выдвигалось много теорий. Наиболее достоверным является мнение, указывающее на то, что ненцы находились в Северном крае уже в X—XI веках. С этой точки зрения правильно утверждение Н. Ю. Зографа, что ненцы принадлежат к монголам и видоизменялись под влиянием полярного климата.

Некоторые факты исторического прошлого указывают на то, что ненцы с их тундрами, богатыми дорогой северной пушминой — главным образом песцами и собольями — интересовали не только русских царей, но и новгородских купцов, начиная с XI—XII веков. Знаменитые новгородские миллионеры братья Миронкивичи добывали пушнину на Севере. В XIII веке Мезенский и Печорский районы представляли собой волости Великого Новгорода на правах колоний, так же как Великие Луки или Бежицы. В летописях о Югре, например в Ипатьевском списке 1114 года, говорится: «Много мужей старых ходили за Югру и за Самаядь» и «люди есть язык нем и седять с самоедью на полуночных странах». Кроме того большое количество развалившихся крестов и жилищ у берегов Белого моря и Печоры, относящихся к XIV—XV векам, указывает на массовое посещение Северной тундры русскими купцами.

Если до конца XV века посещение северных тундр новгородскими купцами носило эпизодический характер и туда отправлялись лишь отдельные торговые экспедиции, то с падением Новгорода в конце XV века посещение Севера московскими купцами носит более закономерный характер. Это свидетельствует о том, что политика Новгорода по отношению к ненцам сводилась к эпизодическим грабежам, а политика Московского государства была направлена на присоединение ненцев к государству, на ликвидацию их самостоятельности, на ограбление их при помощи налогов (ясака). Эту разницу ненцы начали чув-

ствовать особенно остро со времени Ивана Грозного. Колониальная политика Ивана Грозного на Севере частично уже уничтожила самостоятельность ненцев. В 70-х годах XVI века ненцам объявили указ Ивана Грозного о том, что они получают право на тундры. Появление такого указа было обусловлено, во-первых, борьбой между коми-зырянами и ненцами за пастбища, а во-вторых, попыткой навсегда присоединить ненцев к Московскому государству, заставить их выплачивать в его пользу определенную сумму налогов.

Однако царские указы не распространились на ограничение разбойного характера ограбления ненцев купцами, среди которых главную роль играли Строгановы, Холмогорские и Чардыньские. Первенствующая роль купца в эксплуатации ненцев проходит красной нитью через всю историю ненского народа. Самым универсальным, самым подлым хищником ненцев был всегда купец. С XVI по XX век монопольное право на эксплуатацию венца принадлежало купцу. Ненавистью к купцу наполнены все ненские народные легенды о русском «большом барине-купце». Эпос ненского народа рисует купца подлого, хитрого, спавшающего ненца и приобретающего за бесценок, обманым путем самое дорогое для него — пушнину. Одну такую картинку описывает очевидец Иславин: «Прибывших иноверцев (ненцев) в Обдорск встречал переводчик, который получал хорошее жалование в конторе, вводил в дом купца, стоявшего от главного кабака всего в нескольких сажнях. Не говоря ни слова, самоеды входили в теплые горницы гостеприимных хозяев и тотчас же снимали верхнее платье... Немедленно им подавалось по стакану водки и закуска, состоявшая из целых замороженных рыб. Поевши плотно, самоеды предавались глубокому сну. Спустя несколько часов они просыпались, и тогда же начиналось дело. Гостям слова подавали водки, после чего через переводчика начиналась торговля. Торговались иноверцы не крепко, и товар их всегда доставался за бесценок. Я был свидетелем, как за два с половиной ведра водки, сивушной отравы, была куплена бобровая жемчужная лягушка. При таких огромных барышах откуп (купец), конечно, должен был делиться с властями, городничим неправником, обдорским заседателем и прочими»¹.

Кроме русского купца ненца грабил и «свой брат» в лице тундрового кулака, а также совершавший разбойничьи набеги зырянский кулак. По этому повелу среди ненцев сохранилась одна оригинальная легенда о герое Пегециатто, который

¹ «Русская старина», стр. 380—381. Октябрь 1891 года.

Национальный костюм женщины-ненки.
Музей народов СССР.

отомстил зырянскому разбойнику не только за убитого отца, но и за ненцев вообще.

Однако было бы наивно предполагать, что кунец был независимым хозяином в тундре. Действия кунца, какой бы характер они ни носили, санкционировались соответствующими представителями царской власти. Официальная власть грабителя Вениев при помощи налогов, которые собирались с помощью местных кулаков — союзников русского царя. Русские цари, кроме налогов, иногда интересовались и живыми людьми. Так например в 1717 году Петр I как диковину изволил подарить герцогу Флорентийскому молодую пару ненцев (мужчину и женщину) в национальных костюмах.

Больших размеров наборы ясака с ненцев достигли в 30—50-е годы XIX века. К этому времени относится и борьба ненецкого народа против царского гнета. В эти же годы усиливается эксплуатация венца тундровым кулаком. Так, уже в 40-х годах XIX века мы насчитываем 147 кулацких хозяйств с количеством батраков в 576 человек при общем количестве населения в 6 тысяч человек. Условия жизни батраков были далеко не легкими. Вот что пишет В. Иславин: «Из условий, заключенных между кулаком и работником—

самоседами, — видно, что плата наличными деньгами составляла 2427 руб. 59½ коп. серебром, назначенных 576 работникам со стороны 147 хозяев. Так что хозяин в сложности платит одному рабочему по 4 руб. 21¾ коп. серебром в год. Наибольшая плата, какую хозяин соглашается платить самому способному рабочему, никогда не превышает 15—18 руб. серебром в год»¹.

К этому количеству батраков нужно еще прибавить довольно большое количество батраков, работавших в церковных хозяйствах, а также батрачество, порождаемое спецификой быта ненцев. В ту пору среди ненцев господствовал родовой быт со всеми вытекающими из него формами родовых отношений. По обычаям ненцев, сироты находили себе приют у богатого родственника, и такой родственник от них не должен был отказываться. По тем же обычаям, сироты обязаны были без всяких возражений исполнять волю своего «кормильца». В силу этого бедные родственники составляли своеобразный разряд батраков кулака. Таких богачей в северных тундрах было немало, среди них были некоторые, которые имели по 30 тысяч голов оленей. К крупным тундровым кулакам XIX века принадлежали ненецкие старшины — союзники русского самодержавия: Тешка Ванхозе, Ивет Ходина, Ханку, Таеруму, Ньюсензи, Яи, Бору и т. д. Эти союзники играли решающую роль в порабощении трудового ненецкого народа. Они были первыми в проведении крещения ненцев и первыми в подавлении восстания ненцев против царизма.

О союзе верхушки ненецкого населения с царизмом говорят ненецкие быльины и сказки. Вот содержание одной из них: «Однажды, когда между ненцами и войсками цари началась война, царь пригласил к себе ненецкого богатыря и сказал:

— Ты убивал сто человек оленя. Теперь помоги нам. Дадим тебе конь, стрелы, меч по твоей силе, кольчугу.

Богатырь стал во главе русских отрядов и разбил враждебные царю ненецкие войска. После царь пригласил его к себе. Он так сказал:

— Где твои жены? Их надо сюда.

Я сказал:

— Через месяц будут здесь.

Еще царь так сказал:

— Чего хочешь ты?..

И дал мне много разной одежды»².

Вот другая сказка, отражающая борьбу верхушки оленеводов в союзе с царем против восставшего народа.

«Царь сказал мне:

¹ В. И. Иславин «Самоседы в домашнем и общественном быту». 1847.

² «Ненецкие сказки», стр. 27—28. 1936.

— Ты хорошо помог, даю тебе бумагу.

Взял я бумагу, уехал обратно, стал жить в своих чумах».

Все эти сказки указывают на приспособление пещенного кулака к русскому правительству, которое при помощи всевозможных средств создавало себе социальную опору в тундре за счет этой верхушки. Методы колониального порабощения ненцев при помощи союза с пещенкой верхушкой находили самое широкое применение в тундре в XIX веке. Это облегчало царизму не только крещение ненцев, но и подавление восстания Вауля в середине XIX века. Эти два вопроса тесно связаны друг с другом. Пасильственное крещение ненцев, тянувшееся в продолжение целых столетий, сыграло большую роль в подготовке восстания Вауля. Начало крещения ненцев относится ко 2-й половине XVI века, но результаты были достигнуты только во 2-й половине XIX века. 31 января 1597 года царь Федор Иванович специальным указом приказал воеводе Пустозерскому-Стольнику, князю Василию Ухтомекому «призывать самоедов и других вер иноземцев и крестьян в православную веру»¹. Однако в то время в тундре этот указ Федора Ивановича не увенчался успехом. Это объясняется тем, что в XVI веке процессе колонизации тундры только еще начинался и позиции царя были слабы. «Это царское распоряжение, очевидно, так и осталось без последствий, по крайней мере мы не видели среди самоедов признаков христианства до конца прошлого столетия, т. е. до 1800 года»².

Тем не менее царизм всемерно стремился превратить ненцев в православных христиан и отдавал об этом указ за указом, распоряжение за распоряжением. Так, в 1740 году, от 16 января, Анна Иоанновна издала указ синоду: «Для обучения православного и приведения в веру греческую неоведания мордовского, чувашского, лопарского и самоедского народов надлежит употребить таких людей, которые бы языки их знали»³. Из этого видно, что правительство изменило свою тактику, учитывая трудности крещения ненцев. Реализуя данный указ, синод вынес решение, предложив архангельской епархии «добрать 15 молодых людей, обучать их самоедскому языку и, когда они приспеют в возрасте, отправить в сане священников и дьяконов к самоедам — вести проповеди, но на это никто не решился»⁴.

Попытку создания кадров духовенства

¹ «Акты исторические». Т. I, стр. 466.

² «Архангельские епархиальные ведомости». 1897.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же, стр. 207.

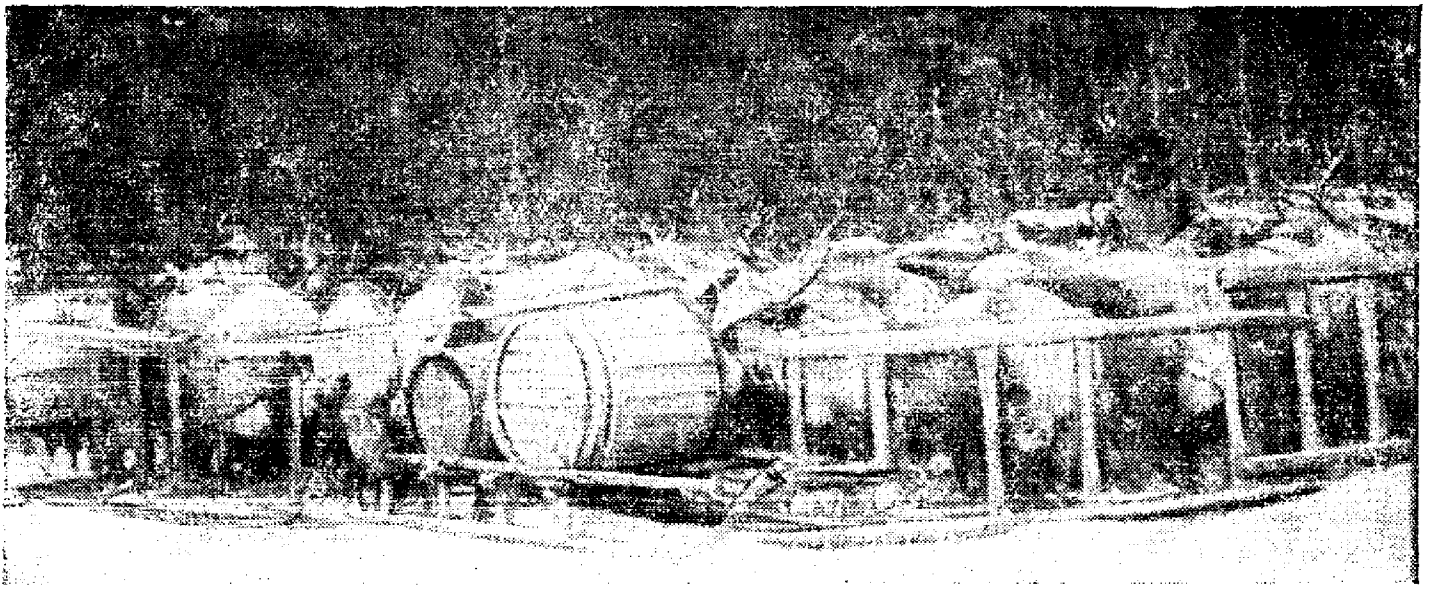
Национальный костюм ненца.

Музей народов СССР.

из среды самих ненцев делает миссионер епископ архангельский Вениамин, который в 1774 году «с согласия местного гражданского начальства поместил в Архангельской духовной семинарии несколько самоедских мальчиков (больше 20 человек. — В. К.), падеясь после окончания курса посвящать их в сан священников и дьяконов и отправив в Мезенские тундры для проповеди вечно коснеющим (??!) во тьме язычества... Эта попытка провела Вениамина подавала надежду на ее осуществление. Семинаристы-самоеды учились хорошо и достигли уже классов риторики и философии, но, к сожалению, условия общежития (комнатный стесной воздух), не сытная пища (особенно в посты и проч.) самым губительным образом отразились на их здравии, они все один за другим вскоре перемерли»⁵.

Эта неудача не смутила синод и архангельскую епархию. В 1824 году, 5 августа, синод выработал и утвердил «Правила о крещении самоедов», некоторые пункты которых говорят о ставке синода на занятую часть населения для внедрения

⁵ Там же, стр. 208 (подчеркнуто мною. В. К.).

Загон ненецкого стада оленей.

Музей народов СССР.

христианства среди ненцев. Привожу от-
дельные пункты:

«п. 1. Обращение самоедов в христиан-
скую веру всего проще и благонадежнее
начать с их старшин и бога-
чей, ибо при посредстве их
легко было бы обратить и весь
самоедский народ...»

«п. 2. Войти в обращение, как вообще
с оленеводами, так и особенно с их стар-
шинами и богачами... и через кротость и
благотворительность и другие пасторские
добродетели снискать у них доверен-
ность...»

Церковь, рекомендуя передвижные цер-
кви, учитывала специальные условия ко-
чевых народов тундры.

«п. 3. Дать священникам на первый
случай две передвижные церкви для от-
правления службы в кочевьях самоедских
и священнослужителей, с двумя причет-
никами. Сии образом многие из самоедов
привлекутся к церкви и примут священ-
ное крещение»¹.

В XIX веке, когда царизм окончательно
завоевал и изучил тундру, он прекрасно
учел роль кулака и его влияние среди са-
моедов в лице старшин и отдельных бога-
чей. Царизм понял, что без привлечения
последних на свою сторону добиться поло-
жительного результата в вопросе крещения
ненцев невозможно. Русский царизм и
церковь, взяв курс в крещении ненцев на
закиточную часть, уже через несколько
десятков лет добились больших резуль-
татов.

Получив от синода правила и распоря-
жения, архангельское духовенство в боевом
порядке принялось за практическое осу-
ществление их. Группа попов и монахов
во главе с архангельским епископом Ве-
ннамином в качестве миссионеров отправи-

лась в тундру к трудящимся ненцам. Мис-
сионеры на плывучих и передвижных церк-
вах преследовали ненцев проповедями и
беседками о святом евангелии. «Осенью на
оленьях, а летом на лодках с подвижной
церковью, со всем необходимым для совер-
шения св. обрядов крещения выезжают
духовники к стоянкам самоедов»², — пи-
шет Иславин.

Православное духовенство пыталось
утверждать, что большинство ненецкого
народа принимало православие с великой
охотой, что оно (духовенство) якобы не
применяло насилия, а вело работу толь-
ко в форме пропаганды и бесед с людьми,
«закостенелыми во тьме и язычестве». Факты,
ставшие известными со вре-
мени революции, дают возможность рас-
смотреть весь процесс деятельности рус-
ского попа в тундре, начиная с дея-
тельности первых миссионеров, возглав-
ляемых Веннамином. В 1825 году мис-
сионеры, направившиеся в тундру, присту-
пили к «практической» работе, одновремен-
но изучая и ненецкий язык. Отношение
ненцев к миссионерам и к проповеди хри-
стианства видно из документов, сохранив-
шихся от непосредственных участников
этого «божьего» дела. «Самоеды населения
Неси уворно отказываются не только кре-
ститься, но и наотрез отказались даже
слушать проповедь»³, — пишет Веннамин.
В другом месте он отмечает, что когда мис-
сионеры, идя за все уходящими ненцами,
нагнали их в глубокой тундре под Обдор-
ском и стали совершать богослужение,
предлагая крещение, «самоеды настолько
враждебно отнеслись, что нарочно уезжали
в самые далекие кочевья (например на
Уральский хребет), чтобы только не слу-

² В. И. Иславин «Самоеды в домаш-
нем и общественном быту», 1847.

³ «Архангельские епархиальные ведомо-
сти», стр. 292. 1897.

пять проповеди о Христе»¹. И дальше тот же Вениамин сообщает: «Самоеды, прибывшие в Пустозерск в начале 1827 года для взноса ясака, оказались настолько упорными, что решительно отказались от всяких бесед с миссионерами, говоря: «Мы не хотим креститься, нам нужно ехать в Чум». Миссионеры соглашались следовать за ними в тундру, но и здесь же получали тот самый отказ слушать беседу миссионеров»².

В Канинской тундре старшина Хохоля Баракулев принял крещение, однако канинские ненцы категорически отказались последовать его примеру, и, больше того, пользуясь своей родовой «демократией», они попытались даже ему угрожать лишением его поста старшины. Конечно, это осталось только угрозой, так как, закабаленные этим же старшиной Баракулевым, ненцы привести в исполнение своей угрозы в действительности не могли. Не ограничиваясь указанными формами обращения, русские попы применяли в своей «работе» и популярный метод шантажа, метод «чудес». В сохранившихся материалах имеется рассказ о том, как в день праздника «крещения» миссионеры во главе с Вениамином во время молебна «исцелили» ненку Былкину. Весть о «чуде» ненецкие старшины и богачи разносили и передавали из уст в уста, создавая Вениамину авторитет и популярность среди массы ненцев.

Внедрение христианства сопровождалось со стороны миссионеров уничтожением ненецких богов — Сэди. В 1827 году в роще «Козниц Переселок» было сожжено 600 деревянных идолов, на острове Вайгач — 820 идолов, несколько сот — на Паорковских горах и т. д.; миссионеры применяли и подкупы: ненцам раздавались рубашки, крестики. От «мирных» форм работы ненецкие миссионеры по подобию своих братьев из казанской епархии, бросавших татар в свои монастырские тюрьмы, и новгородских епископов, посылавших еретиков на виселицы, вскоре также перешли к более радикальным формам. Очень часто «упорные» ненцы подвергались наказанию со стороны начальства (тюремному заключению, наложению штрафов). При аресте народный вождь Вауль был объявлен разбойником, грабителем и еретиком.

Рассматривая процесс внедрения христианства, необходимо остановиться на роли шамана. Шаман — представитель ненецкой верхушки — являлся не только духовным пастырем среди ненцев, но и врачом-ветеринаром. Русский поп оказался конку-

рентом шамана. Шаман вынужден был уйти в подполье, и его огромное влияние сохранялось почти до наших дней.

В конце концов сопротивление ненцев было сломлено и русский поп, за плечами которого стоял русский разбойник-крепостник, одержал победу. Штрафы, тюрьмы, насилия, шантаж и обман сломали сопротивление ненцев. Фронт был прорван, силы были распылены, и ненцы начали сдаваться. Под угрозами богача, под кнутом крепостника ненцы приняли православие. Кульминационной точки обращение в христианство достигло в 1830 году. Так, в 1826 году миссионерами было крещено 750 ненцев, а к июню 1830 года было завербовано в число православных христиан 3300 человек³. Эти цифры достаточно ярко отражают эволюцию процесса. 7 июня 1830 года первая партия миссионеров под руководством Вениамина возвратилась в Архангельск с победой и барышами. В том же, 1830 году была намечена, по плану, постройка трех церквей для обслуживания ненцев; через 2 года они были построены.

Разорив и обманув не одну тысячу темных, забитых людей, бросив в тюрьмы и лишив жизни не один десяток ненцев, царизм воздвигнул, наконец, в тундре здание христианства. Церковь стала не только защитником господствующих классов в тундре, но и превратилась сама в кулака-мироода — эксплуататора. По сообщению Ситникова, пришедшего на смену Вениамину в 1864 году, «при четырех церквях, находящихся в тундрах, есть стадо оленей, число этих оленей простирается до 6 тысяч голов»⁴. К 1870 году православные церкви в тундрах имели в своем распоряжении до 20 тысяч оленей, а к 1913 году число оленей доходило до 36 тысяч голов. Число работников постепенно с 50 увеличилось до 350 человек. Процесс крещения ненцев окончательно завершил процесс колонизации тундры.

2

Крещение ненцев сыграло решающую роль в подготовке восстания Вауля. Восстание Вауля было прямым ответом на колониальную, грабительскую политику русского самодержавия в тундре. Опубликованные Боршем, Иславиным и Журавским материалы о восстании Вауля, а также материалы, хранящиеся в ленинградском Центральном историческом архиве, донесения архангельского генерал-губернатора о «Вауле-разбойнике» дают возможность констатировать следующее.

¹ «Архангельские епархиальные ведомости», стр. 357.

² Там же, стр. 292.

³ Там же, стр. 282.

⁴ «Православное обозрение» за 1864 год, стр. 199.

Первые восстания среди ненцев против сборов ясака начались в начале XIX века. По всей вероятности, организаторами этих стихийных выступлений были шаманы. Это видно по некоторым намекам в материалах архангельской епархии. Как раз в это время крещение принимает особенно широкие размеры. Массовое восстание, руководимое Ваулем, носило характер политический. Программа восстания определяется непосредственными действиями масс, а не писанными документами, которых, конечно, нет. Может быть, где-нибудь в Архангельском, Тобольском или Ленинградском архивах будут обнаружены дополнительные материалы по данному вопросу, но мы твердо убеждены, что они не будут противоречить нашим выводам.

Первое выступление Вауля нужно отнести к концу 30-х годов XIX века. Восстание Вауля характеризуется массовостью и организованностью. Вауль пользовался огромным авторитетом среди ненцев. За ним шла подавляющая масса ненецкого народа. Описания очевидцев настроения и тактики властей Обдорска в момент восстания Вауля дают право делать заключения о размерах восстания Вауля. «Ведь за ним все самоеды пойдут, если он захочет»¹. — заявляли в панике обдорские власти. Содержание программы основных лозунгов, за которыми шла беднейшая ненецкая масса, в основном сводится к борьбе за освобождение от эксплуатации феодалом и торговцем, за независимость тундры и против налогов (ясака), взимаемых в пользу русских феодалов и попов. Борьба с ненецким богачем, выросшим за счет разорения ненецкого населения, также имела место, но затемнялась родовой враждой.

В своем описании этого восстания буржуазный историк Борш пишет о Вауле: «Кто же был этот страшный Вауль? Это была действительно весьма значительная между ликарями личность, уже давно знакомая всему краю и властям. В начале 1840 года в Березовской тюрьме, находящейся при помещении полиции и не огороженной даже тыном, можно было видеть арестанта-самоеда лет под 40, среднего роста, крепко сложенного, с красивым и энергичным лицом, с весьма умными глазами. Это был Вауль. Он судился за грабеж... Живя на отдаленных тундрах, этот человек набрал себе шайку послушных земляков и с ней разезжал по соседям, отнимая у богатых оленей и раздавая их нищим... Но, что всего замечательнее, Вауль везде и всем проповедывал необходимость отделиться от русских,

не платить им ясака и отобрать у них все занятые ими земли». И дальше: «Шел в Обдорск он с тем, чтобы взять его, отобрать еданный ясак и раздать его обратно, а самому сделаться полновластным господином, уничтожив ненавистного ему князя Таймина»². Из этих слов видно, что даже в описании буржуазного историка Вауль выступает как вождь широких масс бедноты.

За ним шла ненецкая масса, борющаяся на два фронта: против русского царизма и против собственного богача. Восстание Вауля охватило беднейшие массы ненецкого населения. Число участников движения Вауля доходило до 2 тысяч человек.

Во время обдорской ярмарки Вауль с указанной выше целью — отобрать ясак и вернуть его ненцам — двинулся на Обдорск, довольно укрепленный город. Городские власти вначале растерялись, так как не располагали достаточными силами для обороны. Это выступление Вауля и панику властей Обдорска описывает тот же Борш: «Верстах в 30—40 от города появился многочисленной ватагой известный уже правительству грабитель Вауль Пьеттом, кто-то был в стане разбойника и видел его лично. Нарт (сани) множество, в каждой по три—четыре оленя, пика как лес стоят, собирается Вауль сюда, скоро придет... Всполошились власти. Безмятежный исправник «Митька», как его здесь звали, совсем растерялся. Березовцы тоже всполошились, возьмут Обдорск, придут сюда, все отнимут, вконец разорят»³.

Силы Вауля превосходили силы обдорских и березовских властей, в распоряжении которых было немного больше 100 казаков. Выход из создавшегося положения нашел торговец-кулак Печаевский, взявший на себя роль предателя и неплохо исполнивший ее. Печаевский был лично знаком с Ваулем и пользовался его доверием. Он отправился в стан Вауля и уверил его в том, что прибыл с единственной целью — помочь Ваулю взять Обдорск, свергнуть князя и отобрать ясак. Вауль выслушал его сначала недоверчиво и отнесся подозрительно к его словам. Был собран главный совет участников восстания, на котором большинство также высказало недоверие к Печаевскому, но хитрый пройдоха сумел втереться в доверие к восставшим и убедить их в своих добрых намерениях. После долгих споров Вауль с группой самых близких 18 товарищей вме-

² «Русская старина», стр. 353 (подчеркнуто мною. — В. К.).

³ Там же, стр. 354. 1897.

¹ «Русская старина», стр. 882.

Ненецкие чумы.

Музей народов СССР.

сте с Нечаевским отправился в Обдорек. Войдя в город, Нечаевский предложил зайти к нему в дом отдохнуть и наметить план действий. Не успел Вауль переступить порог дома, как дверь быстро закрылась за ним и сопровождавшие его люди были отрезаны от него. На Вауля сразу набросилось несколько человек, в том числе и Нечаевский. После долгих сопротивлений Вауль был избит и связан веревками. Ненцы, оставшиеся на улице, были окружены полицией и казаками и убиты. Они оказали мужественное сопротивление неожиданным противникам. Особенную храбрость в уличном бою проявил лучший друг Вауля — Садома, который продолжал сопротивляться, даже получив несколько ран. Урядник Шахов убил его сзади ударом шашки по голове. Закованный Вауль был отправлен в Березовскую тюрьму, а затем отправлен на каторжные работы. Предатель Нечаевский получил в награду от правительства медаль на голубой ленте.

Но даже обезглавленное народное движение, лишившись своих руководителей, не сразу угасло; сила восстания не уменьшилась. В ряде тундр восставшая ненецкая масса выдвигала новых вождей, новых героев. Вторая огромная волна восстания вспыхнула в 1856 году. В этом году ненецкий старшина Тенка Ванхозе (Вангюзе), прибыв в Обдорек со своими родичами, сообщил городской управе о том, что бывшие в его ведении ненцы Нани, Тумбы, Ниру, Оли, Хоруме, Шюмде, Ходина, Ханку и в ведении старшин Пцетты — Хыда, Ханку и т. д. «соединились в одну шайку и, вооружившись ружьями, луками

и ножами, открыто производят грабежи, захватывая насильно припасы, оленей, оружие и прочее имущество, какое только у жителей находится»,¹ что «у самоеда Мемчу Яурова отнят грабителями насильно 131 олень, лук и ружье»².

Об этом втором восстании современник писал: «Еще не успела уснокошться, застыть равнина Севера после мятежей прошлого — ваульского возмущения, — еще не испарилось фантастическое чудовище из отравленного алкоголем мозга и породца, как снова взбунтовалось снежное море, разбросав тревожные волны по низовью... Вауль глубоко пустил социальные корни»³.

Исторически бесспорным является то, что это второе восстание было продолжением восстания Вауля — с той же программой и теми же целями. Это подтверждается как оценкой восстания буржуазными историками, так и участием в этом восстании Ходина, двоюродный брат которого — Майра Ходина — был в числе сосланных на каторгу за активное участие в восстании Вауля. Пожар второго восстания под знаменем Вауля еще долго пылал по тундрам. Вожди этого восстания были чойманы при помощи ненецких старшин и богатеев. 31 октября 1856 года они были преданы суду в Березове и впоследствии сосланы на каторжные работы. Ненецкий старшина Тенка Ванхозе получил серебряную медаль на голубой ленте, а ненецкие кулаки Таеруму,

¹ «Ежегодник Тобольского музея» за 1909 год, стр. 34.

² Там же.

³ Там же, стр. 4—5.

Нью-сизи, Мынды, Ян, Пору — по десять рублей серебром на обдорской ярмарке в присутствии народа. Так расправилось самодержавие с восставшими самоедами. В обоих ненецких восстаниях принимали активное участие шаманы, ставя своей целью освободиться от зависимости и избавиться от своих конкурентов — русских попов. Шаман являлся одним из главных советников Вауля. В восстании 1856 года шаман Пани играл руководящую роль, и березовские власти применили к нему более суровые меры наказания чем к другим.

* * *

Восстания ненцев неизменно кончались поражениями.

Только Октябрьская социалистическая революция дала ненцу окончательное освобождение. Советская власть установилась в тундрах позднее чем в остальной России. В 1924 и в начале 1925 года были проведены первые съезды советов среди ненцев Печорских, Канинских и Тиманских тундр. Исходя из особенностей ненецкого населения, советская власть установила:

а) Первичным ненецким объединением признать объединение, основанное на родственной связи.

б) Низовым административным и судебным органом считать самоедское собрание.

в) Первой низовой ступенью самоедского объединения являются:

1) Канинское, Тиманское, Индигское, Кузницкое, Бытковское, Юшарское объединения с количеством самоедов от 160 до 300 человек.

2) Районные объединения: Канинско-Тиманское, Мало- и Большеземельское. В собраниях ненцев участвуют все граждане не моложе 18 лет. В 1927 году были оформлены тундровые советы на островах Вайгач, Колгуев и Новая Земля, а также в тундрах.

Организация советской власти в тундре радикально изменила жизнь ненцев. Мы располагаем данными, относящимися к 1930—1931—1932 годам, к периоду, очень характерному для социалистической реконструкции тундры. Эти годы являются временем окончательного разгрома кулака в тундре и победы новых, социалистических форм хозяйства. Отдельные, разрозненные оленеводческие хозяйства объединялись в колхозы: организовывались также крупные оленеводческие совхозы, насчитывающие до миллиона голов. Рыболовные и охотничьи производства объединялись в артели, получающие необходимую помощь со стороны государства.

Резко измеялся быт ненцев. Побеждена страшная болезнь — цынга. Это достигнуто благодаря жилищной жизни и медицинскому обслуживанию, ранее неизвестному в тундре. До революции бабка, кликуша и шаман являлись полномочными представителями бога и медицины. Реакционные силы всячески старались удержать ненцев в темноте, оставить их в руках пройдох-шаманов. Но постепенно медицинские пункты завоевывали все большее доверие населения. Улучшение условий жизни и борьба со смертностью привели к тому, что у ненцев теперь 2,5—3,6% ежегодного прироста населения.

Огромны также достижения в области культуры. Так, до революции среди ненцев насчитывалось всего 11 грамотных. В настоящее время сотни ненцев Северного края учатся в школах, построенных советской властью, десятки ненцев учатся в медицинских и педагогических институтах в Архангельске, в Институте народов Севера в Ленинграде. Среди них есть учителя, животноводы, врачи и т. д. «Домы ненца» — своеобразные дворцы культуры — являются любимым местом отдыха ненцев, где они читают газеты, слушают радио, играют в шашки, пьют чай и т. д.

В своих резолюциях Краевой комитет партии Севера и Комитет Севера при ЦИК СССР, определяя перспективы второй пятилетки в тундре, постановили добиться:

1. 100% коллективизации всего бедняцко-средняцкого населения тундры.

2. Обеспечения механизированной связью и транспортом всех районов и промышленных центров.

3. Социалистического переустройства быта не только оседлого, но и кочевого населения.

4. Развития плана строительства культурных баз.

5. Обеспечения развертывания промышленности на основе местных производственных сил и ресурсов в соответствии с потребностями населения, интересами экспорта и всего народного хозяйства.

Сегодняшняя советская тундра с ее домами культуры, школами, красными избами, кооперативами, с новой, социалистической, культурной и жилищной жизнью непохожа на тот край, о котором Некрасов писал:

«Ужасный край, откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь,
Нависнет над страной».

Советская тундра приветлива, гостеприимна, жизнерадостна и счастлива.

ФРАНЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Во Франции накануне буржуазной революции в недрах феодального строя уже в значительной степени развились и окрепли новые производительные силы и начали формироваться новые производственные отношения — капиталистические. Франция в то время переживала ту стадию развития социально-экономических отношений, которая в «Истории ВКП(б)» характеризуется следующими словами: «До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекает стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента, до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции»¹.

Задача буржуазной революции заключалась в том, чтобы устранить феодальные путы, тормозившие дальнейшее развитие капитализма. Задача устранения старых производственных отношений, тормозящих развитие производительных сил, особенно стоит перед пролетарской революцией, имеющей своей основной задачей, установив диктатуру пролетариата, создать новое, социалистическое общество. При этом задачи пролетарской социалистической революции коренным образом отличаются от задач буржуазной революции.

«Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией, — говорил Ленин, — состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изме-

няют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма. В совершенно ином положении революция социалистическая... Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»².

Товарищ Сталин, анализируя различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной, отмечает, что «буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества... Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику»³.

Некоторые русские историки (И. Лучицкий, Н. Кареев, отчасти М. Ковалевский), исходя из либерально-народнических воззрений, недооценивали развитие капиталистических отношений в предреволюционной Франции. Они затушевывали происходивший среди крестьянства процесс расслоения, склонны были отрицать наличие сельскохозяйственных рабочих и не замечали капиталистического характера кустарной промышленности. Особенно типичны в этом отношении взгляды И. Лучицкого, который привлек для обоснования своих выводов данные большого количества земельных актов того времени. Анализируя данные податных списков о размерах крестьянских владений, но не интересуясь размерами их хозяйств, И. Лучицкий затушевывал классовую дифференциацию среди крестьянства и изображал его однородной массой, различия внутри которой обусловлены якобы лишь размерами земельных владений. По мнению И. Лучицкого, мелкая крестьянская земельная собственность получила широкое распространение во Франции задолго до революции. Он утверждает, что на протяжении второй половины XVIII века происходил неуклонный рост земельной обеспеченности крестьянства за счет перехода в его руки земель дворянства и духовен-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс» под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Глава IV.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 315.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107. Партиздат. 1935.

ства. Исходя из этих своих положений, П. Лучицкий делал вывод, что революция ничего не дала крестьянству, что она лишь превратила его земельную собственность, которой оно владело до революции, в буржуазную собственность.

В противоположность И. Лучицкому М. Ковалевский указывал, что крестьянин во Франции не являлся земельным собственником, а владел землей на правах пензивы, т. е. феодального держания. Но Ковалевский при этом допускал серьезную ошибку, недооценивая значение наличия мелкого крестьянского землевладения перед революцией и классовой борьбы в деревне и не признавая существования капиталистических форм промышленности во французской деревне накануне событий 1789—1793 годов.

Марксистский анализ экономического положения Франции накануне буржуазной революции опровергает подобные выводы буржуазных историков.

1

Накануне революции Франция насчитывала приблизительно 26 миллионов населения, из которых на города приходилось не больше 2 миллионов (в частности Париж имел 600 тысяч населения и Лион — 185 тысяч).

Большее половины земли принадлежало дворянству, церкви и буржуазии. Дворянство захватило в свои руки и значительную часть общинных земель.

Из 4 миллионов земельных владельцев 90% составляли крестьяне, но им принадлежало меньше половины всей земли. Земельные владения дворянства, церкви, буржуазии и крестьянства были распределены неравномерно в отдельных провинциях. В западных провинциях (Нормандия, Бретань, Пуату) крестьянству принадлежала одна пятая часть всей земли, в северных провинциях (Пикардия, Артуа, Фландрия) — одна треть, на юговостоке, в Дофине, — две пятых, в центральных провинциях (Беарн, Тулуза, Руссельон) — от 35 до 60%.

Преобладающей формой крестьянского землевладения была пензива, над которой тяготел ряд сенъерциальных повинностей. Пензитарий, владелец пензивы, был только наследственным феодальным держателем земли, но отнюдь не полным буржуазным собственником ее. Крестьянское землевладение отличалось большой раздробленностью и преобладанием мелких земельных участков.

Земли дворянства, церкви, буржуазии большей частью слагались в аренду крестьянам, которые, таким образом, обрабатывали до трех четвертей всей земли.

Преобладала мелкая аренда и притом в феодальной форме половничества, которая была особенно распространена в центральных и южных провинциях. Половник (*metayer*) уплачивал собственнику земли от одной четверти до половины урожая; иногда он получал скот для обработки земли и семена. Положение половников было особенно тяжелым.

На севере развивалась капиталистическая аренда, охватившая к началу революции до 20% земель, а на церковных землях она доходила даже до 50%. Крайняя раздробленность крестьянских хозяйств, обремененных к тому же рядом феодальных повинностей, господство трехполья и низкая техника естественно приводили к тому, что поля Франции давали низкий урожай. В Лимузене, например, собирали урожай сам-3—4, сам-5—6, и только в исключительных случаях, например во Фландрии, сам-11. В течение последних 75 лет перед революцией было не менее 14 голодных годов.

В XVIII веке во Франции уже начался процесс расслоения среди крестьянства. В Лимузене, например, 77% пахарей и 96,9% виноградарей (*vignerons*) имели свою землю, из них 47,7% пахарей владели участками свыше 50 арпанов¹, 44,4% — от 20 до 50 арпанов и 5,8% — от 1 до 20 арпанов. Средний же размер их владений равнялся 26,5 арпана. Крестьяне, владевшие относительно крупными и средними земельными наделами, назывались пахарями, земледельцами (*laboureurs, cultivateurs*). Они имели рабочий скот, выполняли конную дорожную барщину и платили поземельную талью².

Было довольно значительное число батраков и поденщиков (*manouvriers, journaliers*), живших главным образом продажей своей рабочей силы, но еще не порвавших окончательно с землей и имевших домик, усадьбу, сад, огород и небольшой клочок собственной или арендованной пахотной земли. В Бретани количество таких поденщиков колебалось от 11 до 40%; в Лимузе 6,2% из них имели менее 1 арпана, 82,5% — от 1 до 20 арпанов, 9,8% — от 20 до 50 арпанов и только 1,5% — свыше 50 арпанов. Поденщики выполняли пешую дорожную барщину, так как не имели рабочего скота, и платили промысловую талью. Количество безземельных, очень различное по отдельным приходам, в среднем равнялось в центре 17—18%, на севере — одной трети, а в Нормандии дохо-

¹ Обычный арпан равнялся 42,208 ара, а ар равен 100 квадратным метрам.

² Талья — основной прямой налог, платившийся на неперивилегированных и главным образом на крестьянство.

Ферма. Франция XVIII века.

С картины Жанине.

шло до 80%. Число фермеров капиталистического типа было невелико, но на севере их количество возрастало.

Среди крестьян были также ремесленники и нищие. Основными разрядами крестьян были пахари и потенщики, причем и те и другие чаще всего были половниками.

В Восточной Франции и на периферийных землях сохранились остатки серважа (крепостное закабаление крестьян). Перед самой революцией во Франции насчитывалось 1,5 миллиона сервов.

Значительная часть общинных земель, составлявших 12% территории Франции, была в XVIII веке захвачена дворянством. Несмотря на ряд королевских ординасов XVI—XVIII веков (например 1667 год), запрещавших произвольные захваты земли, дворяне продолжали захватывать общинные земли. Между имущими и неимущими слоями деревни шла упорная борьба по вопросу о разделе общинных земель, не захваченных дворянством. Обезземеленные крестьяне надеялись при помощи раздела общинных земель получить земельные владения и потому требовали поголовного раздела общинных земель: мелкие собственники стояли за поворный раздел, а средние крестьяне, и особенно более зажиточные из них, были за раздел пропорционально величине пахотного участка, или земельного налога, или пропорционально количеству скота.

Борьба шла и вокруг пользования сер-

витутами, т. е. правом выпаса, прогона скота, собирания колосьев после уборки хлеба, за пользование правом собирания дров в лесу, рубки леса на хозяйственные надобности и т. д. Старожилы и земельные собственники пытались ограничить право выпаса. Крупные земельные собственники и зажиточные крестьяне высказывались за отмену сервитутов, этих пережитков первобытно-общинного строя.

Из права верховной собственности сеньеров на землю вытекали различные феодальные повинности и платежи в пользу сеньера, например вотчинная юрисдикция (т. е. право помещиков судить крестьян). Продолжал оставаться в силе принцип «нет земли без сеньера» (*nulle terre sans seigneur*).

Развитие капиталистических отношений в деревне вызвало во второй половине XVIII века феодальную реакцию, которая явилась попыткой дворянства путем восстановления забытых сеньерских прав упрочить свое положение находящегося у власти класса. Многочисленные и разнообразные виды этих прав, число которых доходило до 300, опутывали каждый шаг крестьянина, крайне обременяли его хозяйство. Отработочная рента (барщина) большого значения уже не имела: преобладала денежная и натуральная форма феодальной ренты в виде пенза и натуральных взносов определенной части урожая зерновых культур, овощей, плодов и винограда. Особенно стес-

Крестьянская семья. Франция XVIII века.

С картины Греза.

няли и раздражали крестьян многочисленные помещичьи монополии, так называемые баналитеты (на мельницу, хлебную печь, виноградную давильную, скотобойню и др.), право охоты, разведения голубей и кроликов, дорожные пошлины, «случайные права» (*droits casuels*), как то: плата в пользу сеньера при получении наследства и пошлины с продажи цензивы, доходившие до одной шестой стоимости земли и дававшие дворянству, по некоторым вычислениям, до 36 миллионов ливров годового дохода. Обременительна была также церковная десятина, падавшая главным образом на крестьян: из 123 миллионов ливров привилегированные платили только 10 миллионов.

Дворянская монархия переложила на крестьянство всю тяжесть налогов; крестьянство эксплуатировал не только каждый сеньер в отдельности, но и дворянское государство в целом. Распределение налогов было очень неравномерным, и взимание их сопровождалось возмутительными злоупотреблениями, от которых больше всех страдала беднейшая часть крестьянства. На уплату повинностей и налогов уходила треть или половина, а иногда две трети дохода крестьянина. Тягча за время

с середины XVIII века до начала революции почти удвоилась и равнялась в 1789 году 78 700 тысячам ливров. Капитация падала главным образом на непривилегированные сословия, уплачивавшие накануне революции 11 636 тысяч ливров в год; привилегированные платили в 8 раз меньше (1450 тысяч ливров).

Ужасающая нищета французского крестьянства в XVIII веке засвидетельствована многими современниками и признается даже самыми консервативными историками, например Тэнном. За 10 лет до революции насчитывалось свыше 1 миллиона нищих. Эпидемии уносили ежегодно огромное количество жертв: например в Бретани в 1741 году погибло от эпидемии 80 тысяч человек.

Основной отраслью промышленности Франции в XVIII веке была текстильная. Наличие множества мелких ремесленников-кустарей явилось благодарной почвой для возникновения капиталистической мануфактуры. Преобладала «рассеянная мануфактура»: она развивалась там, где было больше обезземеленных крестьян и, следо-

¹ Капитация — подушный налог, который являлся дополнением к талге и юридически должен был падать на всех.

вательно, избыток рабочей силы, а именно на севере Франции. В других районах деревенская промышленность являлась подсобным занятием, и купцы выступали там в качестве скупщиков-посредников. Значительная роль женского и детского труда в домашней промышленности также свидетельствует о капиталистическом ее характере.

Эдикт 1762 года, освобождавший деревенскую промышленность от цеховых стеснений, только закреплял фактическое положение вещей. Раздача работы надом деревенским прядильщикам и ткачам служила дополнением к централизованным мануфактурам. В Пикардии из 25 тысяч станков только 6 тысяч приходилось на города.

В шерстяной промышленности перед революцией было 68,5 тысячи станков; работой на них было занято 594 тысячи рабочих; продукция равнялась 2607 тысячам штук материи. В крупнейших центрах суконной промышленности производство сосредоточивалось в руках немногих крупных предпринимателей, на которых работало от 1 до 4 тысяч рабочих. В Селане, например, было до 30 таких мануфактуристов. Суконная мануфактура Ван-Робе в Аббевиле имела 1200 рабочих. В лионской шелкоткацкой промышленности уже в 1790 году три четверти станков работало на 130 крупных купцов-предпринимателей. Централизованный характер имели и так называемые «королевские» мануфактуры, изготовлявшие предметы роскоши. В 1789 году было 600 железоделательных заводов с продукцией в 282 миллиона фунтов чугуна. Развивалось и производство металлических изделий. Значительные капиталы были вложены и в каменноугольную промышленность, дававшую 250 тысяч тонн угля. Анзенские копи имели в 1789 году 4 тысячи рабочих, 600 лошадей и 12 насосов. Перед революцией начало развиваться и машинное производство: уже насчитывалось до 900 прялок «Дженни», стали появляться мюльмашины и паровые насосы.

Режим регламентации промышленности начал ослабляться еще со второй половины XVI века. Цехи приходили в упадок и становились все более замкнутыми. Фискальная политика монархии делала очень тяжелым их финансовое положение. Городекая буржуазия вела борьбу против расширения цеховых корпораций. Тюрго сделал попытку совсем ликвидировать цехи (1776 год), но после его падения все осталось попрежнему: консервативные элементы французской бюрократии протестовали против упразднения цехов.

Внутренние таможенные пошлины, взимаемые в каждой провинции, дорож-

ные пошлины, разлагаемые правительством торговые монополии и разнообразие мер и весов мешали развитию внутренней торговли. Между тем сухопутные и речные пути сообщения в XVIII веке значительно улучшились: было проложено 12 тысяч лье¹ шоссейных дорог; протяжение каналов достигло 1 тысячи километров.

По внешней торговле Франция занимала третье место после Англии и Голландии. С 1715 по 1787 год внешняя торговля Франции возросла в 4 раза, и французский вывоз достиг к 1787 году суммы в 524 миллиона ливров, из которых 311 миллионов падало на продукты земледелия и 213 миллионов — на промышленные изделия. Наиболее оживленная колониальная торговля производилась с Антильскими островами: в 1788 году экспорт туда равнялся 78 миллионам ливров, а импорт оттуда — 185 миллионам. Ввозившиеся оттуда сахар и кофе Франция перепродавала другим странам, например Голландии. В торговле с Левантом Франция сохраняла первое место, но значение этой торговли, по сравнению с началом XVII века, когда она составляла половину всей морской торговли Франции, упало сейчас до 1/20 всей внешней торговли Франции. После поражения Франции в Семилетней войне (1756—1763 годы) значительно сократилась и торговля с Индией. Перед Семилетней войной, в 1753—1756 годах, торговля с Индией давала ежегодно 72 миллиона ливров прибыли, а в 1768 году — только 18 миллионов ливров. Очень большое место занимала торговля с Испанией. С 1715 года ввоз из Испании во Францию поднялся с 18 до 45 миллионов ливров, а вывоз — с 20 до 66 миллионов. Вывоз в Голландию перед революцией равнялся 40 миллионам ливров, из которых половина падала на сахар и кофе, в то время как ввоз не превышал 25 миллионов.

До 1786 года Франция вела непрерывную торговую войну с Англией. По официальным данным, в 1784 году вывоз в Англию равнялся 13 миллионам ливров, а ввоз — 26 миллионам.

Развитию внешней торговли Франции мешала внешняя политика дворянской монархии. Заключенный в 1786 году торговый договор с Англией был выгоден только Англии, превосходящей Францию в промышленном отношении, и вызвал недовольство французской торговой буржуазии. Торговый оборот между обеими странами после 1786 года значительно увеличился, по преимуществу были на стороне Англии. В 1789 году вывоз Франции в Ан-

¹ Лье — старинная мера длины — равняется 4 километрам с лишним.

Знатные дворяне на охоте. Франция XVIII века.

С картины Ванлоо.

глию равнялся 33 миллионам ливров, а ввоз из Англии — 59 миллионам.

Из французских портов на первое место выдвинулись Бордо, Марсель, Нант, ставшие главными центрами крупной торговой буржуазии, которая владела значительным торговым флотом, организовывала мануфактуры, строила роскошные дома и занимала преобладающее положение в рядах третьего сословия.

2

Землевладельческое дворянство и духовенство образовывали небольшое привилегированное меньшинство, вся остальная масса населения принадлежала к третьему сословию, состоявшему из буржуазии, крестьянства, ремесленников и рабочих.

Духовенство владело $\frac{1}{6}$ частью всех земель. Со своего имущества, оценивавшегося больше чем в 3 миллиарда ливров, оно получало свыше 100 миллионов ливров дохода в качестве феодальной ренты; 123 миллиона ливров духовенство получало в виде десятины. В то же время духовенство было свободно от всяких налогов в пользу государства и ограничивалось внесением «добровольного дара», не превышавшего 2—3% годовых доходов (в среднем 5400 ливров в год).

Все эти богатства доставались высшему духовенству, рекрутировавшемуся из дворянства и являвшемуся опорой абсолютистско-феодального порядка. 143 епископа получали 14 миллионов ливров в год. Низшее же духовенство, плебейского про-

исхождения, сохраняя реакционно-религиозное мировоззрение, прониклось оппозиционным настроением по отношению к привилегированной верхушке.

Дворянство, насчитывавшее около 400 тысяч человек, владело больше чем третью всей земли, сохраняло сеньериальные права и юрисдикцию, поглощало от одной пятой до одной четвертой государственного бюджета, занимало высшие придворные, военные и гражданские должности, было освобождено от талей и платило ничтожную часть прямых налогов. В наиболее привилегированном положении находилось придворное дворянство (4 тысячи семей), получавшее громадные пенсии и синекюры и занимавшее высшие военные должности. Ежегодный доход придворного в 100—150 тысяч ливров считался самым обыкновенным; иногда этот оклад доходил до 300—400 тыс. ливров. Герцог Орлеанский имел доход в 3 миллиона ливров. Нередко миллионные состояния финансистов благодаря брачным связям переходили к высшей аристократии. Безумно расточительная и роскошная придворная жизнь высшего света поглощала миллионные состояния. Придворное дворянство получало при дворе больше чем от своих земель, которые оно обыкновенно сдавало в аренду.

Провинциальное дворянство, которое насчитывало в своих рядах и крупных сеньеров, имевших десятки тысяч ливров дохода, и массу среднего и мелкого дворянства, дорожило сохранением своих сеньериальных прав и нередко с завистью и озлоблением относилось к придворной знати.

Во всех классах общества дворяне вызывали ненависть как паразиты, пользующиеся бесчисленными привилегиями и разоряющие государственную казну.

В течение последних двух столетий перед революцией образовалась особая группа дворянства — «дворянство мантии»¹, которое монополизировало высшие административные и судебные должности. «Дворянство мантии» представляло собой замкнутую касту, проникнутую аристократическим духом и ревниво защищавшую свои привилегии. Его представители владели огромными состояниями.

Судейское и чиновное дворянство, служившее в средних и низовых звеньях правительственного бюрократического аппарата (члены парламентов, прокуроры, адвокаты, нотариусы и др.), занимавшее купленные и наследственные должности, ревниво оберегало свои привилегии и стремилось попасть в ряды «дворянства мантии».

Чиновники вызывали всеобщую ненависть в народных массах. Народ видел в них агентов абсолютизма и носителей административного и полицейского произвола, царившего в суде, армии и во всех звеньях правительственного бюрократического аппарата, снизу доверху.

Особенно большой ненавистью пользовались интенданты, являвшиеся часто выходцами из судейского и чиновного дворянства, получавшие от 20 до 40 тысяч ливров дохода.

Из представителей верхушки денежной буржуазии на первом месте стояли откупщики налогов. Четвертая часть всех налогов оставалась в карманах откупщиков. Они имели многомиллионные состояния, роскошные особняки, роднились с аристократией и даже проникали в ее ряды. К финансовой знати принадлежали также кредиторы государства и найщики монопольных торговых компаний.

Торгово-промышленная буржуазия, крупная, средняя и мелкая, превосходила дворянство по своему экономическому значению и образованию. Она стала крупной общественной силой, враждебной абсолютистско-феодальному строю, разрывалась в классе для себя и вывинула своих идеологов в лице блестящих представителей просветительной публицистики: Вольтера, Монтескье, Руссо, энциклопедистов (Дидро и др.), физиократов (Кене). По выражению Энгельса, «царство разума» великих просветителей «было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии»².

¹ «Дворянством мантии» (*noblesse de robe*) называлось судейское и чиновное дворянство, носившее особую мантию при исполнении служебных обязанностей.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 18.

Во Франции, говоря словами Энгельса, «экономическое положение» давно переросло «политические отношения», оставшиеся без изменений. По своим политическим правам французское дворянство было всем, а буржуазия ничем, тогда как по своему общественному положению буржуазия была уже важнейшим классом в государстве, а дворянство, потерявшее все свои общественные функции, продолжало только получать за них плату в виде доходов. Кроме того, все буржуазное производство оставалось втиснутым в феодальные средневековые политические формы, из которых давно выросли даже ремесла, не только мануфактура; оно оставалось скованным бесчисленными цеховыми привилегиями, служившими теперь только для стеснений и кляуз, а также местными и провинциальными таможами. Буржуазия покончила с этим посредством революции»³.

Для уничтожения абсолютистско-феодального строя буржуазии был необходим союз с крестьянством. По словам К. Маркса, «ничто так не задержало победного шествия французской буржуазии, как то, что она лишь в 1789 году решилась сделать *common cause* с крестьянством»⁴. Общие задачи борьбы против феодальных отношений, сословных рамок и абсолютной монархии объединили народные массы с буржуазией и, при относительно менее острых классовых противоречиях среди непривилегированных, давали возможность буржуазии выступать во главе и от имени всего «народа». «Всегда и везде,— писал Ленин,— буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикующие учреждения стесняли действительно всех»⁵.

В борьбе против феодального дворянства буржуазия выступала, как отмечал Энгельс, «в качестве представителя всего остального общества», в качестве защитника «не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества», и требования, которые она защищала, «в общих чертах действительно соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени»⁶.

Но «буржуазная революция,— отмечает товарищ Сталин,— не может сыграть вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 167.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXII, стр. 49.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 293.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 18.

Пастух. Франция XVIII века.

О рисунка того времени.

эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз именно как трудящихся и эксплуатируемых...»¹. В этом различном соотношении классов и заключается одно из основных различий между революцией пролетарской и революцией буржуазной.

По мере того как общество становилось все более буржуазным, абсолютная монархия все теснее смыкалась с дворянством, все ретивее защищала интересы привилегированных сословий, в которых она видела главную опору своей власти. Буржуазия, поддержку которой королевская власть сумела так удачно использовать в борьбе против феодальной аристократии в начале разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений, становилась теперь для нее более опасной благодаря непрерывно возрастающему экономическому могуществу буржуазии. Политический вес и участие феодальной аристократии в управлении государством снова возросли.

3

После смерти Людовика XIV остался его пятилетний правнук, который и стал королем под именем Людовика XV (1715—1774 годы). В своем завещании Людовик XIV поручал воспитание наследника и регентство во время его малолетия своему

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107.

побочному сыну — герцогу Мэнскому. Принца поддерживали двор и генералы; парламенты и остальное дворянство поддерживали старшего принца крови — герцога Филиппа Орлеанского. Последний обратился к парижскому парламенту с просьбой рассмотреть его законные права, обещая восстановить прежние права парламентов, в том числе и право ремонстрации².

Завещание Людовика XIV было парламентом аннулировано, и регентом был признан Филипп Орлеанский, которому оказал деятельную поддержку герцог Сен-Симон, надеявшийся вернуть аристократии утраченное ею политическое значение. Побочные сыновья Людовика XIV были лишены прав принцев крови, парламенту было возвращено право ремонстрации. Регент, однако, не оправдал полностью надежд герцога Сен-Симона: не желая умалять свою власть, он не создал Генеральных штатов и не хотел допустить ни усиления аристократии, ни расширения прав парламента.

Регент сначала пытался поправить тяжелое финансовое положение государства при помощи ревизии государственных налогов, что дало казне не более 15 миллионов ливров, и посредством обложений финансистов, что дало казне около 100 миллионов ливров.

Он предоставил простор финансовым операциям шотландца Джона Ло, который был знаком с деятельностью лондонского и амстердамского банков, выпускавших кредитные билеты, и рассчитывал с помощью бумажных денег расширить государственный кредит и покрыть государственный долг. Основанный Ло акционерный банк (в 1716 году) скоро превратился в государственный (в 1718 году) и выпустил бумажных кредитных билетов на сумму свыше 3 миллиардов ливров при золотом обеспечении не больше чем в 200 миллионов ливров. Ло, назначенный генеральным контролером финансов и получивший табачную монополию, откуп налогов и право чеканить монеты, связал деятельность банков со спекуляциями монопольной Вестиндской компании, выпустившей в три приема до 624 тысяч акций по 500 ливров каждая. Курс этих акций при бешеном биржевом ажиота-

² Парламентами назывались тогда во Франции судебные учреждения, которые окончательно оформились как постоянные институты в первой половине XIV века. В XV веке наряду с парижским парламентом появились парламенты в Тулузе, Гренобле, Бордо, Дижоне и др. Короли объявляли свои ордонансы (указы) через парижский парламент, который получал таким образом право регистрировать эдикты и делать относительно их как устные, так и письменные представления или ремонстрации.

же возвылся до 18—20 тысяч ливров. Спекуляцией были охвачены и верхи аристократического общества. Начавшееся вскоре падение курса акций вызвало панику среди владельцев акций, банк ответил ограничением, а потом и прекращением обмена билетов на золото (в 1720 году). Перед зданием банка, производившим обмен только мелких билетов в 10 ливров, собралась громадная толпа, в которой людей давили насмерть. Владельцы билетов и акций разорились. Ло бежал из Франции, его имущество было конфисковано, но казне удалось путем объявления банкротства и выплаты долговых обязательств кредитными билетами уменьшить свой долг на 848 миллионов ливров. Разорившиеся дворяне стали распродавать свои земли, покупкой которых занялись спекулянты, нажившиеся на перепродаже акций.

Регент умер в 1723 году, когда Людовик XV был уже провозглашен совершеннолетним. Эгоистичный, легкомысленный и циничный, новый король придерживался правила «На мой век хватит, а мой преемник пусть выпутывается, как может». При дворе Людовика XV господствовал разгул праздной знати: она задавала тон для расточительного двора, пресыщенного удовольствиями. Король жил в Версале не более 52 дней в году и постоянно раз'езжал, что стоило казне больших денег, так как каждый переезд обходился не меньше чем в 100 тысяч ливров.

Фаворитки короля (герцогиня Шатору, маркиза Помпадур, графиня Дю-Барри и др.) играли немалую политическую роль, назначали и сменяли министров. Особенно долго властвовала маркиза Помпадур, стоявшая французскому народу до 36 млн. ливров. По словам маркиза Д'Аржансона, «самые большие интриганы из придворных образуют ближайшее окружение государя... Двор, фаворитки перевешивают власть министров. Эти последние боятся всех, до последнего лакея».

Провинции страдали от административного произвола.

Невозможность жить по-старому чувствовали даже отдельные представители дворянства. Маркиз Д'Аржансон предлагал отменить податные привилегии дворянства и обновить монархию, предоставив ряд прав выборным земским собраниям. Генеральный контролер Лаверди объявил свободу торговли хлебом и освободил деревенскую промышленность от надзора цехов (в 1762 году). Министр Шуазель поддержал постановление парижского парламента о закрытии ордена иезуитов (в 1764 году). Генеральный контролер Мамо отменял ряд ограничений хлебной торговли, пытался ограничить рост церковного землевладения и ввести особый подоходный налог—«двал-

Молочница. Франция XVIII века.
О рисунка того времени.

цатипу», падавший и на привилегированных. Но эти мероприятия встретили сопротивление со стороны придворной аристократии, которая и свергла Мамо.

Особенно ревниво оберегали свои сословно-корпоративные привилегии и сопротивлялись всяким попыткам реформ, затрагивавшим интересы привилегированных, парламенты.

Начиная с Франциска I должности в парламентах стали продажными и наследственными: высшие должности занимались дворянами, а остальные покупали представители разбогатевшей буржуазии, стремившиеся попасть таким путем в ряды «дворянства маптии». Парламенты представляли собой замкнутую сословно-аристократическую корпорацию, которая, после того как с 1614 года прекратился созыв Генеральных штатов, претендовала на то, чтобы играть роль представительного учреждения, и пыталась ограничить королевскую власть. Опозиция парламентов по отношению к королевской власти носила явно аристократический характер.

Парламенты защищали интересы дворянства и привилегированных. Реннский парламент поддерживал дворянство и отказался вотировать налог на дворян даже после королевского заседания в Версале. Тогда правительство арестовало руководителя оппозиции Ла-Шалоте и некоторых советников парламента. Парижский и другие парламенты протестовали против насилия над членами парламента и в ходе дальнейшей борьбы ответили на насильственную

регистрацию эдиктов прекращением отправления суда. Парижский парламент называл себя «представителем нации» и «хранителем свободы». Королевская власть прибегла сначала к угрозам, а затем к закрытию парламента. При канцлере Мопу был издан в 1771 году эдикт, который предписывал уничтожить продажность и наследственность судебных должностей и учредить новые, бесплатные суды, прозванные сторонниками парламентской оппозиции «парламентами Мопу». Парламенты протестовали против реформы, но правительство прибегало к арестам и ссылкам лиц, протестовавших против правительственных мероприятий.

Оппозиция парламентской магистратуры и аристократии носила консервативный характер и являлась одним из признаков разложения абсолютистско-феодалного правительственного аппарата. Вольтер понимал аристократический характер парламентской оппозиции и приветствовал закрытие парламента.

Войны при Людовике XV, дожившиеся тяжелым бременем на народные массы, носили преимущественно династический характер и справедливо были названы «войнами роскоши». Они велись неспособными генералами и выявили гнилость разлагавшейся абсолютной монархии. Все они были неудачны, только в войне с Австрией (1733—1735 годы) Франция имела некоторые успехи и добилась по венским договорам 1735 и 1738 годов присоединения Лотарингии и отказа Австрии от ко-

ролевства обеих Сицилий в пользу младшей линии испанских Бурбонов. Заинтересованная в сохранении своих торговых привилегий в Турции, Франция поддерживала последнюю дипломатически во время войны Турции с Австрией и Россией. В награду за это Турция предоставила французским купцам привилегию иметь собственный суд и платить низкие ввозные пошлины. Людовик XV принял участие в войне за австрийское наследство (1740—1748 годы), во время которой французы в Индии под начальством Дюпле вели упорную и довольно успешную борьбу с Англией. Аахенский мир 1748 года не дал Франции каких-либо новых приобретений: только испанский принц Филипп, женатый на дочери Людовика XV, получил от Австрии итальянские герцогства Парму и Пьяченцу. После заключения этого мира, от которого выиграли только интересы династии Бурбонов, во Франции была в ходу поговорка «Глуп как мир». В 1763 году Франция потеряла в пользу Англии Канаду, Луизиану (владения на левом берегу Миссисипи, за исключением Нового Орлеана) и часть Антильских островов; владения на правом берегу Миссисипи она уступила Испании, отдавшей Англии Флориду, и лишилась Сенегала в Африке и почти всех своих владений в Индии. Борьба Англии и Франции за торгово-колониальное преобладание, начатая в конце XVII века, кончилась полным поражением Франции, что возбудило сильное недовольство торговой буржуазии.

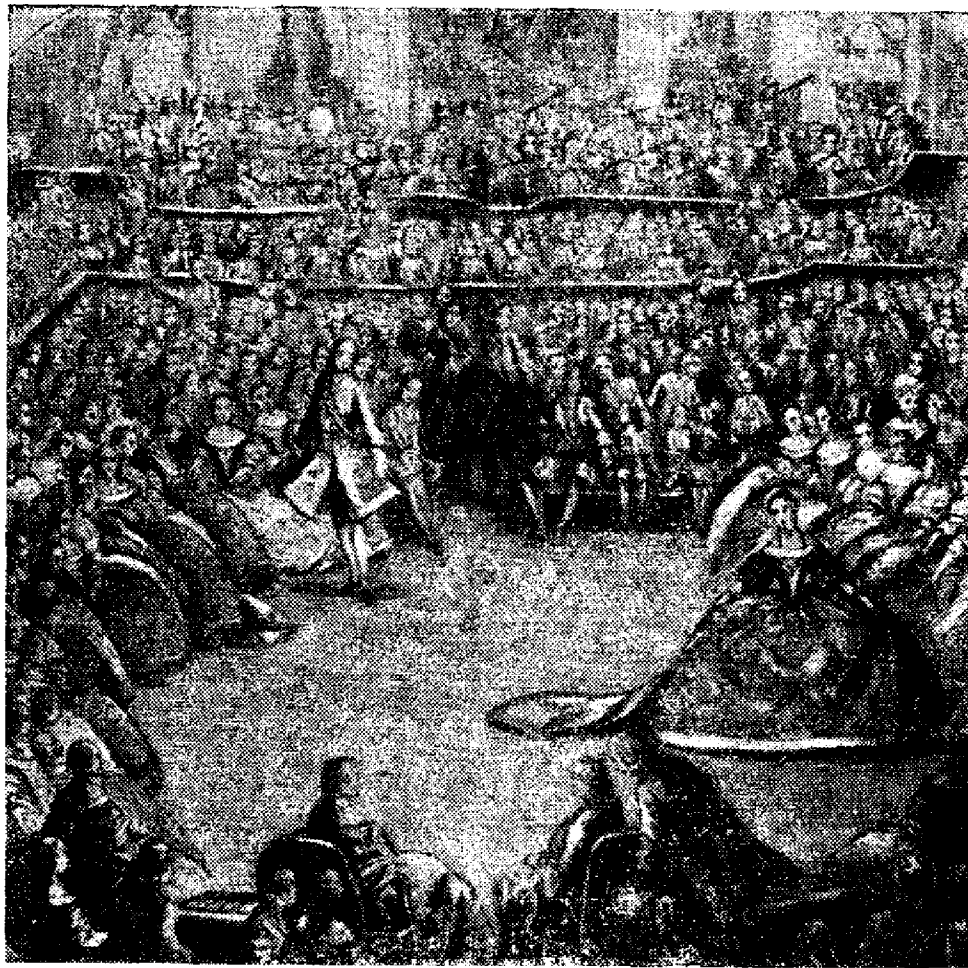
Династические войны Людовика XV только увеличили налоговое бремя. В то же время государство теряло десятки миллионов, остававшихся в руках сборщиков и откупщиков налогов. В 1773 году из главного откупа в 132 миллиона ливров казна получала только 50 миллионов; из 156 миллионов прямых налогов в казну попадало только 104 миллиона. На содержание двора уходило до 15% всех расходов. Из года в год возрастал дефицит государственного бюджета. Для покрытия дефицита Людовик XV участвовал в хлебных спекуляциях, доход от которых определялся в 1774 году в 4200 тысяч ливров.

Из года в год росла нищета трудящихся масс. Голод и продовольственные волнения стали обыденными явлениями. «Налог выводит народ из терпения,— писал Д'Аржансон в 1749 году,— жизнь дорога, доходы не поступают в казну, расходуют, не получая; ненавистное царство финансовых дельцов приводит в отчаяние общество и унижает правительство». Он и другие современники приводят много сообщений о голодных бунтах, не прекращавшихся вплоть до революции. Уже в середине XVIII века говорили о надвигавшейся ре-

Людовик XV.

С картины Ванлоо.

Придворный бал. Франция XVIII века. С картины Кошена.

волюции. В 1751 году Д'Аржансон отмечал у себя в дневнике: «Ныне вопрос об этой предстоящей революции засел в уме народа; говорят лишь об этом; все насыщено этим вплоть до буржуазии». Людовик XV возбуждал под конец всеобщее отвращение. Когда он умер, его похоронили ночью, без всяких почестей.

4

Политическая история последних лет перед революцией во Франции свидетельствует о глубоком политическом кризисе, о назревании революционной ситуации. Нужда и бедствия угнетенных классов были обострены свыше обычного. Все это неизбежно приводило к значительному повышению активности масс.

Господствующие классы уже не могли продолжать править по-старому: им уже больше не удавалось сохранять в неизменном виде свое господство.

Царствовавший после Людовика XV Людовик XVI (1774—1792 годы) был недалек и слабовольный человек, невежественный в делах правления, интересовавшийся только охотой и едой, подчинявшийся во всем влиянию придворной клики и своей жены, возбуждавшей ненависть народа «австриячки», расточительной и легкомысленной Марии Антуанетты. Восстановив парламент, Людовик XVI назначил генеральным контролером Тюрго, принадлежавшего к школе физиократов, сто-

ронника реформ в духе «просвещенного абсолютизма», предпринявшего последнюю попытку приспособить новые социально-экономические отношения к старой, абсолютной монархии.

Тюрго, стремясь избежать банкротства, увеличения налогов и новых займов, пытался устранить злоупотребления в финансовой области, ограничил сдачу налогов на откуп, призывал к бережливости и добился уменьшения дефицита государственного бюджета с 48 до 17 миллионов ливров. Но попытки финансовых реформ вызвали недовольство расточительного двора и финансистов, боявшихся отмены откупной системы. Тяжелую для крестьян дорожную барщину Тюрго заменил денежным налогом, падавшим на всех, и унизил цехи, но в защиту сословных привилегий выступил парижский парламент, заявивший протест против налогового обложения привилегированных сословий и против унизления цехов. Разрешение свободы торговли хлебом, вином и водкой затронуло интересы пайщиков монопольных компаний. Дороговизна хлеба после неурожая 1774 года вызвала весной 1775 года продовольственные волнения, которые противники Тюрго использовали для дискредитации свободной торговли хлебом.

Тюрго успел провести в жизнь только часть своего более широкого плана реформ. Он имел в виду ликвидацию феодальных повинностей, изъятие воспитания из рук

Привал солдат.

Франция XVIII века.

духовенства и организацию местного самоуправления и «королевского муниципалитета» с совещательным голосом. Земельные собственники, пропорционально своему доходу (в 300, 600 и 1200 ливров), должны были получить право на полголоса, один и два голоса и последовательно выбирать путем многостепенных выборов муниципалитеты, общинный, окружной, провинциальный и, наконец, королевский, который должен был вести главным образом вопросы налогового обложения. Сословное представительство заменялось таким образом у Тюрго представительством от земельных собственников. Давление придворных и духовенства, оппозиция парламента и недовольство откупщиков и хлебных спекулянтов побудили Людовика XVI дать отставку Тюрго после 20-месячного пребывания его у власти (в 1776 году).

Тюрго ушел в отставку, выражая опасения относительно скорого взрыва революции.

Преемник Тюрго по управлению финансами банкир и протестант Неккер (1776—1781 годы) сделал попытку провести ряд мелких реформ, но наткнулся на сопротивление парламента и ограничился частичными финансовыми реформами, а для покрытия дефицита прибегал к займам (106 миллионов ливров в одном 1777 году), увеличив государственный долг на 600 миллионов ливров. Он опубликовал финансовый отчет (в 1781 году), в котором он, правда, умалчивал о чрезвычайных расходах и тем самым скрыл действительный дефицит (114 миллионов ливров), но показал громадную сумму, расходующую на всякие дарения (28 миллионов ливров).

Это вызвало возмущение при дворе и привело к отставке Неккера. Война с Англией в 1778 году на стороне североамериканских колоний не вернула Франции Канады и имела последствием дальнейшее ухудшение финансового положения и увеличение долга еще на 220 миллионов ливров.

Призванный после Неккера к власти расточительный Калонн (1783—1787 годы) сначала встал на старый путь продажи новых должностей, бесконечных займов (свыше 800 миллионов ливров за 3 года), но потом вынужден был пойти по стопам Неккера и Тюрго. Собрав нотаблей (в 1787 году), он предложил им план реформы, который предусматривал введение поземельного налога на все сословия, равномерное распределение других налогов, уменьшение тали, уничтожение дорожной барщины, свободную торговлю хлебом и местное самоуправление. Нотабли решительно протестовали против поземельного налога. Призванный на место Калонна ставленник королевы архиепископ Ломени де Бриен (1787—1788 годы) вынужден был распустить сопротивлявшихся нотаблей и обратиться к парижскому парламента, но тот также высказался против поземельного налога и потребовал созыва Генеральных штатов. Бриен ответил отнятием у парламента права ремонстрации, арестами их членов, закрытием парламента и проведением новой судебной реформы (Ламуаньона) в духе Мопу, встреченной бурными протестами¹.

¹ Согласно этой реформе, предполагалось уничтожить наследственные и покупные должности членов парламента и передать ведение суда платным и назначаемым королем чиновникам.

Дефицит государственного бюджета достиг к этому времени 160 миллионов ливров, а государственный долг—4,5 миллиона. Духовенство, к которому Брнен обратился за субсидией, отказало в ней и тоже высказалось за созыв Генеральных штатов. Волнения охватили Париж и провинции. Штаты, собравшиеся самовольно в Дофине, имели двойное число представителей от третьего сословия и голосовали поименно. В Бретани толпа закидала черепицами правительственный отряд, открывший огонь. В Провансе штаты, голосовавшие поименно, выдвинули требование палатного равенства. Король дал отставку Брнену, восстановил парламенты, призвал вторично к власти Неккера (август 1788 года) и объявил о созыве Генеральных штатов в следующем, 1789 году.

Второе собрание нотаблей (ноябрь 1788 года) высказалось за старые формы созыва Генеральных штатов, но Неккер примкнул к постановлению парижского парламента, требовавшего двойного представительства от третьего сословия. Во время выборов в Генеральные штаты в 1789 году развернулась широкая агитация, появилось много брошюр, написанных защитниками интересов третьего сословия (Сийес, Мирабо и др.). Наказы (*cahiers de doléances*), данные депутатам, являются документами, ярко изображающими общественные отношения Франции накануне революции, а с другой стороны, они же являются программой действий, отразившей требования крестьянства, буржуазии, дворянства и духовенства. Выборы проходили в обстановке многочисленных аграрных и продовольственных волнений, которые прокатились по всей Франции.

Созванные в мае 1789 года Генеральные штаты стали для буржуазии организующим центром в борьбе за новый, буржуазный строй.

Цены на хлеб вследствие неурожаев 1787—1788 годов поднялись в 1789 году

до наивысшего для XVIII века уровня—в среднем свыше 34 ливров за сетье¹ пшеницы; цены на хлеб в Париже были еще выше. Число безработных вследствие промышленного кризиса, обострившегося благодаря торговому договору с Англией в 1786 году, достигло 200 тысяч человек. Во многих пунктах Франции дело доходило до вооруженных столкновений с дворянством и с королевской полицией. В Ренне произошло столкновение буржуазной студенческой молодежи с дворянами. Экономический кризис и голод создали почву для революционных выступлений масс.

Революция началась.

Поднялась, по выражению Маркса, та «исполнительная метла французской революции XVIII столетия»², которая «смела весь отживший сор давно минувших веков» и очистила общественную почву от последних помех для сооружения государства буржуазии, нового эксплуататорского общества взамен свергнутого феодального.

Через 150 лет после этой революции, ставшей неходным моментом буржуазных революций в Европе, изучение ее всемирноисторических итогов является необходимой предпосылкой понимания всего хода мировой истории со времени начала этой революции до наших дней. Дальнейшее ее изучение приобретает исключительно актуальное значение, ибо именно теперь, на основе исторических высказываний Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, в свете итогов Великой Октябрьской социалистической революции, в свете победы социализма, стала возможной исчерпывающая оценка великой французской буржуазной революции, определение ее настоящего места в истории.

¹ Сетье — мера веса, несколько больше 1,5 гектолитра.

² К. Маркс. «Гражданская война во Франции», стр. 92. Молодая гвардия, 1937.

НУМАНТИНСКАЯ ВОЙНА

(Борьба Испании
против Рима
во II столетии
до нашей эры)

1

В настоящее время, когда все прогрессивное человечество с восхищением следит за героической борьбой испанского народа, отстаивающего свою национальную независимость от иноземных хищников, невольно приходят на память героические эпизоды далекого прошлого этой многострадальной страны.

Богатства Пиренейского полуострова не раз привлекали к себе внимание чужеземных захватчиков. Начиная с древнейшей поры (со II тысячелетия до нашей эры) населению современной Испании и Португалии приходилось отражать вражеские нашествия. Одним из наиболее драматических моментов борьбы народов Пиренейского полуострова за свою независимость является война северных испанских племен, в частности жителей города Нумантии, против римской экспансии. В течение ряда лет сильнейшее рабовладельческое государство Средиземноморья — Римская республика — безуспешно пыталась сломить сопротивление свободолюбивых племен Северной Испании. Не раз прославленные римские войска терпели в этой войне жестокие поражения. Лишь с помощью предательства Риму удалось, наконец, добиться частичного успеха. Эта героическая борьба испанских племен против римских захватчиков известна в истории под названием Нумантинской войны (144—133 годы до нашей эры).

В древности Пиренейский полуостров, или, как называли его тогда, Иберия, являлся западной окраиной цивилизованного рабовладельческого мира. Древнегреческий писатель Страбон так описывает эту страну: «Первой с запада из стран Европы, как мы уже сказали, расположена Иберия. Большая часть Иберии населена плохо, потому что эти люди принуждены жить на тощей почве, покрытой горами, лесами и равнинами, притом большая часть страны орошена неравномерно. Та часть Иберии, которая расположена на севере, при неровности почвы отличается еще чрезвы-

чайным холодом, а часть, лежащая у океана, дика и почти лишена всякого сообщения с другими странами, так что неудобствами для жизни она превосходит прочие области... напротив, вся южная Иберия богата, в особенности та часть ее, которая лежит по ту сторону Геракловых столбов»¹.

Богатства южной части Пиренейского полуострова были весьма разнообразны. Тот же Страбон сообщает, что из плодородной долины реки Бетиса (Гвадалquivир) в его время вывозились хлеб, вино, большое количество растительного масла, воск, мед, смола, кошениль и кинноварь. Густые леса этих областей доставляли корабельный лес, а превосходная шерсть овец высоко расценивалась во всех странах древнего мира. Иберия обладала также богатыми залежами соли, а море у ее берегов изобиловало разнообразными сортами рыб и высоко ценными в древнем мире огромными пурпурными раковинами, служившими драгоценным сырьем для выработки красильных веществ. Однако все эти богатства отступают на второй план перед обилием различных рудных месторождений, которыми издревле славилась Иберия. «До настоящего времени нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве и такого достоинства, как здесь, — пишет Страбон. — Золото добывается не только из гор, но также из рек и лесных потоков, которые выносят золотой песок, находимый даже в неорошаемых местах... даже при рытье колодцев и в других подобных случаях находят золотой песок, из которого посредством промывки получается чистое золото»².

Иберийский полуостров населяли многочисленные племена. На северозападном берегу и в припиренейских районах жила группа яфетических племен, известных под общим названием иберов. Память об отдельных племенах этой группы частично сохранилась в современных названиях некоторых районов Северозападной Испании; так например горы, где обитало племя кантабров, называются Кантабарскими, местожительство племени астуриков — Астурией, а племена каллаиков — Галисийей.

Современные баски являются прямыми потомками древнеиберийского племени — басконов.

Области Средней Испании, южное и югозападное побережья полуострова были заселены распространившимися с севера гальскими, или кельтскими, племенами.

¹ Геракловыми столбами древние греки и римляне называли скалы по берегам Гибралтарского пролива.

² Страбон «География». Книга 3-я, гл. 1-я.

Частично они сливались с иберийцами, образуя смешанные племена так называемых кельтиберов, частично же сохраняли свою самостоятельность. К группе кельтских племен относилось население югозападного берега полуострова и центрального плоскогорья. Это были племена ваккеев, арваков, пелендонов, веронов, лузонов, констетанов.

На западном побережье, между реками Таг (современным Тахо) и Дурий (современным Дуэро), обитали племена лузитанов, по имени которых стали называть Лузитанией всю западную оконечность полуострова. К югу от Тага обитало племя кельтиков. Плодородную долину Бетиса и соседние районы занимали племена турдетанов, турдулов, бастулов и бастетанов. Все эти племена жили в условиях родового строя.

Характеризуя быт лузитан, географ Страбон сообщает: «Все горцы отличаются простотой, пьют воду, спят на голой земле и подобно женщинам носят очень длинные волосы, на которые во время сражения кладут повязку. Больше всего они любят козлинное мясо... в течение двух частей года они питаются одними дубовыми желудями, из которых готовят себе хлеб, высушивая их и смоловши... они употребляют также ячменное пиво, а вино у них редко... вместо оливкового масла они употребляют коровье. Едят они, сидя на скамейках, устроенных вдоль стен жилищ, садятся по достоинству; пища обносится кругом. Как и кельты, они употребляют деревянные чашки. На пирушках танцуют под звуки флейты и трубы, причем подскакивают и приседают. У бастетанов женщины танцуют вместе с мужчинами, держа друг друга за руку. Одеваются все в черное, большая часть носят плащи, в которых и спят на постелях из сухой травы. Женщины носят цветные платья»¹.

У некоторых племен сохранились пережитки матриархата. Сообщая об обычаях северноиберийских племен, Страбон рассказывает, что «у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают приданое женщинам, а дочери объявляются наследницами и женят братьев, следовательно, женщина имеет здесь некоторое преимущество»². Страбон отмечает также, что у иберийцев «женщины сами обрабатывают землю». Военную силу иберийских племен составляло ополчение мужского населения. О военных качествах иберийцев Страбон писал: «Лузитане искусны в преследовании и разведках, быстры, легки и

ловки в нападениях. Они вооружены пелобольшим двухфутовым в диаметре щитом, вогнутым с передней стороны и висящим на ремне... имеют они нож или меч, большинство носит полотняные панцири; только немногие имеют кольчугу и треугольный шлем из железных колец с тремя гребнями. Все прочие носят шлем из ремней. Пешие войны носят попожи; каждый имеет с собой много дротиков, а некоторые вооружены копьями с медными наконечниками... они дважды патируют себя маслом, употребляют бани, нагреваемые раскаленными камнями... устраивают гимнастические состязания в тяжелом вооружении и на лошадях, состязаются в кулачном бою, в беге, в борьбе и в сражении отрядами»³.

Крайне дорожа своей свободой, иберийские и кельтские племена показывали чудеса мужества и выносливости в борьбе за свою независимость. Так например, по сообщению Страбона, несколько кантабров, взятых в плен римлянами и пригвожденных к кресту, пело, умпрая, победные песни. Зачастую матери предпочитали убивать детей, чтобы избавить их от плена и рабства. Известен случай, когда, по приказанию отца, мальчик убил мечом своих братьев и родственников, взятых в плен и закованных в цепи. То же самое совершила и женщина со всеми взятыми вместе с нею пленниками. Другой пленный, чтобы избежать издевательств пьяных римских солдат, сам кинулся в огонь.

По успешной обороноспособности населения Иберийского полуострова сильно вредила разобщенность племен, а зачастую и открытая вражда, царившая между ними. По словам Страбона, «они никогда не составляли большой силы или союзов. Если бы они пожелали помочь друг другу, то ни карфагенянам, ни раньше того жителям Тира не удалось бы так легко подчинить большую часть этой страны»⁴.

2

Впервые иноземные хищники появились у берегов Иберии в конце II тысячелетия до нашей эры и основали на острове, при впадении в море реки Бетиса, укрепление Гадир (по-финикийски «крепость», «стена»), впоследствии сделавшееся одним из значительных торговых городов древнего мира. Несколько позднее выходцы далекого Тира основали ряд укрепленных торговых пунктов на южном берегу полуострова

¹ Страбон «География». Кн. 3-я, гл. 3-я.

² Там же, гл. 4-я.

³ Страбон «География». Книга 3-я, гл. 3-я.

⁴ Страбон «География». Кн. 4-я, гл. 4-я.

ва. В близ скалы Кальны (Гибралтар) ими был основан город Картея, несколько далее на восток — Малака (Малага), Сяке и Абдерат (Адра).

В VI столетии на северо-восточном побережье Испании появился ряд греческих населенных пунктов: Эмпорион, Денния, Розас. Наиболее крупным из греческих поселений был город Сагунт, расположенный на восточном побережье Иберии, близ современной Валенсии.

Первоначально как финикийцы, так и греки не пытались завоевывать больших областей; они ограничились тем, что утвердились на побережье и подчинили своему влиянию соседние районы путем установления торгового обмена с иберийцами и их вождями. Развитие торговых сношений способствовало распространению среди кельтиберов некоторых культурных навыков, обычаев и понятий, например азбуки Кадма в греческой переработке и культа Артемиды¹. Однако с течением времени колонизаторы, особенно финикийцы, проявили тенденцию к дальнейшему расширению своего владычества, что не могло не вызвать сопротивления кельтиберов. Упорно защищая свою независимость, кельтиберы стали сильно теснить финикийцев. Последние, убедившись в полной невозможности продолжать борьбу собственными силами, обратились за помощью к Карфагену, бывшей финикийской колонии, превратившейся к VI веку до нашей эры в мощное рабовладельческое государство. Алчные правители Карфагена не преминули воспользоваться удобным случаем для вмешательства в дела Иберийского полуострова. Укрепившись в старых финикийских колониях, они пожелали установить собственное владычество не только над местными племенами и своими соперниками — греками, но и над своими союзниками — финикийцами.

Однако почти в течение целого столетия карфагеняне не смогли продвинуться в глубь страны благодаря постоянному, стойкому сопротивлению местного населения. Карфагеняне были вынуждены временно отказаться от дальнейших завоеваний и ограничить свои связи с иберийскими племенами торговлей и вербовкой наемников для своей армии.

Положение резко изменилось в 30-х годах III века до нашей эры. Проиграв войну с римлянами² и лишившись вследствие этого своих владений в Сицилии, Сардинии и Корсике, карфагенские рабовладельцы решили возместить свои потери более энергичной эксплуатацией богатого Ибе-

рийского полуострова: карфагенских купцов привлекали богатства Иберии, военные же вожди рассчитывали усилить свою армию в предстоящей борьбе с Римом пополнениями за счет иберийских племен.

В 237 году до нашей эры карфагеняне приступили к выполнению своих планов: их полководец Гамилькар Барка высадился на южном берегу Иберии и начал наступление. Но несмотря на вражду и разрозненность иберийских племен Гамилькар встретил решительное сопротивление. Подчинив после упорной борьбы племя турдетанов, населявшее плодородную долину реки Бетиса, Гамилькар в продолжение ряда лет вел безрезультатную войну с племенами центрального плоскогорья. Избегая решительных сражений с лучше вооруженным противником, иберийцы проявляли чудеса храбрости при защите горных высот и обнесенных стенами горных укреплений. Устраивая засады, они неожиданно нападали на отдельные отряды карфагенян и уничтожали их. Во время одного из таких нападений в 227 году до нашей эры под мечами горного племени констетанов погиб и сам Гамилькар.

Гибель вождя заставила карфагенян изменить тактику. Сменивший Гамилькара на посту главнокомандующего его зять Гасдрубал начал заискивать перед вождями иберов. Путем дипломатических переговоров, а главное подкупов Гасдрубалу удалось подчинить своему влиянию вождей иберийских племен и таким путем утвердиться на юго-восточном берегу полуострова. Оплотом карфагенских владений в Иберии сделался основанный Гасдрубалом в 227 году до нашей эры город Новый Карфаген³. Последний являлся не только военным арсеналом и гаванью карфагенян, но и защищал богатейшие серебряные рудники, захваченные карфагенянами у местного населения.

Укрепление карфагенского господства в Испании угрожало независимости не только иберийских племен, но и греческих колоний. Не имея силы для самостоятельного сопротивления, некоторые из этих последних, как например Сагунт, обратились за помощью к Риму. Рим, и ранее враждебно относившийся к успехам карфагенян в Иберии, не преминул использовать столь удобный предлог для вмешательства в иберийские дела. Римское правительство потребовало от Гасдрубала ограничения продвижения карфагенян областями к югу от реки Ибера (современная река Эбро) и признания политической независимости Сагунта. Будучи неготовым к борьбе с Римом, Гасдрубал предпочел при-

¹ Артемиды — греческая богиня, покровительница охоты.

² Первая Пуническая война (264—241).

³ Современная военная гавань Картагена.

нять условия последнего и отсрочил тем самым столкновение.

В 221 году до нашей эры Гасдрубал был убит; его преемником стал старший из сыновей Гамилькара Барки — Ганнибал. Последний, с одной стороны, продолжал начатую Гасдрубалом политику сближения с иберийской аристократией, привлекая на свою сторону вождей племен (Ганнибал даже женился на дочери одного из них); с другой стороны, он возобновил военные экспедиции своего отца, силой привлекая на сторону Карфагена независимые племена центральной части полуострова. Значительная часть его армии состояла из самих же иберийцев. В 218 году, считая себя достаточно подготовленным к борьбе с Римом, Ганнибал попал на союзную Риму греческую колонию Сагунт и несмотря на мужественное сопротивление его жителей взял и разгромил город.

Это явилось поводом для начала второй войны между Римом и Карфагеном. Ганнибал двинулся в свой знаменитый поход в Италию, уводя в ряды своей армии десятки тысяч иберийских воинов. Покорность иберийских племен гарантировали многочисленные заложники, взятые карфагенянами из среды местных вождей, и сильная армия, оставленная в Иберии под командой младшего брата Ганнибала — Гасдрубала. Но эти мероприятия не достигли цели и не обеспечили Карфагену владычество в Иберии.

Римский консул Публий Корнелий Сципион, разбитый Ганнибалом при Тицине¹, перебросил свою армию из Северной Италии в Иберию. Еще раньше сюда прибыл его брат Гней. Разбив карфагенского военачальника Ганнона при Сисиссе и разгромив при устье Ибера карфагенский флот, братья Сципионы освободили заложников, взятых карфагенянами у иберийских племен, и привлекли многих из этих последних на сторону Рима. В течение последующих лет они оттеснили карфагенские войска из долины реки Ибера и освободили захваченный карфагенянами Сагунт. Однако в 212 году Гасдрубалу в союзе с кельтиберийским вождем Индибилем удалось разбить и уничтожить римскую армию. Вместе с войсками погибли и оба главнокомандующих. Казалось, что римляне были изгнаны из Иберии окончательно.

Но в 210 году до нашей эры в Иберии появилась новая римская армия под командой сына одного из погибших римских военачальников — Публия Корнелия Сципиона Африканского. Высадившись в устье Ибера, он неожиданно напал на

центр карфагенского владычества в Иберии — Новый Карфаген — и, несмотря на упорное сопротивление гарнизона, овладел городом.

Это был блестящий успех римской армии. В руки римлян попало не только большое количество военных запасов и оружия, но также крупные денежные средства и содержавшиеся у карфагенян в качестве заложников иберийцы. Стремясь привлечь население на сторону Рима, Сципион очень ласково обошелся с иберийскими заложниками и даже даровал им свободу.

В следующем, 209 году он разбил при Бекуле карфагенскую армию, лишенную поддержки иберийских племен, и этим упорядочил римское владычество на восточном и южном побережьях страны. По миру, заключенному между Римом и Карфагеном в 201 году, Иберия официально признавалась частью римской рабовладельческой державы. Однако Сципион и его современники напрасно считали себя владыками Иберии после изгнания карфагенян: прошло не менее двух столетий, прежде чем римлянам удалось превратить Иберию в свою провинцию, хотя таковой она была объявлена ими еще в 204 году до нашей эры.

3

Через несколько лет после завоевания Сципионом восточного и южного побережий Иберии сюда явилась римская сенатская комиссия из 10 членов для обследования быта местного населения и составления условий так называемой формулы управления. «Формула» эта не сохранилась до нашего времени, и потому точно не известно, в какие условия была поставлена Иберия с момента установления римского владычества. Известно только то, что она была разделена по течению реки Ибера на две провинции: *Hispania ulterior* (Испания дальняя) и *Hispania citerior* (Испания ближняя). Каждая из этих провинций получила особого правителя — претора, — соединявшего в своих руках военную, судебную и административную власть. Население лишалось самостоятельности управления и объявлялось данниками римского народа (*stipendiarii populi Romani*). Иберийские племена обязаны были платить огромные подати, так называемые *vectigalia*.

Попытки провести в жизнь эти мероприятия, сводившиеся к полному ограблению и порабощению населения Иберии, вызвали энергичное сопротивление. В Иберии произошел ряд восстаний, которые заставили римлян ограничить свою сферу

¹ Река Тицин теперь называется Тичино, один из притоков реки По.

влияния восточным и южным побережьями. Центральные части страны римлянам пришлось покорять заново, шаг за шагом, преодолевая мужественное сопротивление как отдельных иберийских племен, так и целых союзных объединений последних. Эта крайне ожесточенная борьба продолжалась в течение всей первой половины II столетия до нашей эры.

Походы римских армий в глубь полуострова почти непрерывно следовали один за другим: богатая провинция привлекала к себе алчных искателей наживы и приключений из среды римской сенатской олигархии и всадничества. Здесь, вдали от Рима, можно было не стесняться средствами для составления себе состояний. Обман, насилия, прямой грабеж — таковы были методы римских правителей и их пособников в Испании. Римский историк Тит Ливий сообщает много фактов о систематическом ограблении Иберии, или, как называли ее римляне, Испания: «В то же время возвратился из Испании проконсул Л. Корнелий Лентул... согласно постановлению сената он с овацией вступил в Рим. Он принес 43 тысячи фунтов серебра и 2450 фунтов золота»¹; «в те же дни (в 196 году до нашей эры) Гней Корнелий Блазион, который перед Гаем Семпронием Тудиганом управлял Ближней Испанией, согласно постановления сената, вступил в город с овацией; перед ним несли 1515 фунтов золота, 20 000 фунтов серебра и 34 500 серебряных денариев. Л. Стартий из Дальней Испании... внес в казну 50 тысяч фунтов серебра...»²; в 194 году «М. Порций Катон праздновал триумф над Испанией. При этом триумфе он доставил в казну 25 000 фунтов серебра в слитках, 123 000 серебряных денариев, 540 фунтов оскского серебра и 1400 фунтов золота. Воинам он роздал из добычи по 270 ассов каждому, а всадникам — втрое больше»³.

В 180 году Квинт Фульвий Флакк, возвращаясь из Испании, получил право на триумф: «во время триумфа несли 124 золотых короны, кроме того 31 фунт золота... и 173 200 монет оскской чеканки. Из добычи он роздал воинам по 50 денариев, центурионам вдвое и всадникам — втрое больше и столько же и союзникам латинского племени и всем выдал двойное жалованье»⁴.

Эти бесконечные грабежи не могли не вызвать новых взрывов восстаний среди доведенного до отчаяния населения Испа-

нии. К середине II века до нашей эры иберийские племена начали объединяться в союзы. В 154 году лузитане поднялись против римлян под предводительством Пуника и разбили римские войска, бывшие под командой Манлия и Кальпурния Пизона. В бою погибло до 6 тысяч римлян.

Этот успех вызвал движение против римлян и среди других племен. Лузитане и их союзники обрушились на римские провинции и опустошали подвластные римлянам области Юговосточной Испании. Они дошли почти до самого Нового Карфагена.

На усмирение восставших племен Испании двинулся претор Дальней Испании. Первоначально успех был на стороне римлян, которым удалось овладеть лагерем восставших, но вскоре лузитане вновь собрались с силами и, перейдя в контрнаступление, истребили большую часть римской армии.

Победители захватили римский лагерь, оружие и знамена. «Эти трофеи они разослали с хвастливыми насмешками варварам по всей Кельтиберии»⁵, — пишет об этом эпизоде греческий писатель Аппиан.

Хотя римскому военачальнику Муммию и удалось в последующее время нанести поражение лузитанам, но против Рима поднялись племена беллов и титтов, жившие в центральной части страны. Они отказались от платежа податей и поставили рекрут римлянам и вопреки запрещению Рима пытались поселиться во вновь построенном ими укрепленном городе.

При приближении римской армии под командой претора Нумилиора беллы и титты обратились за поддержкой к более мощному кельтиберийскому племени ареваков. Объединенные силы иберийцев нанесли римлянам тяжелое поражение. На поле сражения осталось до 6 тысяч римских воинов. Но смерть вождя заставила иберийцев отступить под стены их главного города — Нуманции. Это было поселение, расположенное на высоких, почти неприступных скалах, вздымавшихся над рекой Дурием. Нуманция являлась естественной крепостью и не нуждалась в искусственных стенах. Римский полководец собрал свои разбитые войска и пытался атаковать город, выслав вперед вспомогательную нумидийскую конницу и 10 боевых слонов. Пользуясь страхом кельтиберов перед незнакомыми им раньше боевыми слонами, римляне начали оттеснять противников за городские укрепления. Но когда кельтиберы уже начинали отступать, «один из слонов, раненый в голову большим камнем, освирепел и с чудовищным ревом, повернувшись против собственного

¹ Тит Ливий «Римская история». Кн. 31-я, гл. 26-я.

² Там же. Кн. 33-я, гл. 27-я.

³ Там же. Кн. 34-я, гл. 46-я.

⁴ Там же. Кн. 40-я, гл. 43-я.

⁵ Аппиан «Римско-испанские войны». Кн. 6-я, гл. 56-я.

войска, начал топтать без различия, друг это или недруг, — всех, кто ни попадался ему под ноги. Его крик был подхвачен также и другими слонами, и они, наступив так же, разорвали ряды римлян и метнулись на высоты»¹. Наступившей вслед за этим паникой воспользовались иберийцы, и римская армия вынуждена была с позором отступить от Нуманции.

Вслед за тем восставшие уничтожили римский кавалерийский отряд, высланный для сбора союзных вспомогательных войск. Это второе поражение подорвало авторитет Рима во всей северной части полуострова. Город Окилис, в котором находились продовольственные запасы и казна римской армии, передался кельтиберам, и Нобилиор вынужден был зимовать в открытом лагере, что вызвало в римской армии новые большие потери от голода и холода.

В следующем, 152 году неудачливого полководца сменил опытный, знакомый с условиями Испании командующий — М. Клавдий Марцелл. Явившись на театр военных действий с крупным подкреплением, он сумел вновь покорить Окилис. Однако и после этого успеха Марцелл не решился на продолжение военных действий против Нуманции и предпочел заключить перемирие с ее жителями.

По предложению Марцелла племя арваков отправило посольство в Рим для ведения с сенатом переговоров о заключении мира. Но среди послов не было единства. Процесс разложения родового строя вызвал противоречия в среде руководящих кругов племенной аристократии. В то время как одни из вождей арваков искренно думали о защите интересов своего племени, другие члены посольства считали более выгодным для себя господство римлян.

В результате предательской позиции части послов переговоры с арвакским посольством были прерваны и римский сенат принял решение об энергичном продолжении войны для достижения окончательной победы над непокорными племенами.

Предвидя трудности ведения войны, Марцелл предпочел заключить под стенами Нуманции мирный договор, согласно которому арваки, признавая верховное римское господство, давали заложников, уплачивали контрибуцию в размере 600 талантов², но сохраняли при этом внутреннее самоуправление.

Однако мирный договор был вскоре же нарушен римлянами. Прибывший в Испа-

нию новый командующий римскими войсками Луций Лукулл, побуждаемый жаждой славы, а главное, стремившийся грабежом поправить свои пошатнувшиеся материальные дела, без всякого повода со стороны кельтиберийских племен предпринял поход против соседнего с арваками племени ваккеев. Перейдя реку Таг, он подошел к ваккейскому городу Кавке.

Жители Кавки пытались оказать сопротивление, но превосходные силы противника заставили их пойти на переговоры о мире с римлянами. Они выполнили все условия, выставленные Лукуллом: дали требуемых заложников, заплатили 100 талантов и послали всадников на службу в римский лагерь. Лукулл потребовал еще, чтобы в город был принят римский гарнизон. Когда же жители Кавки выполнили и это требование и римские солдаты находились уже в городе, Лукулл дал знак к резне разоруженного и беззащитного населения.

Это вероломное, жестокое избиение вызвало крайнее озлобление всех соседних племен против Рима. При приближении римской армии жители всех селений и городов либо заперли ворота и готовились к обороне либо спасались бегством в горы, угоняя с собой скот и уничтожая все естественные припасы. Лукулл и его армия вскоре оказались в крайне тяжелом положении. Его попытка осадить главный город ваккеев — Палланцию — окончилась полной неудачей: ваккеи преследовали римскую армию до берегов Дурня.

Лукулл отступил на юг, на соединение с наместником Южной Испании Сульпицием Гальбой, и оба они возобновили войну с лузитанами. Гальба совершил не менее замечательный «подвиг» чем избиение жителей Кавки: в 150 году он заключил с лузитанами мирный договор и обещал дать им новые земли для поселения. Когда же лузитане пришли в римский лагерь, надеясь получить обещанное, они были предательски убиты.

Насилия римлян вызвали новый взрыв восстаний в Лузитании и в Северной Испании. Возмущенные иберийцы поднялись против своих поработителей. Из среды лузитан выделился талантливейший военный руководитель Вирнат, нанесший римлянам ряд поражений и устраненный ими лишь благодаря подкупу.

Войны с Вирнатом, продолжавшиеся целых 11 лет, не могли не отразиться и на положении Северной Испании. В 144 году арваки несмотря на противодействие романофильски настроенных вождей вновь выступили против Рима. В течение трех лет они вели напряженную борьбу с римлянами.

¹ Аппиан «Римско-испанские войны». Кн. 6-я, гл. 46-я.

² Страбон «География». Кн. 3-я, гл. 4-я.

Основным оплотом борьбы за испанскую независимость вновь сделался город Нумантия. Нумантийцы героически продолжали борьбу даже в тот момент, когда большинство соседних поселений уже вынуждено было капитулировать перед Римом.

Талантливый военный руководитель нумантийцев Мегаравика разгромил под стенами Нумантии вчетверо превосходящую нумантийцев римскую армию. Потерпевший поражение римский главнокомандующий Квинт Помпей, не надеясь победить героический город, пытался подчинить его Риму дипломатическим путем: он предложил заключить мир, обещая обойтись гуманно с горожанами, требуя лишь выдачи пленников, перебежчиков и заложников, а также уплаты контрибуции в 30 талантов серебра.

Обеспеченные войной, жители Нумантии согласились на условия римского главнокомандующего. Но когда мирный договор уже был заключен и римляне получили большую часть условленной контрибуции, пленников, перебежчиков и заложников, в римский лагерь прибыл новый командующий Марк Пониллий Ленау. Помпей испугался ответственности за заключенный договор. Он не только отказался выполнить его условия, но даже стал отрицать в присутствии нумантийских послов самый факт заключения договора¹. Дело было передано на разрешение сената, и на некоторое время военные действия против Нумантии были приостановлены. Сенат решил, что действия Помпея правильны, и постановил продолжать войну.

Нумантийцы, вновь вынужденные бороться, сражались с неослабным мужеством. Они нанесли ряд поражений как Ленау, так и его преемнику—Гаю Гостилию Манцину. Постоянные неудачи в этой бесконечно затянувшейся войне расшатали боевой дух и дисциплину римской армии. Когда однажды ночью по лагерю пронесся слух о том, что племена кантабров и вакксов двинулись на выручку Нумантии, римлян охватила паника. Без всякого порядка войска Манцина бросили свои позиции и отступили в старый римский лагерь, построенный еще Нобилиором. Нумантийцы воспользовались этим и, окружив римлян, заставили их пойти на капитуляцию. Согласно условиям капитуляции, римляне должны были оставить нумантийцам свои обозы и снаряжение и дать обязательство больше не нападать на Нумантию. Мирные условия подкреплялись клятвами всех руководящих римских военачальников.

¹ См. Аппиан «Римско-испанские войны». Кн. 6-я, гл. 79-я.

Переговоры о мире велась со стороны римлян Тиберием Гракхом. Однако сенат и на этот раз аннулировал заключенный договор, который римские рабовладельцы считали позорным для своего престола. Все руководящие командиры как лица, ответственные за его заключение, были привлечены сенатом к судебной ответственности. Правда, большинство из обвиняемых, в том числе и Тиберий Гракх, сумело уклониться от суда благодаря своим родственным связям. Но бывший консул Манцин был выдан нумантийцам, согласно римским обычаям. В одной рубашке, со связанными за спиной руками, он простоял целый день перед воротами Нумантии и, в конце концов, так и не был принят жителями этой последней, не желавшими признавать недействительность мирного договора.

Война с нумантийцами и с соседними городами продолжалась, принося римлянам все новые и новые неудачи. Позорно кончилась для римлян попытка осады Палланции, предпринятая римлянами в 136 году. В 135 году военные действия под Нумантией почти не производились, так как вновь присланные главнокомандующие Луций Фурий Фила и Квинт Кальпурний Пизон не решились напасть на мужественно обороняющийся город.

Затянувшаяся война в Испании становилась все более и более затруднительной для Рима. Дисциплина в армии падала, солдаты обращались в грабителей и игнорировали приказы командиров. В 136 году вспыхнуло восстание рабов в Сицилии, заставившее римское правительство выделить для его подавления значительные военные силы. Среди самого италийского населения нарастало глубокое недовольство, несколько позднее вылившееся в аграрное движение, руководимое братьями Гракхами. При этих условиях для правительства римских рабовладельцев скорейшее окончание войны с Нумантией сделалось абсолютно необходимым. В Испанию был послан лучший римский полководец, победитель Карфагена Сципион Эмилиан. С помощью жестоких мер он восстановил дисциплину в армии и стянул под стены Нумантии до 60 тысяч солдат. Несмотря на то что в городе оставалось всего лишь около 8 тысяч способных носить оружие, нумантийцы неоднократно пытались вызвать римскую армию на бой. Не решаясь на столкновение с героическим противником, римляне решили задушить нумантийцев голодом: Сципион опустошил окрестности города и окружил его степой окопов.

Очень скоро осажденные стали испытывать острый голод. Один из лучших нумантийских воинов по имени Ретоген сумел пробраться через римские линии и, дойдя до соседнего аревакского города Луции,

обратился к жителям с просьбой выручить гибнущих соплеменников. 400 молодых аревачков согласились пойти на помощь нумантийцам, но родовая аревачская аристократия выдала этот план Сциппиону, и последний, явившись к Луции, приказал отрубить руки всем 400 воинам.

Это предательство решило участь Нуманции. Нумантийцы отправили послов к Сциппиону для переговоров о сдаче. Повидимому, дело не обошлось без предательства, так как, упоминая о сдаче города, географ Страбон говорит: «Нумантийцы упорно выдерживали осаду, за исключением немногих лиц, которые предали город неприятелю»¹. Сципион потребовал сдачи без всяких условий. Когда послы передали населению эти требования, их сочли за изменников и убили. Но голод и распространявшиеся среди истощенных жителей

¹ Страбон «География». Кн. 3-я, гл. 4-я.

эпидемии вынудили, в конце концов, героических нумантийцев сдать город после более чем годовой осады (133 г.). Жителям города Сципион приказал выйти из него, а самый город велел разрушить. Многие нумантийцы оставались на месте, для того чтобы умереть в родных стенах. Отбрав несколько десятков знатнейших жителей для своего триумфа, Сципион приказал остальное население продать в рабство.

Сдача Нуманции заканчивала затянувшуюся войну. Римляне победили, используя разобщенность иберийцев и предательство их аристократии, но и сами они настолько ослабели в результате этой длительной войны, что были не в состоянии продолжать дальнейшие завоевательные походы в северозападной части Иберийского полуострова.

Героическое сопротивление Нуманции и ее гибель не прошли бесполезно: они задержали натиск римлян на северозападные племена Иберии и сохранили свободу этих последних более чем на 100 лет.

В. Бернадский

ФОЛЬКЛОР

НА УРОКАХ ИСТОРИИ СССР В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Подлинную историю народа
нельзя знать, не зная устного на-
родного творчества

(М. Горький)

1

Еще с середины прошлого века русские историки, интересовавшиеся жизнью народа, а не только «историей государства Российского», обращались к памятникам фольклора как к историческим источникам. Так, Костомаров в своей монографии о «Богдане Хмельницком» широко использовал украинские думы. Народные песни об эпохе Богдана Хмельницкого он присоединил в качестве приложения к своей работе. В «Севернорусских народоправствах» две главы были написаны Костомаровым на материале новгородских былин («Новгородский удалец по народному воззрению» и «Народное воззрение на личность купца»).

К фольклору обращался и Ключевский; его известная характеристика великоросса, одно из наиболее ярких мест в I томе «Курса русской истории», написана на основе изучения народных примет и пословиц.

И в наше время произведения фольклора привлекают к себе внимание виднейших ученых-историков. В работах академика Грекова в качестве источников по истории Киевского государства и татарского ига наряду с летописью и «Русской правдой» привлекаются былины, «опоэтизированная история народа, рассказанная им самим»¹.

События прошлого, о которых говорится в произведениях фольклора, не отнесены точно к определенному времени и месту. В них весьма часты и анахронизмы и ана-

топизмы. Изображаемые явления нередко сказочно преувеличены. Конечно, нельзя искать в былинах ответа на вопрос о численности татарских полчищ или о размерах богатств Салко! Но в произведениях фольклора историк найдет материал по таким вопросам, о которых молчат другие источники. Книжеский Киев X—XI веков встает перед нами в былинах с большей яркостью чем в летописях. Днепр с многочисленными судами; сходня, по которым заезжие гости переходят с корабля на пристань или на «крут-бережок»; терема златоверхие, окруженные вишневыми садами; почестные пиры, на которых дружинники хвастают кто силой богатырской, кто казной; гусяры да скоморохи, потешающие богатырей, наконец, широкое «раздольице чистое поле», где «застава богатырская» стережет рубежи Русской земли, — за всеми этими былинными образами можно увидеть реальные черты Киевской Руси.

Приведем другой пример, относящийся к совершенно иной эпохе и иному месту. Материал письменных источников не позволил бы нарисовать такую конкретную картину жизни остяцких князей, как это можно сделать на основе остяцкого эпоса, воспевającego «своеобразных рыцарей северных тундр»².

Надо к тому же иметь в виду, что произведения фольклора являются основным источником, показывающим, как прошлое отражалось в сознании народных масс.

В своих воспоминаниях о Ленине Бонч-Бруевич пишет: «Когда однажды зашла речь об устно-поэтическом творчестве, Владимир Ильич попросил ему показать некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал Ленин. — Я всего просмотрел вот эти книги, но вижу, что нехватает рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».

Обращаясь к письменным источникам: будь то летопись, или переписка Грозного с Курбским, или записки Котошихина, — мы слышим голос то «ученого» монаха, то самодержца и его боярина, то «в приказах поседелого подьячего». Редко сквозь их слова можно расслышать голос народа. Былина же, сказка, поговорка подводят исследователя вплотную к «чаяниям и ожида-

¹ Так академик Греков называет былины (Греков и Якубовский «Золотая орда», стр. 201. Соцэкгиз. 1937).

² Бахрушин «Остяцкие и вогульские княжества XVI—XVII веков», стр. 35, 38. 1935.

Произведения фольклора в курсе истории СССР можно привлекать уже при изучении жизни восточных славян, особенно их верований¹. Обрядовая поэзия, заговоры и заклинания помогают учащимся конкретнее представить себе славянское «язычество». Чтобы показать бессилие древнего славянина перед природой, связь верований с хозяйством славянина, достаточно познакомить учащихся хотя бы с весенними обрядовыми песнями, пользуясь для этого работой Н. М. Никольского. «Для земледельца, — пишет Н. М. Никольский, — важно, чтобы весна не заоздала, пришла вовремя; поэтому с начала теперешнего марта начинали «закликать» или «гукать» весну, звать ее: «Вылети сизая галочка, вынеси золоты ключи, замкни холодную зимушку, отомкни теплое летечко».

Появление весны сопровождалось песнями и обрядами, заклинающими будущий урожай. Песни поются на мотив:

«Весна, весна красна,
Што нам принесла?
С коробку жито вытрясла,
С лукошек — горошек»².

Если в дополнение к этому привести какой-либо заговор от «хворобы»³ или от «криксы»⁴, славянское язычество представит перед учащимися во всей его конкретности. Во многих местах Союза преподаватель сможет привлечь вместо использованных Н. М. Никольским памятников фольклора материал локальный, еще недавно бытовавший в деревне обряды и песни. Подобное конкретное ознакомление со славянским язычеством открывает широкие возможности и для антирелигиозной работы.

При изучении истории Киевского государства, первого государства, созданного предками русского народа, преподаватель истории прежде всего должен использовать

¹ Уже старые историки славянских верований (Афанасьев) и историки русской церкви (Голубинский) обращались к памятникам фольклора. На этот же путь становится и последний историк русской церкви Н. М. Никольский. Работа последнего, вообще далеко не свободная от ошибок «школы» Покровского, дает, однако, много ценных примеров использования фольклора (особенно белорусского) для выяснения характера древних славянских верований.

² Н. М. Никольский «История русской церкви», стр. 30. 1930.

³ «Осинка, сонюка, возьми мою трясику» (этот и следующий пример из книги Никольского).

⁴ «Ступай, крикса, в темное дупло, в совиное гнездо, а сюда не иди и ребят не буди».

былины. Из сборника «Былины» под редакцией Б. М. Волина следует взять следующие: «Илья Муромец и Калин-царь», «Соловей Будимирович», — рисующие образы киевских богатырей; «Вольга и Микула», дающую ополетизированное изображение «полюдь», и быльцу о заезде богатыре Дюке, в которой показан быт киевского общества.

Обращаясь к былинам как историческому источнику, преподаватель должен, конечно, помнить о своеобразии этого источника. Необходимо учитывать, во-первых, то, что былины изображают прошлое в ополетизированной форме, и, во-вторых, что на записанном исследователями XIX—XX веков тексте былины отразилось немало более поздних влияний.

В былинке о Калине-царе в образах трех главных персонажей: «ласкового князя Владимира», татарского царя («собака, вор Калин-царь») и старого казака Илья Муромца — сказывается влияние трех разных эпох: Киев, татары, казаки. В былинке о Вольге и Микуле переплетается изображение Киевской Руси (с типичными киевскими именами Святослав, Вольга, Владимир) с изображением жизни оловенного крестьянина (ратая) и его трудной работы на каменистых полях Карелии. Так воспоминания о далеком Киеве сочетались с близкими крестьянскому образу сельского труда:

«А у ратая сошка поскрипывает
Да по камешкам омешки прочиркивают,
То коренья камня вывертывает,
Да великие он камня вси в борозду
валит»⁵.

Выделение древнейшего исторического остова былины во всех его деталях — работа трудная, но основные черты, какими характеризует народная память Киевскую Русь, выявляются без труда. Большое место в былинах занимает дружина княжеская, пестрая по составу, еще не обособившаяся от массы населения, не замкнувшаяся в господствующий класс. Князь силен дружиной своей, он дорожит ею, жаждет ее, устраивает для нее пиры.

Аналогию былинным описаниям мы находим в известном рассказе летописи о Владимире и его пирах для дружины⁶. Сопоставление этого летописного отрывка с былинами свидетельствует о том, что не вымыслы сказителя почестные пиры, где богатыри за дубовыми столами то величаются своей силою, то ронщут на князя.

⁵ Гильфердинг «Онежские былины». Т. II, стр. 8. 1938 или «Былины» под ред. Б. Волина, стр. 2 (в несколько иной редакции).

⁶ Лаврентьевская летопись под 6504 годом. Т. I, стр. 126. 2-е изд.

Но пары дружинников — только при- сказка в былинне, основное ее содержание — подвиги богатырей, борьба с разбойниками, и самое важное дело — охрана русской земли от хищных степняков. Выдвигая эту борьбу как великий подвиг, былинный эпос доносит до нас то чувство любви к родине, к русской земле, которым были исполнены «русичи»; его можно подметить даже сквозь сухое повествование киевского монаха-летописца, и со всей силой звучит оно в горячих строках «Слова о полку Игореве». В рассказах летописца, и особенно в великой поэме о походе Игоря, встают перед нами образы тех людей, о которых слагались былины.

3

«Слово о полку Игореве» создавалось тогда, когда уже распалось единство «империи Рюрикoviчей»; память о нем еще сильна, но «минули дни Ярослава». Страстный патристический призыв к единству, который так сильно звучит в «Слове» и в котором Марке видел смысл поэмы¹, находит крайне слабый отклик у тяготевших к обособлению феодальных князей.

Наступила пора феодальной раздробленности. Из трех крупнейших русских земель, выдвинувшихся в XII и начале XIII века только «господни Великий Новгород» с его своеобразной социальной политической историей нашел отражение в многочисленных произведениях фольклора.

В школьных исторических занятиях можно ограничиться былинами о Садко и Буслаеве как наиболее богатыми историческим содержанием. Историческое ядро первой из этих восходит к XII веку, к тому времени, когда поездки по Балтике на Готланд и даже в Данию познакомили новгородцев со сказочными богатствами, которые приносила заморская торговля. В новгородской летописи под 1167 годом упоминается некий Сотко Сытинец, построивший церковь Бориса и Глеба, вероятный прообраз былинного Садко.

Былина о Василии Буслаеве связана с социальной борьбой в Новгороде XIV—XV веков. Ею можно иллюстрировать рассказ о восстании 1418 года².

Жизнь современников Киевского государства на Кавказе может быть изображена с большой конкретностью путем привлечения памятников народного творчества. Величавая поэма «бездвестного месха» знакомит с жизнью царей и витязей XII века. Широко используя в своем преподавании бессмертную поэму Руставели, историк,

однако, не сможет ограничиться картиной жизни тех, кто не должен был добывать хлеб насущный в поте лица.

Сопоставляя жизнь героев Руставели с жизнью их поданных, академик Орбели начал свою статью словами грузинского романа XII века: «Тяжелее горы лежали на столах сокровища и богатства, казна и драгоценности, и легче соломинки были заботы пирующих»³. Грузинским феодалам он противопоставил тех, «кто, пройдя в поэме незаметно без лица и без имени, несет на себе и свои личные заботы о пропитании, заботы, которые были тяжелее гор, и тяжесть тревог прекрасных витязей и дам, и тяжесть доспехов царей, царевичей и князей, и княжеств их крепких и сильных, непобедимых в беге коней»⁴. Жизнь этих людей, «чьи заботы были тяжелее гор, а радости мимолетны как соломинка», не нашла прямого отражения в поэме Руставели.

С жизнью кавказского народа в ту пору, с его сознанием можно познакомить учеников по басням Вардана Айгенна, выходя из низов, записавшего в своем сборнике произведения народной мудрости. Басни «Вол и конь», «Церковь и мельница» дают характеристику классовых отношений XII—XIII веков в том виде, как они рисовались трудящимся низам. Светский феодал, «люди, которые постоянно едят верхом и производят опустошение страны», представлен здесь в образе коня, который кичится золотом и серебром, украшающими его. Вол бросает ему в ответ слова суровой правды: «Я тружусь, страдаю и утомляюсь, а потом ты и твой царь едите и все едят мой заработок. А если я не буду трудиться, то ты и твой царь умрете».

Феодальной церкви, высящейся над всем обществом, противопоставлена скромная мельница, требующая признания своих заслуг: «Я день и ночь тружусь и работаю, чтобы священники и прихожане ели, а затем шли к тебе молиться и поклоняться богу»⁵.

Так трудящиеся противопоставляют себя «молящимся» и «воюющим». Басня закрепляет своими простыми и сильными образами представление о классовом строе феодального общества.

Феодальное государство, насильное государство прекрасно изображает басня «Князь и вдова», а басня «Медведь и муравей» указывает, в чем выход для слабых. В этой басне муравей, для того чтобы спастись от медведя, обращается за помощью к осе, к слепню, к комару, к клещу и шмелю,

¹ Марке и Энгельс. Сочинения. Т. XXII, стр. 122.

² Андреев «Русский фольклор», стр. 251—252.

³ «Памятники эпохи Руставели», стр. 139. 1939. Изд. Академии наук СССР.

⁴ Там же, стр. 141.

⁵ Там же, стр. 154.

и все они, объединившись, побеждают сильного¹.

4

Время татарского ига нашло яркое освещение в русских исторических песнях. Для характеристики самих монгольских завоевателей в практике лучших школ широко используются отрывки из «Сокровенного сказания». Написанное в 1240 году в Монголии, это произведение, по характеристике крупнейшего монголоведа академика Владимирова, представляет собой «историко-хронику, переданную эпическим стилем»². По эпической силе образов «Сокровенное сказание» представляет большую ценность для преподавателей.

Если нужно охарактеризовать облик татарского хана и его дружинников, можно обратиться к известной «присяге богатырей» во время избрания Темучина ханом³. Вы найдете в «Сказании» и «портреты» вождей монгольских дружин, четырех главных военных слуг Чингис-хана. «Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец?» — спрашивает найманский хан Таян и получает ответ: «Это четыре пса моего Темучиния, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, едят по ветру, в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; в них текут слюны; они радуются. Эти четыре пса: Чжабо, Хубилай, Чжалма и Субеэтай»⁴.

Если эти слова «Сокровенного сказания» проиллюстрировать известным китайским изображением Субеэтая, в сознании учащихся будет прочно запечатлен образ диких завоевателей. Эти образы подготовят учащегося и к правильной оценке татарского ига.

Привлечение памятников фольклора имеет также огромное значение в ознакомлении с прошлым различных народов нашей страны.

Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова поставили перед преподавателями истории ответственнейшую задачу — расширить рамки традиционного курса русской истории до подлинной истории СССР, знакомящей с прошлым многочисленных народов, образующих великий братский Союз

советских республик. Памятники фольклора дают преподавателю конкретные данные для ознакомления с социально-экономической жизнью, бытом и культурой отдельных народов. Так, в практике ленинградских школ был использован фольклорный материал при изложении истории покорения народов Сибири. В представление учащихся о народах ханту и маньси, о бурятах и якутах было внесено много живых черт из богатейшего фольклора этих народов⁵. Для того чтобы изобразить, например, жизнь якутских богатырей, приводилось описание пира из якутской сказки об Эр-Соготохе⁶. Это описание пира якутских богатырей дало ученикам яркое представление о занятиях якутов скотоводством и звероловством. Перевес русских в военно-техническом отношении был хорошо иллюстрирован якутской загадкой: «Что меньше ягоды, сильнее быка есть?» Порабощение и ограбление якутов было показано на якутском предании о Керэкаэше из сборника «Якутский фольклор» (Изд. «Советский писатель», стр. 196—197. 1936).

Аналогичная работа ставилась в некоторых школах над фольклором народов Средней Азии, над казахским и киргизским эпосом⁷.

Использование историко-революционного фольклора как источника по истории народных движений раскрывает перед учащимися ряд интереснейших моментов.

Историческую ценность песен о крестьянских восстаниях показал еще Пушкин, заботливо собиравший песни о Разине и Пугачеве. В многочисленных песнях о Разине можно найти классовую характеристику движения, данную представителями домовитого казачества:

«Во казачий круг Степанушка
не хаживал,
Он с нами казаками не говаривал,
Ходил, тулял Степанушка во царев
кабак,
Он думал крепкую думушку
с голытьбою»⁸.

Еще ярче самохарактеристика «работничков Стеньки Разина», продолжателей его дела, «людей беглых», «людей бедных»:

«Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Бсауловы все помощнички».

⁵ Фольклор эвельков, к сожалению, остался неиспользованным.

⁶ См. сборник «Якутский фольклор». Изд. «Советский писатель», стр. 77—79. 1936.

⁷ Отрывки приведены в первом альманахе «Творчество народов СССР». М. ГИЛ. 1937.

⁸ Песня эта, записанная еще в XVIII веке Чулковым, пелась на Урале до XX века.

¹ «Памятники эпохи Руставели», стр. 151. 1938. Изд. Академии наук СССР.

² Владимирцов «Общественный строй монголов», стр. 8. 1934. Изд. Академии наук СССР.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 91.

Полна тоски по погибшем атамане трогательная песня о гибели Разина:

5

«Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во камениу Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

Песни о Пугачеве также свидетельствуют о понимании основного смысла движения. Любимой их темой является встреча Пугачева с закоренелыми крепостниками (например песни о Пугачеве и графе Панине).

О непримиримой ненависти Пугачева к крепостникам говорит и известный рассказ о «Пугаче и Салтычихе»¹.

Непримиримость Пугачева по отношению к угнетателям народа рисуется в фольклоре как положительная черта Пугачева. «Пугачевцы перевешали всех господ. За то спасибо пугачевцам», — говорится в мордовском предании о Пугачеве.

Еще более важно подчеркнуть, анализируя песни и сказания о Разине и Пугачеве, что сознание своей правоты сочетается у народа с глубокой верой в победу. Песни о Разине и Пугачеве в полной мере подтверждают мысль А. М. Горького, отмечавшего: «...фольклору совершенно чужд пессимизм, не взирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабочий труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна»². «Мы победим», — говорилось в народных песнях о татарском иге. «Вороненок пойман, но ворон еще летает», — заявлял народ после поражения Пугачева.

Фольклор дает также очень ценный материал по истории революционной борьбы в XIX и XX веках. Солдатские стихи об Аракчееве и военных поселениях, рабочий фольклор конца XIX и начала XX века, песни народов СССР о гражданской войне, о великих вождях трудящихся Ленине и Сталине, о родине, расцветающей под солнцем Сталинской Конституции, — все это является драгоценным материалом для преподавателя истории³. В предстоящем году передовым преподавателям необходимо поставить перед собой задачу — использовать этот яркий материал, помня слова величайшего пролетарского писателя: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества».

¹ «Русский фольклор», стр. 311—312.

² А. М. Горький «Речь на I съезде писателей».

³ Ценным пособием для преподавателя истории является, например, выпущенный редакцией газеты «Правда» сборник «Творчество народов СССР».

В заключение несколько замечаний о методике использования произведений фольклора на уроках истории. В основном они заключаются в изложении преподавателя, читающего или передающего содержание отдельных произведений и затем анализирующего их. Разбор и обобщение, особенно в младших классах, может проводиться путем беседы. Ведется беседа примерно по такому плану:

1. Происхождение памятника и его история (это особенно важно в старших классах, чтобы воспитывать умение критически подойти к памятнику).

2. Пересказ содержания произведения и выделение наиболее важных моментов.

3. Оценка изображаемого события народом. Разбор этой оценки.

При разборе произведения фольклора очень ценным является прием сопоставления, а иногда и противопоставления его письменному источнику (выше приведен пример такой работы — былина и летопись).

Ознакомление с памятником фольклора может быть перенесено и на домашнюю работу учащихся, особенно в тех случаях, когда учащиеся уже знакомы с данным (или аналогичным) произведением на уроках русского языка.

Для согласования своей работы с работой словесника историк должен быть хорошо знаком как с программами по русскому языку и литературе, так и с учебником. В противном случае он рискует потерять время на краткий и сухой пересказ того, что подробно и интересно уже было изложено на уроках русского языка и литературы⁴. Весьма ценной формой самостоятельного задания для учащихся является постановка небольших докладов учащихся на материале фольклора, начиная с простого пересказа одного или группы произведений фольклора.

Наконец, необычайно широко произведения фольклора могут быть использованы во внешкольной работе. Как пример такой работы приводим описание исторического вечера для 8-го класса (по истории СССР до XIII века) в одной из школ Ленинграда⁵. Вечер был задуман как одно из средств повторения пройденного раздела курса. Программа вечера состояла из трех частей:

1. Киевское государство и его борьба с кочевниками.

2. Новгород XII—XIII веков.

⁴ После выхода в свет новых программ вопрос о согласовании работы словесника и историка может и должен быть разрешен совершенно конкретно.

⁵ Преподаватель Ф. Рубанович.

3. Грузия времен Руставели.

«Первая часть вечера, — пишет в своем отчете преподавательница, — состояла в следующем:

1) Краткая историческая справка о борьбе Киевского государства с половцами (сообщение делал один из учеников) и упоминание о литературном значении памятника — «Слово о полку Игореве».

2) Ученица декламирует отрывок «Плач Ярославны».

3) В грамофонной записи дается ряд отрывков из оперы «Князь Игорь» (думали сыграть на рояле, но ребята постеснялись); ария Кончака, ария Владимира, половецкие пляски.

Затем был перерыв (танцы и игры). После перерыва перешли ко 2-му отделению — Новгород XII—XIII века.

1) Историческая справка об управлении, классах, экономике Великого Новгорода и об отражении этого прошлого в былинах.

2) Былины как литературные произведения.

3) Былина о Садко — богатом госте.

4) Пластинка «Песня варяжского гостя» из оперы «Садко».

Третье отделение было посвящено Грузии в эпоху Шота Руставели и Тамары.

1) Историческая справка об эпохе и значении поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Раздается присутствующим набор фотографий, сделанных в Государственном Эрмитаже, — «Грузия эпохи Руставели».

2) Читаются (наизусть) отрывки из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — встреча Автандила с Тариэлем и венчание на царство Тиатшны.

Эта часть произвела громадное впечатление на ребят. После этого перешли к столу (вечер ребята организовали за чашкой чая), а оттуда в другое помещение поиграть и потанцевать.

Вечер очень понравился учащимся. Другие классы просили и с ними устроить такой вечер. Очень хорошо прошла литературная часть. Большую помощь оказала учительница русского языка, она же и воспитательница этого класса Г. И. Горбовская, которая дала консультации и необходимую подготовку по литературной и организационной части вечера».

О. Вейланд

Второй съезд РСДРП. Материалы и документы. Госполитиздат. 1938. 4 руб.

В предисловии к рецензируемому сборнику, изданному к 35-летию II съезда РСДРП, составители пишут: «В сборнике собраны материалы и документы по истории образования РСДРП и появления внутри партии фракций большевиков и меньшевиков... Материалы эти показывают, как под руководством Ленина старая «Искра» и большевики развернули борьбу против «экономистов», эсеров, меньшевиков, в том числе и гнуснейшего из них, ныне фашистского бандита, Троцкого, и других врагов внутри рабочего движения, организовали победу над ними, создали пролетарскую партию в нашей стране».

Составители сборника, следовательно, поставили себе целью собрать документы и материалы, относящиеся не только непосредственно к работе II съезда РСДРП, но освещающие один из важнейших периодов в истории большевистской партии в целом.

«История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», одобренная ЦК ВКП(б), подымавшая на огромную теоретическую высоту вопросы истории большевизма, с предельной четкостью обрисовала основные этапы этого периода и указала на то значение, какое он имел в подготовке настоящей, марксистской партии рабочего класса в России.

Это был период, когда на основе роста революционного рабочего движения, усилившего марксистские социал-демократические организации в России, Ленин выдвинул свой гениальный план построения марксистской партии, боевой централизованной партии рабочего класса, способной руководить его революционной борьбой. Стремясь создать централизованную партию, Ленин преодолевал отсталость, косность и узкий практицизм местных органов. Но важнейшим препятствием на пути создания такой партии были «экономисты», теоретически оправдывавшие кустарщину, организационную распыленность и идейный разброд в партии, проповедывавшие идеологию оппортунизма — хвостизм и самотек. «Экономисты» предавали коренные интересы рабочего класса. Для создания централизованной партии необходим был в первую очередь идейный

разгром «экономизма». Эту задачу выполнила ленинская «Искра». Исключительное значение в этом отношении имела ленинская работа «Что делать?» В этой книге Ленин: 1) первый в истории марксистской мысли обнажил до корней идейные истоки оппортунизма; 2) поднял на высоту значение теории, сознательности в рабочем движении; 3) блестяще обосновал марксистское положение о том, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом; 4) дал гениальную разработку идеологических основ марксистской партии. Разгромом «экономизма» Ленин создал необходимые предпосылки для создания марксистской партии в России.

Когда после громадной работы, проделанной ленинской «Искрой» на II съезде РСДРП, партия была уже создана, новая разновидность оппортунизма — меньшевики — своими раскольническими действиями пыталась разрушить молодую, не окрепшую еще партию. Но Ленин разоблачил и меньшевиков, которые, защищая организационную расплывчатость, по сути дела, заняли место «экономистов» в партии, желая оттащить партию назад, к организационной раздробленности и кружковщине.

Ленинская работа «Шаг вперед, два шага назад» нанесла меньшевистским организационным принципам сокрушительный удар.

Но значение этой работы не только в том, что Ленин отстоял в ней партию и партийность против кружковщины и разгромил оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах: «Ее историческое значение, — говорится в «Истории ВКП(б)», — состоит в том, что в ней Ленин первый в истории марксизма разработал учение о партии, как руководящей организации пролетариата, как основного оружия в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру»¹.

«История ВКП(б)», говоря о подготовке в России настоящей марксистской партии, указывает, что «книга Ленина «Что делать?» была идеологической подготовкой такой партии. Книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад» была организационной подготовкой такой партии»².

Итак, значение освещенного в рецензируемом сборнике периода истории партии заключалось в том, что именно в это вре-

¹ «История ВКП(б)». Гл. II.

² Там же. Гл. IV.

мя были заложены идеологические и организационные основы большевистской партии — партии нового типа.

Как же эти исключительные по своему значению этапы в подготовке большевистской партии отражены в сборнике и как составителям его удалось справиться с взятой на себя задачей?

Сборник состоит из статей и речей Ленина, отчетов, резолюций, обращений «Искры» и ряда местных социал-демократических организаций, статей и заметок «Искры», «Брззолы» («Борьбы»), некоторых речей на II съезде и важнейших резолюций съезда. Материалы сборника разбиты на пять разделов: I. Подъем революционного движения в России в начале XX столетия; II. Ленинская «Искра» в борьбе за образование пролетарской партии; III. Сталин — основоположник ленинско-искровской организации в Закавказье; IV. II съезд РСДРП; V. Борьба большевиков с меньшевиками и примиренцами за партию в 1903—1904 годах.

Сборник открывается статьей товарища Сталина «Ленин, как организатор и вождь РКП» и отрывком из его речи «О Ленине» на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года.

В I разделе сборника подобран материал, который рисует экономическое и политическое положение рабочего класса в начале XX века, его революционную борьбу, а также революционную борьбу крестьянства.

Как известно, в эти годы Россия вступила в полосу тяжелого промышленного кризиса, последствия которого для трудящихся усугублялись голодом, разразившимся в деревне. После статьи В. И. Ленина «Уроки кризиса», разъясняющей общие причины периодических кризисов в капиталистических странах, кризисов, разоблачающих «всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности», следует ряд корреспонденций с мест, помещенных в свое время в «Искре». Статьи и заметки с юга России (Екатеринослав, Одесса, Харьков, Николаев, Мариуполь, Юзовка), из таких промышленных центров, как Петербург, Москва, Рига, Баку и др., говорят о бедственном положении рабочих, о безработице, вызванной кризисом, разоблачают мероприятия царского правительства по «борьбе» с безработицей и голодом. Все эти материалы являют собой образцы тех всесторонних политических обличений, на которых «Искра» воспитывала политическое сознание и революционную активность масс, подводила их к пониманию необходимости свержения самодержавия и капиталистического строя. «Только господ-

ство социализма, за который борются сознательные рабочие всех стран, может положить конец этому преступному соединению роскоши и массовой нищеты» (стр. 22). К осознанию этой задачи ленинская «Искра» приводила рабочий класс.

Материалы сборника описывают картины произвола хозяев, их издевательств над рабочими, полное политическое бесправие последних. В большой выдержке из нелегальной брошюры «Обуховская оборона», напечатанной за границей и распространенной в России в 1902 году, излагается история кровавых событий в мае 1901 года на военном Обуховском заводе в Петербурге, событий, которые оказали значительное влияние на рабочих всей России. Даны также материалы о первомайской стачке в Тифлисе в 1901 году, о батумской демонстрации 1902 года, которая всколыхнула рабочих и крестьянские массы Закавказья, о ростовской стачке 1902 года.

Еще более крупные размеры приняла стачка в 1903 году. Началась полоса всеобщих стачек: в Баку, в Одессе, в Киеве, в Екатеринославе и других городах. В отличие от прежних выступлений рабочего класса теперь почти всюду политической борьбой рабочих руководили социал-демократические комитеты. Грандиозная стачка в Баку в июле 1903 года ярко отражена в корреспонденции в «Искру» из Баку. «Выходят ежедневно прокламации от комитета и стачечного комитета... идешь по улице и видишь: 400—500 человек, окружив молодого парня, жадно слушают речи своего оратора, которому, может быть, приходится впервые говорить... Да, творится нечто замечательное, то, что называется предвестником революции!», — восклицает автор корреспонденции. В сборнике даны материалы о всеобщих стачках и в других городах.

Рабочее движение оказало свое влияние и на крестьянство. В сборнике помещен ряд заметок из «Искры» за время с мая 1902 года по ноябрь 1903 года, в которых рассказывается о борьбе крестьян против помещиков в Полтавской и Харьковской губерниях и в Грузии.

Под влиянием социал-демократической агитации все разрастающееся движение крестьян начинает принимать политический характер. Крестьяне собираются большими группами, слушают чтение социал-демократических листовок. Корреспондент из Новгородской губернии сообщает: «Есть случаи, когда взрослые крестьяне выучивали их (листовки) наизусть». Под влиянием стачек рабочих в Баку, Одессе и Киеве происходят стачки в деревнях.

Документы и материалы I раздела позволяют изучающему «Историю ВКП(б)»

конкретнее ознакомиться с той обстановкой нарастающей революционной борьбы рабочих и крестьян, в которой произошло образование марксистской партии в России, с революционным движением рабочих, на основе которого росли и крепились марксистские социал-демократические организации в России.

Что касается II раздела, посвященного ленинской «Искре» и ее борьбе за образование партии, то ряд основных вопросов борьбы ленинской «Искры» с «экономизмом» не нашел отражения в материалах сборника. Ленинская критика «экономизма», как мы знаем, вскрыла идеологические корни оппортунизма, его теории стихийности и самотека. Составители поместили в сборнике лишь одну главу из «Что делать?» — «Организация рабочих и организация революционеров». Эта глава, конечно, исключительно важна для уяснения вопроса о составе партии, о принципах ее строения, за которые боролся Ленин. Но если уж давать ленинские произведения по отдельным главам (что мы не считаем правильным, так как такие произведения, как «Что делать?», надо изучать целиком), то чем объяснить, что составители сочли не относящейся к теме такую главу, как «Энгельс о значении теоретической борьбы», в которой Ленин со всей силой подчеркнул исключительное значение для партии пролетариата революционной теории, роль которой «экономисты» всячески старались снизить. «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией», — это классическое положение марксизма-ленинизма сформулировано Лениным именно в этой главе. Или такую главу, как глава II — «Стихийность масс и сознательность социал-демократии», — которая заключает в себе гениальные марксистско-ленинские положения о взаимоотношении рабочего движения с социализмом, легшие в основу всей борьбы Ленина за создание революционной партии пролетариата.

Эти серьезные недостатки в сборнике являются прямым отражением того неудовлетворительного уровня в изучении истории ВКП(б), на который еще в 1937 году указывал товарищ Сталин в своем письме к составителям учебника по истории ВКП(б). «Нужно, — писал товарищ Сталин, — ...не только излагать в тоне простого рассказа факты ожесточенной борьбы течений и фракций, но и дать марксистское объяснение этим фактам, указав, что борьба большевиков с антибольшевистскими течениями и фракциями была принципиальной борьбой за ленинизм»¹.

¹ «К изучению истории». Сборник, стр. 28—29. Партиздат. 1938.

Блестящим образцом такого именно изложения является «История ВКП(б)», в которой показаны основы ленинизма в их развитии и действии, показана с большой глубиной та исключительная роль, какую играют революционные идеи в освободительной борьбе пролетариата, в частности то значение, какое имела борьба Ленина с «экономизмом», являвшаяся борьбой за революционную, марксистскую идеологию, против идеологии оппортунизма.

Во II разделе сборника представляет интерес документальный материал, характеризующий работу местных социал-демократических организаций за 2—3 года, предшествовавшие II съезду. Доклады II съезду Петербургского, Московского и Киевского комитетов РСДРП, помещенные в сборнике, дают краткую историю социал-демократических организаций в этих городах, историю напряженной борьбы революционных марксистов с «экономистами» за создание единой, централизованной партии рабочего класса. Документы эти чрезвычайно убедительно говорят о гибельности для дела революционной борьбы пролетариата той организационной раздробленности и идейного разброда, которые проповедывали «экономисты» и за преодоление которых боролась ленинская «Искра».

Особенно упорную борьбу против «экономистов» пришлось вести петербургским искровцам. Кучка петербургских «экономистов», обманым путем пробравшаяся в руководство Петербургского комитета, под крики о том, что-де «централисты одолели к нас, и съезд, и всех, и вся», открыто выступала против общерусской работы и централизма, против участия в Организационном комитете (создан с целью подготовки съезда), отказываясь от поддержки общего паспортного бюро и транспортного дела, всячески срывая создание единой, централизованной партии.

Отсутствие общерусского центра отразилось особенно болезненно на Московской организации. Здесь еще с середины 90-х годов начальник московской охранки Зубатов сумел широко и прочно наладить организацию провокаторов, которые разрушали социал-демократические организации, едва лишь они успевали возникнуть. Распыленным, разрозненным кружкам и комитетам Москвы без помощи и поддержки центра было не под силу вести успешную борьбу с провокацией. Вследствие беспрепятственных провалов социал-демократическая агитация была очень слаба, чем усиленно пользовались зубатовцы, насаждая среди московских рабочих свои полинейские организации.

Киевская организация, принявшая и проводившая в жизнь организационные принципы «Искры», широко развернувшая политическую агитацию, также остро ощу-

пала необходимость централизованной партии, ибо она не в состоянии была удовлетворить все растущую активность масс, все растущие потребности в агитационной литературе. «Развитие движения ставит на очередь новые вопросы, разрешение которых возможно лишь при правильном разделении труда между общерусской и местной работой», — пишут в своем докладе киевские искровцы (стр. 126). То же говорят и многочисленные корреспонденции из других городов. Растущее революционное рабочее движение настоятельно требовало создания централизованной партии.

В результате деятельности ленинских агентов «Искры» социал-демократические комитеты один за другим переходят на сторону «Искры», включаясь в активную борьбу за создание партии. Об этом говорят их резолюции, данные в сборнике. Петербургский комитет в своем «Обращении» ко всем российским социал-демократическим организациям пишет (напечатано в «Искре» 15 октября 1902 г.):

«Сделав все возможное, чтобы в этих достаточно широких и недостаточно подвижных рамках работать над организацией пролетариата, СПб комитет пришел к убеждению, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласия» (стр. 136). Аналогичны решения Московского, Харьковского, Нижегородского и других комитетов. Донской комитет РСДРП в своем обращении пишет:

«Наблюдая жизнь у «источников» ее, мы видим, как стихийный подъем революционных сил опережает рост организаций, как немощна социал-демократия для того, чтобы углубить и использовать революционную энергию пролетариата, превратить назревающий смутный дух мятежа в ясное классовое сознание. Бесспорно, что героические усилия разрозненных «кустарей» ни к чему не приведут, и эту великую и сложную задачу может взять на себя только централизованная партия, могучая своим единством, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и строго организованная» (стр. 140).

Последним из материалов, характеризующих состояние местных организаций, в сборнике помещен обширный доклад организации «Искры» II съезду РСДРП в 1903 году. Кстати сказать, читатель, прочитав в первой строчке доклада слова: «Доклад... написан мною», — так и не узнает, кем же именно он написан. А между тем подпись Н. К. Крупской, автора доклада, стояла в конце предисловия к докладу, но в сборнике она исчезла.

В докладе обрисована та громадная ра-

бота, которая проделана агентами «Искры» на местах по распространению «Искры» и по постройке тех лесов, которые подготовили построение здания самой партии, о которых Ленин говорил в своей работе «Что делать?». В докладе показано, как «Искра» стала общерусской политической газетой, подготовившей идейное и организационное сплочение партии. В исключительно трудных условиях работали искровцы, им пришлось наблюдать «полную оторванность городов друг от друга», «полное отсутствие какой-либо общепартийной организации, которая могла бы помочь «Искре» распространять газету» (стр. 143). По энергичная деятельность членов организации «Искры», их горячая защита организационного плана «Искры», распространение брошюры «Что делать?» оказали свое действие. В ноябре 1902 года создается наконец, русский центр — Организационный комитет. Самый факт создания общероссийского центра был громадным шагом вперед.

Этот доклад целесообразнее было бы предпослать материалам о деятельности отдельных комитетов РСДРП, так как это облегчило бы читателю ориентировку в документальном материале.

Интересный материал содержит раздел III сборника — «Сталин — основоположник ленинско-искровской организации в Закавказье».

Раздел начинается двумя прокламациями, написанными товарищем Сталиным в связи со стачкой рабочих завода Ротшильда в Батуме в 1902 году. Эти листовки являются образцом большевистской агитации, образцом умения поднимать рабочих, исходя из их наиболее животрепещущих повседневных нужд, до понимания ими своих классовых задач. Тщательно и детально, вплоть до мелочей, разработаны в листовках экономические требования рабочих, и в то же время ярко выступает политический характер агитации.

«Не забывают, друзья, — говорится в листовке, — что те права, которые надих потребовали также рабочие заводов Манташева и Хачатурьянца, являются плодом борьбы и лишь тогда имеют они силу, когда мы готовы их отстаивать против ловушек капиталистов и правительства» (стр. 167).

В этом разделе помещен ряд воспоминаний старых рабочих Батума — Котэ Коландарова, И. Д. Хурцилава, Османа Гургенидзе и других, — в которых рассказывается о руководящей работе товарища Сталина в Закавказье в период создания первых социал-демократических комитетов в Тифлисе, Батуме и Баку. Комитеты эти с первых шагов повели работу в ленинско-искровском направлении, спланивая под знамена

революционной социал-демократии рабочих многонационального Кавказа.

Статья из № 2—3 газеты «Брдзола», основанной товарищем Сталиным и А. Кеңхвели в сентябре 1901 года, дает краткую историю рабочего движения на Кавказе с 1899 по 1901 год. В этой статье отчетливо выражено ленинско-искровское направление газеты и со всей силой подчеркивается значение революционной теории, сознательности в рабочем движении. Причину того, что в Закавказье «рабочее движение так рано и так значительно расправило свои крылья», автор видит в том, что «рядом с нашими рабочими стала наша передовая интеллигенция и взяла на себя просвещение и руководство ими. Она основательно изучила рабочее движение в Западной Европе и вдохновителя этого движения — учение революционной социал-демократии». Благодаря работе социал-демократической интеллигенции рабоче «глубоко прониклись с.-д. идеями».

В статье много внимания уделяется и той роли, которую в развитии революционной борьбы рабочих Закавказья сыграл переход от пропаганды к политической агитации.

«Прокламации настойчиво советовали рабочим: объявите борьбу самому правительству, так как, пока вы не обуздаете его, невозможно обуздать самих «хозяев», столь сильным орудием и защитником которых оно является» (стр. 183). В результате этого рабочее движение твердо становится на путь политической борьбы.

Интересна передовая статья «Брдзолы», в которой задачи газеты определяются в четком ленинско-искровском духе. «Газета, как орган социал-демократов, должна возглавлять рабочее движение, указывать ему путь, беречь его от тактических ошибок», — пишется в ней (стр. 198). Цп: «Грузинская социал-демократическая газета должна давать ясный ответ на все вопросы, связанные с рабочим движением, разъяснять принципиальные вопросы, разъяснять теоретически роль рабочего класса в борьбе и освещать светом научного социализма каждое явление, которое видит рабочий» (стр. 199).

Грузинская газета «Брдзола» была верным помощником ленинской «Искры» на Кавказе. «Искру», поскольку она издавалась на русском языке, многие рабочие Закавказья не имели возможности читать.

Раздел IV сборника — «II съезд РСДРП» — начинается со статьи Ленина «Рассказ о II съезде РСДРП», в которой Ленин дает исключительно глубокий анализ работ II съезда в плане показа того, что «раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда». В разделе кроме того даны все речи Ленина, произне-

сенные им на съезде, и все важнейшие резолюции съезда.

Заканчивается раздел выдержкой из «Доклада большевиков Амстердамскому конгрессу в 1904 г.», написанного в августе 1904 г. группой большевиков по инициативе и под редакцией Ленина. Изданный на немецком языке доклад был роздан делегатам конгресса. В нем в противовес антипартийному докладу меньшевиков правильно освещаются история образования РСДРП и причины возникновения в ней фракций большевиков и меньшевиков, принципиальный характер этой борьбы на II съезде и после него.

В V разделе сборника имеется крупный пробел такого же типа и характера, как в разделе II, объясняющийся опять-таки неправильным подходом составителей сборника к вопросам изучения истории партии, при котором история партии отрывается от ленинизма. Раздел, который имеет своей центральной задачей показ по материалам и документам борьбы большевиков с меньшевиками и примиренцами за партию в 1903—1904 годах, совсем обходит такую исключительную по своему значению работу Ленина, как «Шаг вперед, два шага назад», в которой Ленин разгромил оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах и развил те организационные положения, которые стали потом организационными основами большевистской партии. С исключительной силой Ленин подчеркнул в этой работе значение дисциплины для пролетарской партии.

«Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа пекущиеся о меньшем брате!»¹ — говорит Ленин новой «Искре», выступившей с идеями хвостизма и стихийности в организационных вопросах, с рассуждениями о «самовоспитании пролетариата». «Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, — писал Ленин, — с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики» (стр. 308). Ленин в работе «Шаг вперед, два шага назад» разоблачил предательские замыслы меньшевиков, которые лишали пролетариат его единственного оружия в борьбе за власть — организацию.

Если составители, как они указывают в предисловии, поставили себе задачей дать «материалы и документы по истории образования РСДРП и появления внутри партии фракций большевиков и меньшевиков», они должны были дать материалы и документы, освещающие все основные проблемы этого периода.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. VI, стр. 307.

В крайнем случае надо было сборнику предпослать развернутое предисловие, в котором указать на значение не вошедших в сборник по тем или иным причинам документов.

В V разделе помещен материал, характеризующий дезорганизаторскую деятельность меньшевиков после II съезда и отпор, который им был дан местными организациями.

Статьями Ленина «Письмо А. Бебелю» и «Ответ германским товарищам» охарактеризована борьба большевиков против оппортунизма и центризма во II интернационале. Сборник кончается ленинским «Извещением об образовании О. К. и о созыве III очередного съезда РСДРП».

* * *

Подводя итоги, надо сказать, что сборник ценен документальным материалом, рисующим фактическую сторону борьбы большевиков за партию в период до и после II съезда. В этом отношении сборник принесет несомненную пользу пропагандисту и всякому, кто задается целью основательно изучить фактическое состояние рабочего движения и социал-демократических организаций в период с 1901 по 1904 год.

Но сборник, который составлялся до выхода в свет первой научной истории большевизма — «Истории ВКП(б)», — страдает теми коренными недостатками, какие свойственны были преподаванию и изучению истории партии до последнего времени. Вопросы развития основ марксизма-ленинизма в нем не уделено внимания. И каждому работающему по этому сборнику надо иметь в виду, что ряд основных вопросов истории большевизма, относящихся к периоду образования РСДРП и появлению внутри партии фракций большевиков и меньшевиков, в сборнике не получил отражения.

★

А. Молок

Е. ТАРЛЕ. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Соцэкгиз. 1938. Институт истории Академии наук СССР. 280 стр. 6 р. 50 к.

Война 1812 года, самая крупная из войн наполеоновского периода, оказавшая огромное влияние на судьбы всей Европы, издавна привлекала к себе внимание русских и иностранных историков. Интерес к этому крупнейшему событию русской и всемирной истории начала XIX века породил большую литературу, как общую, так и специальную. Не прекращалось

также издание документального материала: мемуаров, писем и дневников современников и участников войны как с русской, так и с французской стороны. Особенно много материалов такого рода, иногда чрезвычайно ценных, было опубликовано у нас в 1912 году, в связи со столетним юбилеем войны.

Несмотря на это общая историческая литература до самого последнего времени не давала правильного научного анализа и правдивого описания драматических событий, разыгравшихся на территории России между июнем и декабрем 1812 года.

Труды русских историков XIX века, занимавшихся этой темой — особенно Михайловского-Данилевского, — безнадежно испорчены слащавой, казенной, монархической точкой зрения. Большинство французских исследований — Сореля, Вандала и других — носит откровенно апологетический характер и совершенно искажает действительность. Оба эти историка отрицают агрессивность Наполеона, который будто бы всегда только оборонялся и на Москве-реке «защищал рейнскую границу».

В советской исторической литературе вплоть до последних лет не замечалось должного интереса к героической эпопее борьбы русского народа с наполеоновским нашествием, борьбы, вызывавшей восхищение современников и наполняющей чувством законной гордости сердца советских патриотов. Объясняется это отрицательным влиянием «школы» М. Н. Покровского, изображавшего войну 1812 года как «войну русских помещиков» против Наполеона и игнорировавшего решающую роль русского народа в разгроме Наполеона.

125-летняя годовщина борьбы с наполеоновским нашествием, исполнившаяся в прошлом году, была широко отмечена советской общественностью как одна из самых славных дат в истории великого русского народа. Политическая актуальность этой знаменательной даты никогда еще не была так велика, как в настоящий момент, когда фашистские агрессоры, ведущие разбойничью войну в Китае и в Испании, открыто готовят нападение на Советский Союз — великую страну победившего социализма, отечество трудящихся всего мира. 125-летняя, а теперь уже 126-летняя годовщина победы русского народа над армиями величайшего полководца в истории застает нашу родину во всеоружии, в полной готовности отстоять свою независимость и нанести сокрушительный удар агрессору.

Выход в свет книги профессора Е. В. Тарле — книги о героизме русского народа — следует всячески приветство-

вать как одно из самых ярких явлений в нашей исторической литературе, как показатель ее роста, ее умения откликаться на политически актуальные вопросы и освещать их с научной глубиной. «Мойм желанием было, — пишет автор, — дать советской общественности только лишь сжатую, краткую, общую работу о 1812 году, доступную по изложению, но вместе с тем обоснованную и сключительно на первоисточниках, а не на той общей литературе (как нашей, так и иностранной), неудовлетворительность которой вполне очевидна. В моей работе я останавливаюсь, конечно, далеко не на всех вопросах, которые возбуждает история событий 1812 года, но то немногое, что в ней дано, является попыткой поставить читателя лицом к лицу с источником, дать читателю хотя и очень неполное и намеренно краткое, но научное, вполне самостоятельное исследование вопроса» (стр. 6).

Цель, которую автор перед собой поставил, им вполне достигнута. Несмотря на сравнительно сжатые рамки книги, она дает исключительно яркую картину событий 1812 года, которые встают перед читателем во всем их грозном величии. Обширная эрудиция и высокое литературное мастерство автора проявляются в этой книге с особенной силой. Она написана живо, убедительно в научном отношении и художественно выразительно.

В основу книги положен большой документальный материал, как печатный, так и неизданный, хранящийся в рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки, в архиве ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (архив графа С. Р. Воронцова) и в ленинградском отделении Центрального исторического архива. Особенно много интересного материала обнаружено автором в коллекциях историков Шильдера и Михайловского-Данилевского, которые сами очень мало использовали собранную ими большую документацию. Из печатных источников автор широко использовал переписку Наполеона, переписку Александра I, мемуары современников, публикации архивного материала, вышедшие в 1912 году, и многое другое.

Первая глава книги («Перед столкновением») дает краткую, но запоминающуюся картину положения в Европе накануне войны 1812 года. Автор характеризует тогдашнее могущество наполеоновской империи и страх, который испытывала перед нею почти вся Европа: «Безмолвие царило в утраченной Европе. Современники утверждали, что позднейшим поколениям очень трудно понять политическую атмосферу тогдашней Европы. Князь

П. А. Вяземский, друг Пушкина, писал впоследствии: «Наполеон был равно страшен и царям и народам. Кто не жил в ту эпоху, тот знать не может, догадаться не может, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица, более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра зависела от прихотей тюльрийского кабинета или от боевых распоряжений наполеоновской главной квартиры. Все было как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно» (стр. 15).

Наполеоновский гнет вызывал огромное недовольство среди поработанных им народов. Испанский народ героически сражался за свою национальную независимость, и наполеоновские генералы оказывались бессильными справиться с ним. Но в Германии, в Италии и в других частях Западной Европы власть императора французов была еще очень сильна. Еще сильнее была она в самой Франции. Правда, недовольство замечалось и тут (и среди крестьянства, и среди рабочих, и среди известной части буржуазии), но открыто оно еще почти не проявлялось. Гораздо большее значение имели для Наполеона затруднения внешнеполитического характера — неудача континентальной блокады против Англии и непрочность русско-французского союза. Франко-русские отношения продолжали ухудшаться и с конца 1810 года вступили в полосу крайнего напряжения. Захватническая политика Наполеона, его стремления к мировому господству, систематическое нарушение им экономических и политических интересов России — все это делало неизбежным разрыв и войну. Проследившая развитие франко-русских отношений накануне войны 1812 года и останавливаясь на честолюбивых замыслах Наполеона, считавшего, что для него на свете нет ничего невозможного, профессор Тарле вполне резонно ставит под сомнение позднейшие заявления французского императора о том, что, «удайся поход 1812 года, он, Наполеон, совсем успокоился бы, уже не воевал бы, объезжал бы свои владения, помогал бы страждущим, наводил бы порядок и справедливость и т. д.» (стр. 39). В действительности цели войны, которую Наполеон затевал против России, шли очень далеко и включали в себя завоевание Индии для пансесения там удара Англии.

Уже в этой первой главе книги профессора Тарле рассыпано немало удачных характеристик и метких определений лиц и событий того времени.

Так например, описывая пребывание Наполеона в Дрездене в мае 1812 года и

отношение императора Французов к своим вассалам — немецким князьям, — авторронически замечает: «В общем он был благосклонен, ни на кого из них не накричал, никого не лишил престола, и вернулись они по своим столицам из Дрездена без всяких повреждений» (стр. 37).

Очень метко охарактеризован прусский король, дошедший к тому времени «до последней степени запуганности»: «Он трепетал, как осенний лист, перед своим страшным победителем... А король Фридрих-Вильгельм III умел трусить. Это было единственное, что он умел делать» (стр. 22). Но трусость, как известно, не исключает вероломства.

Готовясь по приказу Наполеона принять участие в войне с Россией — своим вчерашним союзником, — король Фридрих-Вильгельм уже заранее выпрашивал у французского императора уступки Курляндии, Лифляндии и Эстляндии: «Когда Марш... доложил императору о притязаниях Пруссии, Наполеон по этому поводу зло заметил: «А клятва над гробом Фридриха?». Это он вспомнил о сентиментальной комедии с клятвами о вечной любви и дружбе, разыгранной Александром I, Фридрихом-Вильгельмом III и королевой прусской Луизой в октябре 1805 года в потсдамском мавзолее» (стр. 23).

Шаг за шагом описывает профессор Тарле во второй и третьей главах своей книги движение «великой армии» Наполеона с момента ее вторжения на русскую территорию, действия русских войск, тактику отступления, принятую Барклайем ввиду громадного превосходства сил противника, неудачные попытки Наполеона помешать объединению обеих русских армий (Барклай и Багратион) и разбить их, начавшийся упадок дисциплины во французских войсках, неслыханные грабежи и насилия, совершавшиеся ими над населением, бой под Смоленском и героическую стойкость, проявленную русскими солдатами в этом первом крупном сражении кампании 1812 года.

В четвертой главе («От Смоленска до Бородина») автор знакомит читателя с личностью Кутузова — человека, которому «пришлось навсегда связать свое имя с одним из величайших событий русской и всемирной истории и навсегда остаться в людской памяти в качестве истинного представителя русского народа в самую страшную минуту существования России» (стр. 115). Яркими красками обрисовывает автор привлекательный образ старого полководца: «Суворов ставил его много выше других своих соратников». «Хитер, хитер! Умен, умен! Никто его не обманет», — говорит о Кутузове Суворов. Но не только

хитрость и ум ценил в нем знаменитый его начальник: «Громадные стратегические способности, личная несокрушимая, спокойная храбрость, очень большой военный опыт на командных постах, широчайшая популярность Кутузова в населении и армия — все это ставило старого генерала на совсем исключительное место в данный момент» (стр. 116). «...Говоря с солдатом, он делался таким же немудрящим, простым, чистым русским человеком, как сам солдат, сердечным и благожелательным делушкой. Его любили и ему верили в армии, как никому другому после смерти Суворова» (стр. 118).

Кутузова окружала целая плеяда замечательных военачальников: Багратион, Ермолов, Толь, Раевский, Пезеровский, Коповницын, Дохтуров и другие. Но сколько бездарностей толпилось в штабах! Выясняя историческую роль Кутузова, автор одновременно показывает всю ограниченность Александра I и его ближайших советников, разоблачает интриги, которые велись против старого фельдмаршала генералом Беннигсеном, неустанно на него клеветавшим. Вынужденный в самом начале военных действий оставить армию, где его присутствие только вредило операциям, царь провел всю кампанию в Петербурге и пытался отсюда распорядиться передвижением войск. Кутузова он не любил как человека, стоявшего далеко от придворных кругов, и назначил его лишь под давлением общественного мнения, требовавшего смещения Барклая.

Существует много описаний Бородинского сражения, о котором Наполеон говорил незадолго до своей смерти: «Самое страшное из всех моих сражений — это то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми».

Русские потеряли в этом сражении 58 тысяч человек из 112 тысяч, французы — 50 тысяч из 130 тысяч. Рассказ о бородинской битве занимает в книге профессора Тарле небольшую главу в 10 страниц. Но при всей своей краткости глава эта дает читателю достаточно отчетливую картину боя. Мужество, проявленное здесь русскими людьми, выступает во всем своем блеске. Ограничусь одним примером, который приводит автор: «Начальник штаба 6-го корпуса Монахин получил две раны штыком и успел еще крикнуть солдатам перед третьим натиском французов, указывая на батарею: «Ребята, представьте себе, что это Россия, и отстаивайте ее грудью!». В этот момент пуля попала ему в живот, и Монахиня унесла с поля битвы» (стр. 133).

Он прожил еще несколько дней; узнав об оставлении Москвы, он сорвал со своих ран повязки и потек кровью (стр. 133).

«Бородино оказалось, в конечном счете, великой моральной победой русского народа над всеевропейским диктатором...» — таков вывод, к которому приходит Тарле. И факты полностью подтверждают этот вывод: «Наполеон вечером первый отвел свои войска от поля битвы, еще до приказа Кутузова об отходе. Отступала русская армия от Бородина до Москвы и дальше в полном порядке. А самое главное, тени уныния духа не было в русских войсках.

Независть и чувство мщения были сильнее чем до Бородина» (стр. 137).

Оставление Москвы армией и населением, вступление в нее французских войск, пожар Москвы — таково содержание следующей, шестой главы книги профессора Тарле. Образный язык автора усиливает волнующий драматизм описываемых им событий. Очень удался автору портрет Ф. В. Ростопчина, московского генерал-губернатора, «крикливого фанфарона, производящего такое жалкое впечатление на фоне трагических событий: «Дома с женой, офрануженной католичкой, он говорил только по-французски, со своими друзьями тоже говорил по-французски, русской литературы он совсем не знал, и, хотя умер в 1826 году, нет никаких признаков, чтобы он подозревал, например, о существовании Пушкина или Жуковского. И этот-то великосветский барин вздумал прикинуться каким-то бойким московским мастеровым, да еще таким, который разговаривает не натошак, а уже успев, отчасти, подвыпить. Ни малейшего впечатления его целые афишки на народ не производили» (стр. 148).

Наибольший интерес представляет сельская глава рецензируемой книги, озаглавленная «Русский народ и нашествие». Здесь перед читателем разворачивается величественная картина пламенного патриотизма, проявленного народными массами России в борьбе с неприятельским вторжением: «Рекрутские наборы следовали один за другим и встречались народом не только безропотно, но с неслыханным и немилым прежде одушевлением» (стр. 177). «Наполеон вторгся в Россию в качестве завоевателя, хищника, беспощадного разорителя и ни в малейшей степени не помышлял об освобождении крестьян от крепостной неволи» (стр. 175). Крестьянские восстания против помещиков не получали никакой поддержки со стороны французских оккупационных войск, более того — беспощадно подавлялись этими войсками. Далеко отошли в прошлое те времена, когда

армии французской республики, защищая свою страну от иностранных интервентов, вели на своих штыках свободу немецкому крестьянину или итальянскому ремесленнику. Констреволуционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из освободительных в завоевательные, грабительские, империалистские. Эта ленинская оценка характера наполеоновских войн¹ целиком подтверждается всей историей нашествия 1812 года. «Армия Наполеона нягде решительно... не вела себя так необузданно, не убивала и не истязала население так нагло и жестоко, как именно в России» (стр. 176). Ответом на эту жестокость был огромный подъем патриотизма, охвативший многомиллионную народную массу, грудью еставшую на защиту своей родины. Автор приводит интереснейшие данные о партизанском движении 1812 года, активное участие в котором приняло крестьянство. Перед читателем проходят фигуры вождей крестьянских партизанских отрядов: Герасима Бурипа, который со своими односельчанами очищал Богородский уезд от французских мародеров, Четвертакова, организатора партизанского отряда, который своими геройскими подвигами стяжал себе огромную популярность (одно время в его отряде было до 4 тысяч крестьян), Еремлая Васильева, Федора Онуфриева, старостях Василисы Кожиной и других безвестных героев. Описанию смелых действий партизан, среди которых особенно выделялся своей легендарной храбростью подполковник Денис Давыдов («поэт-партизан»), в книге профессора Тарле отведено много ярких страниц, иллюстрированных портретами наиболее замечательных деятелей этого движения. «Наполеон подсчитывал в своей стратегии количество своих войск и войск Александра, а сражаться ему пришлось с русским народом, о котором Наполеон позабыл. Его-то рука и нанесла величайшему полководцу всемирной истории непоправимый, смертельный удар... Русское крестьянство, сражалось ли оно в двенадцатом году в муницах или в зипуне, стяжало себе бессмертную славу» (стр. 184).

Иным было поведение купцов, которые, правда, жертвовали на борьбу с неприятелем большие суммы, но в то же время и наживались на войне, спекулируя на патриотических чувствах народа и бессовестно обогащаясь на торговле предметами вооружения (сабля, например, сразу вздорожала с 6 рублей до 30 и 40, ружье — с 11—15 рублей до 80), на интендантских поставках. Не лучше вело себя и дворянство: «В большинстве случаев нельзя при-

¹ См. В. И. Ленин. Т. XIX, стр. 181.

нимать за чистую монету всех этих помещичьих заявлений о пожертвованиях, приносивших на алтарь отечества» (стр. 189).

Приводимые профессором Тарле документы совершенно разрушают легенду о бескорыстии дворянства, якобы проявленном им в 1812 году: «Но наиболее резкий контраст героическому самопожертвованию народных масс являло то, что происходило в верхах... Царский брат, псаревич Константин Павлович, укрывшись от войны в Петербурге, даром времени не терял. Он представил в Екатеринославский полк 126 лошадей, прося за каждую 225 рублей. Экономический комитет ополчения сомневался, отпустить ли деньги, находя, что лошади оных не стоят». Но государь приказал, и Константин получил 28 350 рублей сполна, а затем лошади были приняты: «45 сапатов застрелены немедленно, чтобы не заразить других, 55 негодных велено продать за что бы то ни было, а 26 причислены в полк». «Это было,— замечает Тарле, — единственной услугой, оказанной отечеству Константином Павловичем в 1812 году» (стр. 190). Характерны и приводимые в книге данные об отрицательном отношении высшего начальства к крестьянской партизанщине, о попытках разоружения крестьян, взявшихся за оружие для борьбы с неприятелем (стр. 240). Так велик был страх правительственных кругов перед возможностью новой пугачевщины!

С большим интересом читаются и последние три главы книги Тарле: «Тарутино и уход Наполеона из Москвы» (глава 8-я), «Отступление великой армии, Малоярославец и начало партизанской войны» (глава 9-я), «Березина и гибель великой армии» (глава 10-я). В сжатом очерке нельзя было, конечно, подробнее остановиться на пребывании Наполеона в Москве, на его попытках навести в ней «порядок», на деятельности организованного им бутафорского «муниципалитета», не проявившего, впрочем, почти никаких признаков жизни. Зато очень ярко описаны тщетные попытки Наполеона добиться заключения мира, неудача миссии генерала Лористона к Кутузову и вынужденное отступление французской армии из Москвы.

Жаль только, что автор не привел здесь выдержек из записок сержанта Бургона, дающих весьма красочное изображение разложения «великой армии» во время пребывания в Москве и при ее оставлении. Мемуары эти, изданные в 1910 году, были использованы Лениным при написании работы «Социализм и европейская война». «Мой ранец был хорошо наполнен, — рассказывает Бургонь, — я имел много фунтов сахара, рису, немного бисквитов, полбутылки ликера, шолковый костюм китайки, питый золотом и серебром, много золотых и серебряных вещей, среди кото-

рых находился кусок креста с колокольни Ивана Великого... Я имел также парадную форму, черный бархатный женский плащ, две серебряных ризы, кроме того, много медальонов и плевательницу какого-то русского князя, украшенную драгоценными камнями». Такой вид, вид шайки грабителей, приобрела в это время большая часть наполеоновской армии.

Очень интересны странички, где описываются интриги английского генерала Вильсона, состоявшего при штабе Кутузова, направленные против тактики фельдмаршала, избегавшего лишних столкновений с отступающей армией Наполеона, гибель которой и без того была теперь неизбежна. Кутузов не хотел в угоду иностранным союзникам, ради преуспевания английской торговли или немецкой военной мощи, жертвовать кровью русских солдат, на которую так щедры были все эти иностранцы, добивавшиеся перенесения войны за пределы России. Кутузов считал, что с изгнанием врага с русской территории цель достигнута.

Последняя глава книги, описывающая заключительный этап войны 1812 года — период от 17 ноября, когда французская армия двинулась из Смоленска, до 14 декабря 1812 года, когда последние французские солдаты перешли через Неман на прусский берег, — написана с большим мастерством. Картина гибели «великой армии», преследуемой русскими войсками, погибавшей от нестерпимого голода, вынуждавшего французов есть трупы своих товарищей, и от страшного холода, — эта жуткая картина агонии наполеоновских войск изображена автором с большой художественной выразительностью.

Около 30 тысяч человек — это было все, что осталось к концу войны от «великой армии», насчитывавшей в момент ее вторжения на русскую территорию 420 тысяч человек, к которым присоединилось затем еще 150 тысяч. Наполеону удалось избежать русского плена. Но его господству во Франции и Европе был нанесен удар, от которого наполеоновской империи уже не суждено было оправиться. Разгром «великой армии» в России в 1812 году явился сигналом к восстанию всей закабаленной Наполеоном Европы против его владычества. Когда первые отряды русских войск вступили в январе 1813 года на территорию Пруссии, их приветствовали радостными возгласами: «Русские освободители идут!». «Это особенно полезно припомнить теперь,— подчеркивает профессор Тарле,— когда в гитлеровских учебниках для средней школы повествуется об освобождении Пруссии в 1813 году почти без упоминания о русском 1812 году, а упоминается о 1812 году главным образом лишь затем, чтобы пояснить, что если бы тогда не на-

стала случайно морозная погода, то Россию поминай как звали» (стр. 277).

«Для самой России,— указывает далее автор,— последствия Отечественной войны были также огромны. Не морозы и не пространства России победили Наполеона: его победило сопротивление русского народа. Русский народ отстаивал свое право на независимое национальное существование и сделал это с такой неукротимой волей к победе, с таким истинным, презирающим всякую шумиху героизмом, с таким полемом духа, как никакой другой народ в тогланем мире кроме одного только испанского» (стр. 278).

Двенадцатый год понимался молодыми поколениями 1812—1825 годов в позднейшими как борьба за свободу, как избавление от того добавочного иноземного угнетения, от тех новых пепей, которые нес с собой в Россию Наполеон. «Вся русская умственная культура, русское национальное самознание получали могучий толчок в грозный год нашествия» (стр. 279). «Русский народ не есть народ обыкновенный, заговорили люди России после двенадцатого года. В нашу эпоху русский народ повел все другие народы, населяющие наше великое государство, на работу по созданию первой в мировой истории социалистической страны, не знающей ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Но, чтобы иметь возможность это сделать, нужна была полная национальная независимость, ничем не ограниченная свобода распоряжения собой и своей страной. Это великое благо, это необходимейшее условие всякой плодотворной работы русский народ ревниво старался охранять в течение всей своей истории, по крайней мере, с тех пор, как сознал себя народом. Это испытали поляки в начале XVII века, шведы в начале XVIII века, Наполеон в начале XIX века» (стр. 280).

Все эти мысли и выводы, правда которых неоспорима, изложены профессором Тарле в заключении к его книге. Заключение это является хорошей концовкой всей книги, проникнутой горячей любовью к советской родине и ненавистью к ее врагам. «Могут ли быть теперь великому русскому народу страшны мелкотравчатые фашистские хищники, окружающие его и мечтающие что-нибудь урвать у него? «Затем ли свергнули мы льва, чтоб пред волками преклоняться?» — спрашивал Байрон после падения наполеоновской империи. Затем ли русский народ победил непобедимого гиганта, чтобы через 125 лет уступить свое достоинство или право распоряжаться собой ничтожным в умственном и нравственном отношении пигмеям, сильным исключительно безнаказанностью, которую до поры до времени встречает их наглость?» (стр. 280).

Нет, народы Советского Союза никому никогда не уступят права распоряжаться собою. Объединенные в единую братскую семью, руководимые великой партией Ленина — Сталина, трудящиеся СССР готовы в любой момент дать сокрушительный отпор любому агрессору, который посмеет бы покуситься на границы священной советской земли. Ведь если 126 лет назад русский народ, закабаленный царской крепостнической монархией, смог отстоять свою родину от нападения грозного врага, перед которым склонялась почти вся Европа, то какой же уничтожающий удар будет нанесен фашистскому агрессору свободным и счастливым советским народом!

Советский читатель с большим интересом и пользой прочтет книгу профессора Тарле: она даст ему новую духовную зарядку для борьбы со всеми врагами нашей великой родины. С внешней стороны книга издана прекрасно и иллюстрирована старинными портретами и рисунками (Теребенева).

★

И. Ивашин

Ф. ЭНГЕЛЬС «К истории древних германцев». Партиздат. 1938. 150 стр. 1 руб.

Выпуск отдельным изданием сборника Ф. Энгельса «К истории древних германцев» является ценнейшим подарком для историков и широких кругов читателей нашей страны. В рецензируемый сборник вошли две вновь опубликованные работы Энгельса — «К истории древних германцев» и «Франкский период» — и одна работа («Марка»), изданная еще при жизни автора.

Помещенные в сборнике работы Энгельса в основных чертах охватывают последовательно весь период раннего средневековья.

В своих работах Энгельс выявил обширнейшую источниковедческую эрудицию, непревзойденное мастерство в технике исследования, глубину и точность марксистского анализа, размах и широту обобщений.

В работе «К истории древних германцев» Энгельс исследует и разрешает вопрос о происхождении германских племен. До выхода работ Энгельса советские историки либо обходили эту проблему молчаливым либо ограничивались указанием на то, что она является трудной и неразработанной. Между тем правильное, марксистское разрешение этого вопроса приобретает особое значение теперь, когда фашистские фальсификаторы и ликвидаторы

науки в Германии всячески его извращают в своих интересах. Энгельс устанавливает, что немцы — отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время, что задолго до немцев в Европе было много других обитателей и переселений: «Самыми ранними пришельцами были греки и латины, завладевшие обоими юго-восточными полуостровами Европы; тогда же, вероятно, пришли и ныне исчезнувшие скифы, обитатели степей к северу от Черного моря... Затем следовали кельты»¹. Вслед за кельтами пришли германцы. «...для них мы уже с некоторой долей достоверности можем установить, по крайней мере приблизительно, время переселения. Оно едва ли началось задолго до —400 г. и еще не вполне закончилось во время Цезаря»². Из этого вытекает, что разглагольствования фашистских «расоведов» о неполноценности других народов, живущих в Европе, и об «искожном» господствующем положении германцев в Европе являются бредом современных каннибалов. Вновь опубликованные работы Энгельса, следовательно, блестяще подтверждают образную характеристику фашистского «расизма», которая дана товарищем Сталиным. Эта характеристика гласит: расовая «теория» фашизма «...так же далека от науки, как небо от земли»³.

Далее, Энгельс исследует вопрос об образе жизни германцев в эпоху Цезаря. Проанализировав исторический материал, Энгельс пришел к выводу, что германцы в эпоху Цезаря еще не являются вполне оседлыми людьми. «Они, — говорит Энгельс, — далеко не такие номады, как современные азиатские кочевые народы. Кочевому быту место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были также далеки и от стадии оседлых крестьян»⁴. Этот вывод Энгельса разоблачает рассуждения фашистского «историка» Бюллера о том, что германцы не знали ни каменного века, ни первобытного коммунизма, что они представляли исключение из числа других народностей.

В связи с вопросом об оседлости древних германцев находится вопрос и об их главным занятии, который также нечерпывающе разрешается Энгельсом в анализируемых работах. Энгельс указывает: «Они занимаются земледелием, но лишь между прочим, и притом самым диким первобытным способом»⁵. «Они, —

говорит он, — живут главным образом скотоводством, питаются сыром, молоком и мясом, меньше — хлебом...»

В дальнейшем анализе Энгельс прослеживает прогрессивные изменения в жизни германских племен. Он указывает, что после столкновения с римлянами (в бассейне Рейна и Дуная) германцы начинают постепенно оседать: «Римское сопротивление на Рейне, а затем на Дунае кладет предел этому переселению, ограничивает владения германцев занятой ими до сих пор территорией и таким путем принуждает их перейти к оседлому образу жизни»⁶.

«Эпоха между Цезарем и Тацитом, — говорит Энгельс, — представляет, таким образом, первый большой отрезок немецкой истории — окончательный переход от кочевой жизни к оседлости, по крайней мере для большей части народа, от Рейна до областей, лежащих далеко за Эльбой»⁷. Окончательное оседание на земле сопровождалось прогрессивным развитием их хозяйства. Земледелие становится важнейшим занятием германцев.

Германцы в эпоху Тацита уже торговали с соседними народами. Энгельс приводит перечень предметов, которые являлись предметом купли и продажи, но вместе с тем указывает, что торговля носила характер простого обмена и в эпоху Цезаря и Тацита была очень незначительна. Эпоха после Тацита знаменуется хотя медленным, но все более прогрессивным развитием хозяйства германцев. На стр. 44—48 Энгельс разбирает этот процесс самым тщательным образом. Итог своего исследования он дает на стр. 48, где говорится: «В результате нашего исследования мы приходим к заключению, что германцы в период от Цезаря до Тацита сделали значительный шаг вперед по пути цивилизации, но что после Тацита, до эпохи переселения народов, примерно до 400 г., они сделали еще гораздо большие успехи. Торговля проникла к ним и принесла продукты римской промышленности, а вместе с ними, по крайней мере в известной степени, и римские потребности; она вызвала к жизни отечественную промышленность, которая исходила, правда, из римских образцов, но развивалась при этом совершенно самостоятельно. Находки в шлезвигских болотах представляют первый этап этой промышленности, время которого может быть установлено: находки из эпохи переселения народов — второй этап, указывающий на более высокую ступень развития... прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми

¹ Ф. Энгельс «К истории древних германцев», стр. 12.

² Там же, стр. 13.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 546.

⁴ Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 17.

⁵ Там же, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 20.

мореплавателями; повсюду сильно растет численность населения...»¹.

На стр. 22—36 Энгельс развертывает картину взаимоотношений германских племен с римским государством. Он показывает попытки римлян поработить германцев, т. е. включить их в орбиту рабовладельческой империи.

Энгельс показывает подлинную историческую картину того, как германские племена защищали свою независимость и демократические порядки. Когда Друз, говорит Энгельс, опустошал Германию, он везде встречал энергичное сопротивление.

Аричный римский полководец Вар вызвал своими насилиями такое единство среди германцев, которого они до сих пор никогда не могли добиться. Энгельс исторически точно определяет место и роль Арминия в этой борьбе германцев за свою независимость. Называя Арминия умным полководцем и политиком, который ставил своей задачей положить конец господству римлян на правом берегу Рейна, Энгельс в то же время критикует чрезмерное преувеличение роли Арминия немецкими шовинистами, заявляя, что «...только ребячеством было построение фантастического памятника Арминию у Детмольда»². Эти положения Энгельса, основанные на анализе исторических фактов, вдобавок разбивают попытки фашистских фальсификаторов истории представить Арминия в качестве «спасителя» и «мессии» германского народа.

В другой работе, «Франкский период», Энгельс проследживает историю Европы в VI—VII—VIII и IX веках, и здесь он разрешает целый ряд проблем, которые до сих пор казались историкам или туманными или спорными. Прежде всего он выясняет сущность и историческую роль марки. Важнейшие проблемы, связанные с вопросом о строе марки, разрешены были Энгельсом ранее в его специальной работе «Марка». Он говорит: «Строй марки оставался до конца средневековья основой почти всей жизни германской нации. После полутора тысяч лет своего существования этот строй начал, наконец, постепенно разлагаться в силу чисто экономических причин. Он распался под влиянием хозяйственного прогресса, которому больше не соответствовал. Нам предстоит ныне последовать его упадок и окончательное исчезновение: мы установим, что его остатки существуют еще до сих пор. Но если ему удалось так долго сохраниться, то это произошло за счет его политического значения. На протяжении столетий он слу-

жил формой, в которой осуществлялась свобода германских племен. Затем он становится основой тысячелетнего народного рабства»³. До переселения народов строй марки (общинный) господствует среди германских племен. Но в эпоху переселения народов и после этого он быстро начинает разлагаться.

Далее, Энгельс вскрывает процесс развития частнособственнических отношений в области землевладения.

Указав на общие предпосылки возникновения крупного землевладения, Энгельс показывает во всей полноте источники средства его дальнейшего роста. Отвечая на вопрос: как же возник этот класс крупных землевладельцев?—Энгельс констатирует: «Во-первых, мы знаем, что и после франкского завоевания в Галлии сохранилось много крупных римских землевладельцев, поместья которых в большинстве случаев обрабатывались свободными или зависимыми поселенцами, платившими оброк (сапон). Затем мы видели, как благодаря захватническим войнам королевская власть сделалась у всех переселившихся германцев постоянным учреждением и реальной силой, как она превратила старую народную землю (Volkland) в королевские домены, а также включила в свои владения римские государственные земли. В течение многочисленных гражданских войн, которые были вызваны разделами империи, владения короны непрерывно росли за счет массовых конфискаций земель так называемых бунтовщиков. Но они расточались так же быстро, как росли, на дарения церкви и частным лицам— франкам и ромам, дружинникам короля (антрустионам) или каким-нибудь другим его любимцам. Точно так же дарениями покупали удельные князья (Theilfürsten) помощь у господствующего класса крупных и могущественных землевладельцев, чиновников и военачальников, после того как начало образованию этого класса было положено уже во время гражданских войн и под их влиянием»⁴. Этот блестящий анализ экономических и социальных причин происхождения дворянского класса разоблачает жульничество фашистского «историка» Дарре, который происхождение немецкого дворянства объясняет с точки зрения... «антропологии».

Энгельс с исключительной силой разоблачает захватническо-эксплуататорскую роль церкви и духовенства. Он показывает те средства и методы, при помощи которых она обогащалась. Эти выводы Энгельса вскрывают антинаучный и ре-

¹ Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 48.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 64.

акционный характер утверждений Дюшпа о том, что в результате прекарных отношений церковь будто бы не только не обогащалась, но теряла существенную часть земель из своих фондов. Нужно отметить, что и земли свободных франков, конфискованные в наказание за бунты, притекали большей частью в руки церкви. Войны разоряли непосредственного производителя; он становился зависимым от господина человеком, а его земля переходила в распоряжение господина (землевладельца).

Подытожив результаты указанных выше процессов формирования крупного землевладения, Энгельс указывает, что в эпоху Каролингов произошел аграрный переворот. «Этот переворот, — говорит он, — в основе своей покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того чтобы прочнее привязать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились поселенцами короны. И, во-вторых, для того чтобы обеспечить набор свободных поселенцев крупных магнатов для военной службы, этим магнатам была передана часть административных прав областного графа над свободными поселенцами в их владениях, и они были назначены «сеньерами» над этими последними»¹.

Изменения в хозяйственной и социальной области оказали воздействие на государственные порядки. Иерархическая лестница признается и юридически оформляется государством. «Сословная иерархия, — говорит Энгельс, — от короля вниз через крупных бенефициариев к их поселенцам и, наконец, к несвободным становится признанным и официально действующим элементом государственного порядка. Государство признает, что оно не может существовать без ее помощи. Мы, впрочем, увидим, как эта помощь оказывалась на деле»².

Однако магнаты не только в дальнейшем не помогали централизованной (королевской) власти, а стали превращаться в независимых феодалов. Относительно централизованное государство Каролингов начинает разлагаться. Энгельс ставит и разрешает этот вопрос исторически. Он подчеркивает, что уже «созданный в эпоху Меровингов за счет короны класс магнатов всячески содействовал крушению королевской власти, но отнюдь не для того, чтобы подчиниться майордомам, людям одно-

го с ними званья. Напротив, вся Галлия, так говорит Эйнгард, была в руках этих «тиранов, которые везде претендовали на господство»³. Так поступали, говорит далее Энгельс, и епископы.

Карл Мартелл, Пипин Короткий и особенно Карл Великий своими реформами и мероприятиями на короткий период не только останавливают этот процесс государственного расчленения, но и достигают некоторых (а при Карле Великом с внешней стороны больших) успехов в деле централизации государственной власти.

Но так как процесс феодального дробления развивался стремительно и неудержимо, все эти успехи Каролингов оказались шаткими и эфемерными. Государственные должностные функции принимают феодальный характер. Граф (бывший чиновник и слуга королевского правительства в провинции) или вытесняется сеньером или сам становится таковым вследствие феодализации его бенефиция. Сеньер в результате развития иммунитетных прав получает большую самостоятельность и целый ряд прав (регалий), которые раньше принадлежали королевскому аппарату. В хозяйственной, социальной и политической сфере восторжествовал принцип патриархальности: достойные сеньеров, графов и других чиновных элементов стало наследственным.

В соответствии со всеми перечисленными выше сдвигами в хозяйственных, социальных и политических отношениях произошли реформы и в военном деле, которые еще выше подняли престиж сеньеров и окончательно разорили, а потом и закатали громадную массу свободных франков. «Непрестанные войны Карла Великого, — говорит Энгельс, — довершили дело. Бремя сделалось столь непосильным, что массы мелкого свободного люда, чтобы от него избавиться, предпочитали отдавать не только остаток своих земель, но и лично себя и своих потомков в распоряжение магнатов, особенно церкви. Свободных воинов франков Карл довел до того, что они готовы были терять независимость и становиться крепостными, лишь бы только не воевать»⁴.

Далее Энгельс показывает процесс окончательного формирования основных классов феодального общества. «Наряду с крупными землевладельцами, — заявляет он, — которые быстро превращались в то время в самостоятельное сословие, наряду с их свободными вассалами выступал класс несвободных, все больше поглощавший остатки свободных простых людей»⁵.

¹ Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 69.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 83.

Разумеется, процесс закабаления свободных крестьян не проходил гладко: он был связан с целым рядом крестьянских восстаний. «Рабство было им (т. е. бывшим свободным.— И. И.) еще непривычно; телесные наказания, которые получали даже колонь (капитулярии 853, 861, 873 гг.), воспринимались еще как оскорбление, а не как нечто, само собою разумеющееся. Отсюда — многочисленные заговоры и восстания несвободных и даже вассальных крестьян»¹. Эти восстания, говорит Энгельс, держали эксплуататоров очень часто в состоянии страха и являлись факторами известного ограничения произвола и эксплуатации.

В качестве завершения изложенного материала Энгельс дает следующее исключительное по глубине и четкости обобщение: «Такова была цена, за которую Карл купил свою новую Римскую империю: уничтожение сословия свободных простых людей, которые в эпоху завоевания Галлии составляли всю массу французского народа, расслоение народа на крупных землевладельцев, вассалов и крепостных. Но вместе со свободными простыми людьми

¹ Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 83.

пришел в упадок и старый военный строй, а вместе с ним пала и королевская власть. Карл уничтожил единственную основу своего собственного господства. При нем оно еще держалось, но при его преемниках обнаружилось, что представляло из себя в действительности дело его рук»².

Большой интерес представляет для историка и особенно для филолога работа Энгельса «Франкский диалект», которая наряду с изданием в отдельном оттиске (1935 год) помещена в рецензируемом сборнике. Здесь Энгельс разрешает целый ряд важнейших филологических проблем, которые были запутаны и искажены буржуазными учеными. При этом Энгельс выступает здесь как филолог, открывающий новый этап в этой науке. Он использует громадный лингвистический материал. В частности Энгельс разрешает вопрос о франках, который считался крайне запутанным и неясным.

О «Марке» Энгельса, которая вошла в этот сборник, мы подробно не говорим, так как она давно уже известна читателям как произведение, открывшее новую эпоху в области исследования первобытного общества.

² Там же, стр. 84.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Овладеть теорией, преобразующей мир	1
С. ГОЛНЕР — Ноябрьская революция 1918 года в Германии	10
М. КИСЕЛЕЗА — Мао Дзе-дун	22
Я. РАЕНКО — Борьба за Великую социалистическую резолюцию на Кубани и в Черноморье	34
Б. ВОЛЬФСОН — Подрывная деятельность монархистов в Крыму в годы гражданской войны	42
А. БОГОЛЮБОВ — Великий русский полководец А. В. Суворов	51
Л. БЫЧКОВ — Крестьянское партизанское движение против нашествия Наполеона в России в 1812 году	61
В. КОРНИЕНКО — Из истории ненцев Северного края	77
К. ДОБРОЛЮБСКИЙ — Франция во второй половине XVIII века	85
А. БОКЩАНИН — Нумантинская война (борьба Испании против Рима во 2-м столетии до нашей эры)	98

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

В. БЕРНАДСКИЙ — Фольклор на уроках истории СССР в средней школе	106
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

О. ВЕЙЛАНД — „II съезд РСДРП (материалы и документы)“	113
А. МОЛОК — Е. Тарле „Нашествие Наполеона“	118
И. ИВАШИН — Ф. Энгельс „К истории древних германцев“	123

О П Е Ч А Т К И

№ №	Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Нужно читать
7	24	правая	8 снизу	Киеве	Креве
8	67	„	3 „	Довнар-Запальскому	Довнар-Запольскому
„	72	„	20 „	Васильченковым	Васильчиковым
„	72	„	5 „	Лагарновом	Лагарновом

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Зам. редактора — **С. И. Голнер**
Отв. секр. **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б—44034 Изд. № 995 Зак. № 2530 Тираж 48 300
Материал сдан в набор 25 IX 1938 г. Подписан к печати 2 XI 1938 г. 8 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.